

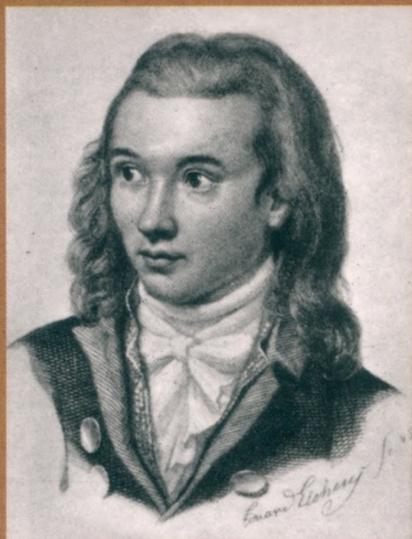
Новалис

Герхард Шульц

Биографические ландшафты

Новалис

сам о себе

в изложении
Герхарда Шульца

Биографические ландшафты

Новалис

Novalis

*mit Selbstzeugnissen
und Bilddokumenten
dargestellt von
Gerhard Schulz*

Rowohlt

Герхард Шульц

Новалис

*сам свидетельствующий
о себе и о своей жизни
(с приложением фотодокументов
и иллюстраций)*

перевод с немецкого

*Урал LTD
1998*

ББК 83.3 (4Г)
Ш95

Перевод с немецкого
МАРКА БЕНТА

В центре данного биографического повествования — жизнь и творчество Фридриха фон Гарденберга (1772—1801), больше известного под псевдонимом Новалис.

Друг Шлегелей и Тика, один из йенских романтиков и даже «император романтизма», как назвал его Гёте, автор удивительных «Фрагментов», столь же отрешенно-метафизических, сколь и поэтически-страстных, всей своей недолгой, но необыкновенно насыщенной жизнью Новалис пытался соединить в одно неразрывное целое два мира: здешний, земной, и потусторонний, небесный.

Книгу завершают «Афоризмы и фрагменты» «немецкого Паскаля» и лирико-философский комментарий к ним.

Перевод выполнен по 13 изданию, вышедшему в 1996 году

ISBN 5-88294-106-7 (рус.)
ISBN 3-499-50154-6 (нем.)

- © Издательство «Урал LTD», 1998
Originally published under the title *Novalis in the series «rowohlts monographien»*
- © Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg
- © Перевод биографии — М. И. Бент, 1998
- © Перевод «Афоризмов и фрагментов», послесловие — Н. Ф. Волдырев, 1998
- © Оформление — И. Л. Попов, дизайн серии — А. Ю. Данилов, 1998

Содержание

«Новалис»	9
Родительский дом	12
Поэтические опыты	29
Годы учения	47
София	62
Философия	79
Невидимый мир	94
Пришелец	107
Литературные посевы	129
Романтическая религия	147
Бюргерская архитектура	158
Дружба романтиков	180
Поэтическое христианство	199
Генрих фон Офтердинген	214
Последний год	234

Примечания 259

Хронологическая таблица 268

Свидетельства 274

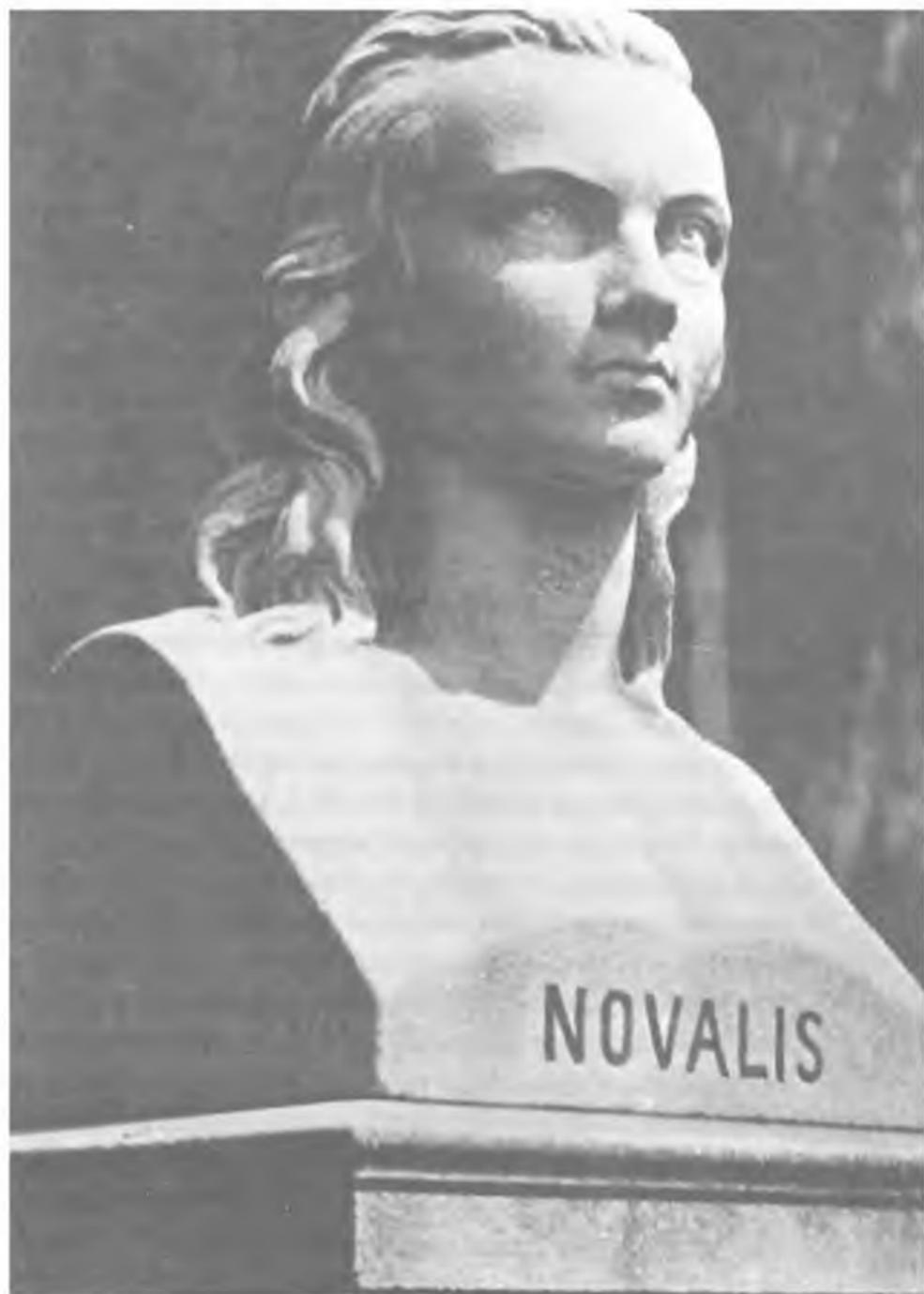
Библиография 278

Указатель имен 287

Приложение

Новалис. «Афоризмы и фрагменты» 295

Жизнь как сновидение (послесловие) 314

*Новалис. Бюст работы Фридриха фон Шапера
на могиле в Вайсенфельсе*

«Новалис»

Редко случалось, чтобы предубеждения до такой степени затуманивали всеобщие представления о поэте, как в случае с Новалисом. Редко случалось, чтобы о поэте было известно так много и одновременно так мало. Это начинается уже с имени и в равной степени справедливо для его облика и его произведений.

Настоящее имя Новалиса — Георг Филипп Фридрих фон Гарденберг. «Новалис», возделывающий новь, — так он назвал себя впервые в 1798 году, когда издавал *Цветочную пыльцу*. Использование инициалов или псевдонимов было обычным для того времени; бюргер мог спрятаться за спиной писателя. Однако если в случае с другими псевдоним художника со временем забывался, коль скоро благодаря успеху на артистическом поприще оказывалась завоеванной и бюргерская репутация, то в случае с Гарденбергом, умершим столь рано, романтический криптоним сохранился и даже повлиял на представление, которое последующий мир составил о нем как о бюргере. Впрочем, напрасно было бы стараться сегодня вернуть более благозвучное слово или хотя бы настаивать на более отчетливом разделении имени бюргера и имени художника. Такого отчетливого различия не было и в самой жизни поэта. Гораздо важнее понять личность Новалиса в ее нераздельности.

Уже внешний облик этого человека вызывал замешательство у потомков. Существует один-единственный

портрет, представляющий его таким, каким его видели близкие, сверстники, друзья. Работа неизвестного художника (с. 155) сохранила для нас облик хрупкого юноши: овальное, заостряющееся книзу лицо, высокий и широкий лоб, темные глаза, большой и нежно вылепленный рот. Ум и доброта, серьезность, но также и отблеск улыбки видны в этих чертах. Людвиг Тик позднее так описал своего друга: «Новалис был высок, строен и благородных пропорций. Он носил свои светло-каштановые волосы в виде ниспадающих локонов, которые тогда меньше бросались в глаза, чем сейчас. У него были светлые блестящие глаза, а лицо, в особенности его вдохновенный лоб, было почти прозрачным. Руки и ноги несколько велики и не особенно изящны. Выражение лица неизменно светлое и благожелательное».^{1*}

Примечательно, что этот единственный аутентичный портрет взрослого Фридриха фон Гарденберга был мало известен и лишь изредка воспроизводился. Большинство издателей, биографов и историков литературы обращались к гравюре, которую в 1845 году сделал именно с этого портрета Эдуард Эйхенс. Но Эйхенс не был современником поэта, и как бы он ни стремился сохранить верность оригиналу, он не мог добиться того, чтобы его собственные представления о поэте не повлияли на его облик. Лицо молодого мужчины преобразилось и приобрело нечто женственное и мечтательное. Рот стал меньше, полнее, мягче, утратил легкий налет веселости. Лоб вытянулся, стал уже, волосы не падают с затылка вниз, но подняты и взбиты, подчеркивая пышность, которой отнюдь не было в оригинале. Одухотворенное, значительное

---

* Цифры по всему тексту отсылают к примечаниям на с. 259 и далее.

в лице уступило место детски-благонравной соразмерности, которая уже не позволяет предполагать ни широты, ни глубины, ни ясности и остроты мысли, столь свойственных этому уму. Более поздние изображения, а также бюст на могиле в Вайсенфельсе опираются на гравюру Эйхенса и вносят свой вклад в переосмысление образа Новалиса, что, несомненно, отразилось на восприятии и интерпретации его произведений. Ведь и в том, что касается творчества, вряд ли кто-либо еще из значительных авторов подал столько поводов к многочисленным недоразумениям.

Наиболее важные произведения Новалиса были, правда, известны со времени первого издания, предпринятого Шлегелем и Тиком в 1802 году. Речь идет об *Офтердингене*, *Учениках в Саусе*, *Гимнах к ночи* и *Духовных песнях*. Что касается больших теоретических сочинений, которые в настоящее время составляют два внушительных тома и которые до сих пор опубликованы лишь частично, то на протяжении ста лет существовало только скудное собрание пестро перемешанных и весьма произвольно составленных издателями отрывков, отражающих блестящий, но мечтательно-зыбкий и незрелый ум, которому недостает воли к завершенности, а равно серьезности и целеустремленности мысли.

Но именно целеустремленностью и силой воли Новалис обладал в высокой степени, и только они одни позволили ему добиться того, что он как писатель совершил. Значительность и внутреннюю обусловленность его произведений можно понять лишь в том случае, если принять во внимание особенности развития его личности, его мышления, его времени.

Родительский дом

«2-го мая 1772 года в Видерштедте одарил нас Господь радостью и послал нам сына, который при святом крещении наречен был именем Георг Фридрих Филипп ф. Г.»² Такими словами засвидетельствовала в маленьком жизнеописании рождение своего первого сына баронесса Августа Бернардина фон Гарденберг, урожденная фон Бельциг.

*Должно быть, верно, что особое сочетание звезд сопутствует рождению поэта*³, писал позднее этот сын в своем романе *Генрих фон Офтердинген*. То обстоятельство, что в день его рождения действительно имело место солнечное затмение, что Сатурн и Марс вели себя тоже отнюдь не равнодушно, оставим символическим играм астрологов. Однако благодаря дате своего рождения Фридрих фон Гарденберг стал сверстником целого ряда людей, чьим трудам и достижениям в течение продолжительного времени суждено было определять ход грядущего столетия. Наполеон был на три года старше, чем он, Меттерних — на год младше. От Гегеля, Гёльдерлина, Бетховена и прусского короля Фридриха Вильгельма III его отделили два года. Фридрих Шлегель был того же года рождения, а Людвиг Тик родился годом позже. Уже такая принадлежность к одному времени свидетельствует, что эпоха созрела для решающих изменений как в общественной, так и в духовной жизни. Перемены обнаружились и в области естествознания. В 1772 году Лавуазье открыл, что в процессе сгорания происходит увеличение массы, которое объясняется выделением кислорода. За год до этого Шееле и Пристли открыли и сам кислород. Благодаря этому были созданы предпосылки для коперниковского перево-

Гравюра Эдуарда Эйхенса (1845) с портрета неизвестного художника (ср. с. 155)

рота в химии. В 1772 году Джеймс Кук начал свою вторую кругосветную экспедицию, которая привела его на чудесный остров снов Отаете, или Таити. Спутниками Кука были Иоганн Рейнгольд Форстер и его сын Иоганн Георг*. Их доклады, появившиеся через несколько лет, привнесли дыхание свободы и простора в бюргерские дома немецкого захолустья. Государства центральной Европы постепенно оправлялись от последствий Семилетней войны. Саксонцы стали жертвами тяжелейшего голода, а в мае 1772 года в Дрездене появились первые бумажные деньги, так называемые «кассовые билеты». Все более ветшающий феодальный сословный порядок тем самым нехотя включал в себя элементы новой экономической формации. Под таким сочетанием звезд и появился на свет поэт, чья жизнь была отмечена страстью к политике, тоской по переменам в мире, а равно и стремлением познать в качестве ученого законы природы и применить их на практике.

О его предках мало что можно сказать. Гарденберги были старым нижнесаксонским дворянским родом, который, впрочем, до того времени едва ли чем-нибудь проявил себя в истории. Основатель рода, Дитрих фон Гарденберг, жил на рубеже XII и XIII веков, в эпоху расцвета средневековой поэзии. Его младший сын, Гюнтер, получил во владение имение Роде. Хронист свидетельствует: «Поселившиеся здесь по гюнтеровской линии писались de Novali из Роде».⁴ Несколькими милями севернее Геттингена, около Нертена, поблизости от нового замка, еще и сегодня находятся руины старой родовой

---

* Форстер, Иоганн Георг Адам (1754—1794) — ученый и путешественник, занимался вопросами естествознания и истории. Общественный деятель. Президент якобинского клуба в Майнце, горячий сторонник французской революции. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, звездочками обозначены примечания переводчика.*

*Руины старой резиденции Гарденбергов близ Нертена.
Гравюра на стали. Около 1830*

резиденции Гарденбергов. В XVII веке род разделился на три линии: Георг Антон фон Гарденберг (1666—1721), второй из трех сыновей, получил баронский титул и поместье Обервидерштедт, секуляризованный* монастырь в графстве Мансфельд. Два других брата, возглавлявшие одну графскую и одну позднее также возведенную в графское достоинство линию, остались в Нижней Саксонии.

---

* Бывший во владении Церкви, но перешедший в светское управление.

*Отец: Генрих Ульрих Эразм барон фон Гарденберг (1738—1814).
Портрет работы Антона Граффа*

Из старшей графской линии происходил государственный канцлер Пруссии и известный реформатор Карл Август фон Гарденберг (1750—1822). Прапрадедом же Новалиса был Георг Антон фон Гарденберг.

Третий владелец Обервидерштедта, Генрих Ульрих Эразм фон Гарденберг, младший из четырех сыновей, родился в 1738 году. Шульпфорта, Геттингенский университет и мансфельдские медные и серебряные рудники обозначили ступени его образования, которое подготовило его для административной карьеры и горного дела. От рутинной деятельности в придворной канцелярии Ганновера он сбежал в конце Семилетней войны на прусскую военную службу. После войны он унаследовал поместье отца, поскольку тот в 1752 году скончался, а старшие братья своих притязаний не заявили. В 1764 году Генрих Ульрих Эразм фон Гарденберг женился, но уже в 1769 году его жена умерла во время эпидемии оспы. Знакомство со смертью стало толчком к глубокой религиозности и к пиетизму*. Позднее он так вспоминал об этом: «От пустой, бессмысленной жизни я пробудился весной 1769 года через сильное потрясение от смерти жены моей и ощутил сильное беспокойство о моей душе. Благочестивое воспитание моей блаженной матушки внушило мне *grincipia*, которые сделали сильное впечатление в моей душе уже в нежные мои годы, и оные снисходительный Господь сподобил сохранить и посреди столпотворения порока, коему столь долго я был предоставлен».⁵

Трудно сказать, сколь многое в подобных покаяниях следует приписать пиетистскому самоуничижению. Уже от своей матери, урожденной фон Хейниц, и от ее семьи он воспринял духовные ценности цинцендорфианства**,

---

* Пиетизм — мистическое течение в протестантизме конца XVII — начала XVIII вв. Характеризовался суровостью и моральным ригоризмом.

** Цинцендорфианство (по имени графа Н. Л. фон Цинцендорфа, 1700—1760) — учение и практика гернгутеров и моравских братьев.

теперь же приблизился ради искупления своей греховности и к самому гернгутерскому* братству. Он вступал в союз с Господом Богом своим и заявлял: «Я хочу сделаться лучше и чрез строгое поведение свое восстановить утраченное в юные годы». ⁶ Свой договор он воспринимал совершенно серьезно и, заключая второй брак, находился в твердом убеждении относительно греховности человека, которого может исправить только аскетическая суровость.

Его избранницей стала обедневшая дворянка, которая нашла приют, впрочем, не лишенный оттенка унижения, в доме его матери. В своем жизнеописании Августина Бернардина фон Бельциг пишет: «Первого июля 1770 года на двадцатом году жизни я вступила в счастливейший и благословеннейший союз с моим славным возлюбленным супругом Генрихом Ульрихом Эразмом фон Гарденбергом, коему было тогда тридцать два года. Союз сей был заключен в его поместье Видерштедт». ⁷ В этом счастливом и благословенном союзе она родила своему мужу одиннадцать детей. При рождении последнего ей было более сорока пяти лет. Из этих одиннадцати детей один умер в возрасте тринадцати лет, восемь — между двадцатью и тридцатью и один — тридцати семи лет. И лишь единственный ребенок, сын Антон, пережил свою мать: он умер сорока четырех лет от роду.

Отец Новалиса, таким образом, являлся главой большого семейства, которым он управлял в духе присущих ему представлений о человеческой греховности. Один раз Людвиг Тик, явившись в гости, услышал, как почтенный

---

* Гернгутерство — протестантская секта последователей чешских братьев; основано в 1722 году в Гернгуте близ Циттау.

господин бранится и сердится в соседней комнате самым немилосердным образом. «Что случилось? — в тревоге спросил он у вошедшего слуги. Ничего, сухо отвечал тот, барин дает урок Закона Божия. Старший Гарденберг имел обыкновение руководить молитвословиями и устраивал испытания в делах веры для самых младших детей, при этом случалось, что упражнения принимали бурные формы».⁸ Подобного рода домашние уроки Библии были существенной составной частью пиетистского религиозного воспитания. Новалис говорил позднее, что его отца отличали упорное сопротивление новым веяниям, аскетическая строгость и недоверие к нижестоящим. По натуре он, очевидно, был человеком слабым. Портрет работы Антона Граффа позволяет увидеть мягкие и немного неопределенные черты. Наружная серьезность, даже строгость в повадках и образе мыслей выдают упрямство внутренне не уверенного в себе человека, который желает втиснуть свою жизнь в заданные жесткие формы. На это же указывают сознание греховности и жажда покаяния. Вместо настоящей строгости возникает жесткость, которая не позволяет по-настоящему проявиться любви.

Неудивительно поэтому, что вся детская нежность, у сыновей в особенности, изливалась на мать. По своей натуре это была умная, тонко чувствующая и отзывчивая женщина, но социальное клеймо бедности ее родителей, а также обиды, испытанные в неравном браке, сделали ее робкой, покорной, придавленной. Как раз поэтому, однако, она явилась предметом нежнейших чувств старшего сына, для которого любовь и впоследствии оставалась накрепко связанной с состраданием. В возрасте девятнадцати лет Новалис признавался своей матери: *Я знаю, ты любишь получать мои письма. Могу тебя уверить, что*

одно лишь воспоминание о тебе доставляет мне счастливейшие часы, когда моя фантазия парит и твой облик живо представляется моему внутреннему зрению, когда все прекрасные сцены прошлого и будущего, где я вместе с тобой, встают перед моим внутренним взором и каждая черта в них одухотворена: когда голубая завеса будущего приподнимается, я вижу тебя как вдохновительницу всех дерзких замыслов, на которые отваживается моя, быть может слишком смелая, фантазия. Ибо кому обязаны своей энергией почти все мужчины, которые решились на что-либо великое ради человечества? — только своим матерям. Тебе обязан я почти всем в развитии моих сил, и все доброе, на что я отважусь и что совершу, будет вдохновлено тобой, и в этом скажется моя великая благодарность тебе.⁹

В этих строчках, конечно же, не только проявление вежливости или красноречие юноши, осознавшего свою власть над словом, даже если нечто в этом роде здесь присутствует. Слова о вдохновительнице смелых замыслов подтверждаются многими произведениями сына, ибо любовь к матери, почти кровосмесительная, является едва ли не лейтмотивом всего творчества поэта.

К тому же в первые годы жизни Новалис был слабым ребенком, отставал в развитии по сравнению с братьями и сестрами и потому нуждался в особой заботе. Мать посвящала ему свои вирши. От его имени взывала о любви в стихах, обращенных к отцу... В 1780 году произошло важное изменение в жизни мальчика. «На девятом году он заболел дизентерией и, как следствие, атонией желудка. То и другое потребовало применения болезненных средств и продолжительного лечения. Тогда-то, как кажется, вдруг и пробудился его дух».¹⁰ Интерес отца к

Мать: Августа Бернардина, урожд. фон Бельциг (1749—1818), с внуком Эразмом фон Рехенбергом. Прижизненное изображение

старшему сыну рос по мере его стремительного развития. Он начал брать сына в свои поездки, а в 1783 году на продолжительное время отдал его в руки своего десятию годами старшего брата Готлоба Фридриха Вильгельма фон Гарденберга, который в качестве земельного комтура Ордена германских рыцарей имел своей резиденцией за-

Липовая аллея в парке Обервидерштедта

*Одиннадцатилетний Новалис. Силуэт на зеленой бумаге.
Из собрания К. А. Фарнгагена фон Энзе, который получил силуэт
от Беттины фон Арним. Подпись сделана рукой Фарнгагена*

мок Луклум между Хельмштедтом и Вольфенбюттелем. Здесь подростка ожидал совсем другой мир.

Разумеется, Луклум не был центром духовной или политической жизни; орденские приюты были учреждениями, которые занимались призрением престарелых представителей дворянского звания. Однако в просторном, богато обставленном господском доме веяло совсем иным духом, нежели в тесных, душных покоях бывшего

*Рыцарский зал Ордена немецких рыцарей, около 1740.
Замок Луклум*

Луклум близ Брауншвейга

*Готлоб Фридрих
Вильгельм фон
Гарденберг
(1728—1800).
Земельный
комтур Ордена
немецких
рыцарей*

женского монастыря Обервидерштедт. Здесь было нечто от великосветской раскованности. Земельный комтур* имел свою, полностью обособленную, часовню в домовой церкви и мог, если ему было угодно, отправлять службу хоть в халате. Строгой пиетистской аскезе здесь противостояло рококо в его поблекшем блеске. И изобразить себя хозяин дома велел в виде кавалера в парике и с косичкой, в мерцающих доспехах и с большим орденским крестом.

Неизвестно, как долго продолжалось пребывание Новалиса в Луклуме. Но из одного письма комтура к млад-

---

* Комтур — земельный руководитель рыцарского ордена.

шему брату явствует, что двенадцатилетний подросток испытал глубокое воздействие новой обстановки: *Меня радует, что Фриц опять вернулся в прежнюю колею, из которой я, разумеется, больше не стану его извлекать. Мой дом создает слишком большое напряжение для его юной головы, его это избаловало бы, а я принимаю слишком много посторонних и не могу предотвратить того, что за моим столом говорится много такого, что ему отнюдь не идет на пользу.*¹¹

Тем не менее дядя остался значительной фигурой в жизни Фридриха фон Гарденберга, в особенности потому, что его отец при всем их различии рассматривал старшего брата скорее как заменившего ему отца советчика и учителя. Новалис так изобразил отношение к нему обоих: *Характер моего дяди отличается нерушимой, неколебимой справедливостью и строжайшей приверженностью принципам. Его разум несет отпечаток культуры старого общества, но также и его ограниченности. С давних пор он был избалован счастьем. Бедности он не испытывал никогда... Он дал мне с юных лет возможность удовлетворить мое тщеславие и ожидал от моей живости блестящих успехов. Он льстил мне приятнейшими надеждами играть в обществе известную роль, и, разумеется, на этом поприще он оказал бы мне самую теплую поддержку. Несмотря на то что мой отец во многом был предан моему дяде и даже походил на него своими взглядами, он все же отличался от него в этом отношении и своим примером и речами демонстрировал презрение к внешнему блеску. Он призывал нас выказывать усердие, довольствоваться малым и выражал радость, если мы следовали своему сердцу, не обращая внимания на мнение света. Он открыл нам счастье тихой*

*домашней жизни и часто просил нас никогда не действовать и не делать выбор из соображений выгоды или амбиций. Мой дядя был привязан к привилегиям сословия и происхождения, отец же смеялся над тем и над другим.*¹²

Тихий домашний быт в Обервидерштедте был, правда, зачастую связан с бедностью. К тому времени, когда Эразм фон Гарденберг вступил в права владения, имение пришло в упадок. Он имел, впрочем, побочный доход, так как являлся также горным начальником в графстве Мансфельд. Однако этого не могло хватить для его все возравставшего семейства, так что в 1784 году он ходатайствовал о вакантном месте директора саксонских соляных предприятий в Артерне, Кезене и Дюрренберге с дополнительным жалованьем в 650 талеров ежегодно и с обязательством «иметь постоянное жительство вблизи Дюрренберга».¹³ В 1785 году семья переселилась в Вайсенфельс. Это место стало центром жизненного круга Фридриха фон Гарденберга, из которого он вышел и в который неизменно возвращался. Вайсенфельс был тогда маленьким городом, население которого едва ли превышало 3800 жителей, однако всего лишь тридцать километров отделяли его от Лейпцига, центра торговли и учености; к юго-западу лежал университетский город Йена, куда легко было добраться до полудня, а на западе лишь немного более удаленный Веймар с примерно шестью тысячами жителей, в числе которых находились тогда министр Гёте, генерал-суперинтендант* Гердер и надворный советник Виланд. Вот таким, в общем, было ближайшее жизненное пространство Новалиса. На периферии находились с юга богемский курорт Теплиц, с вос-

---

* Генерал-суперинтендант — глава церковного ведомства. Этот пост в Веймаре занимал И. Г. Гердер.

Замок Обервидерштедт. Вид со двора. Около 1870

тока — Дрезден и Оберлаузиц, с севера — Виттенберг и с северо-запада — замок Гарденберг. Дальше этих пределов он никогда не бывал. В центральной Германии — между Гарцем, Тюрингским лесом, Рудными горами и Эльбой — разыгрывалась вся его жизнь. Он был подданным саксонского курфюрста и воспитан как слуга этого государя. Он сам, его родственники и многие из его друзей говорили на мягком саксонском и тюрингском наречии, а богатая культура этого края стала той почвой, на которой выросли его собственные произведения.

Поэтические опыты

И в Вайсенфельсе постоянно возраставшее семейство Гарденбергов вело скромное существование. Волею случая их дом, как и замок Обервидерштедт, был связан с церковной традицией: он носил имя *У монастыря*, потому что был построен во владениях монашеского ордена. Город, княжеский род которого угас в 1746 году, не отличался оживленной общественной жизнью. *Вы живете в Афинах на Плейсе*, писал Новалис другу в Лейпциг, *а мы на берегах Заале живем как в Беотии**, *вдали от муз и их храмов*.¹⁴ Что, однако, неизменно мог предложить немецкий город, так это образование. Домашний учитель и латинская школа позаботились об успехах юного воспитанника. Брат Карл свидетельствует: *Он был очень усерден на уроках и латынь и греческий знал изрядно уже в двенадцать лет; сохранились и многочисленные стихотворения, относящиеся к этому времени; в часы досуга его излюбленным чтением были стихи и сказки, последние он охотно рассказывал и своим братьям и сестрам. Таким образом, быть может, заслуживает упоминания то обстоятельство, что согласно свидетельствам три брата очень любили такую игру: каждый из них считался духом неба, воды или земли, и всякий воскресный вечер Новалис рассказывал своим братьям о новых событиях в их царствах, которые он успевал к этому времени сочинить занимательнейшим и изящнейшим образом, и эта игра продолжалась три-четыре года без перерыва. Историю он читал с большим усердием, и его учителям не было необходимо-*

---

* Беотия — область в Древней Греции, синоним отсталости и умственной ограниченности.

*сти подстегивать его прилежание, скорее было бы много лучше для его здоровья, если бы они иногда сдерживали его усердие.*¹⁵ Последнее было сказано под влиянием его дальнейшей жизни и ранней смерти, но легкая наклонность к болезни была, очевидно, присуща Фридриху фон Гарденбергу уже с ранней юности, так же как стремление победить природные слабости прилежанием и самодисциплиной.

Он завершил свое школьное образование в 1790 году, после нескольких месяцев посещения гимназии в Эйслебене, которая тогда находилась под управлением Христиана Давида Яни, пользовавшегося большим авторитетом в ученых кругах, в особенности в качестве автора латинской поэтики и издателя сочинений Горация. Очевидно, ему удалось внушить своим ученикам нечто от собственного энтузиазма, так как пристрастие именно к Горацию никогда не покидало Новалиса, о чем свидетельствуют различные, частью удачные, опыты переводов. Примерно половина всех учебных занятий была посвящена изучению греческих и латинских авторов. Яни умер в октябре 1790 года, и Новалис на короткое время, прежде чем начать изучение права, вернулся в Вайсенфельс.

Отец предназначал его для карьеры на саксонской государственной службе, но склонность к *изящным искусствам*¹⁶ заставила с собой считаться. Дядя, впрочем, часто *демонстрировал мне, пишет Новалис, смешную сторону поэтических увлечений, и если я, осознавая в душе эту смехотворность, старался не обнаруживать своих пристрастий, то тайне все же не переставал предаваться этим увлекательным занятиям.*¹⁷ Список книг, который как раз в это время был подготовлен восемнадцатилетним Новалисом и позволяет познакомиться

с наставниками юного поэта, отчетливо показывает, к какой области принадлежали тогда основные его интересы. Разумеется, в солидной библиотеке были представлены юристы, историки и философы, но преобладали определенно поэты. Наряду с латинскими и греческими авторами, составлявшими школьное чтение, присутствовало множество имен мощно развернувшейся как раз в это время немецкой литературы. Драма была представлена Гёте и Шиллером, Виланд — ведущий прозаик, а в большом хороводе лириков за Клопштоком следуют имена

Жилой дом семейства Гарденберг в Вайсенфельсе

вроде Уца и Глейма, Рамлера и Готтера, Гельти, Бюргера и Фридриха Леопольда фон Штольберга*. Засвидетельствованная братом любовь к сочинительству все сильнее захватывала Новалиса в годы его учения в школе (1788—1790). Результаты (более трехсот стихотворений) намного превосходят по объему его позднейшее лирическое творчество. К этому периоду относятся также многочисленные, частью неоконченные, стихотворные рассказы, даже басни, фрагменты пьес, начала романов и переводов.

Большую часть в этом мозаичном юношеском творчестве составляет литература из вторых рук, подражательная поэзия, хотя Новалис не довольствовался простой имитацией, но то и дело находил собственные интонации, обнаруживая многообещающий талант. Кроме того, вряд ли какой другой поэт пробовал свои силы в столь многих областях и жанрах, как Новалис, так что в этом можно распознать внутреннюю потребность, а не только поэтические экзерсисы. Ибо прямо-таки неудержимая порой потребность высказаться, связанная с беспокойными попытками проникнуть в многообразные области человеческого сознания, веры и опыта, сохранилась и в зрелые годы. Поэзия и в дальнейшем оставалась для него мень-

---

* Помимо классиков немецкой литературы И. В. Гете, Ф. К. Шиллера, К. М. Виланда, Ф. Г. Клопштока, Г. А. Бюргера, здесь названы поэты и писатели эпохи Просвещения: И. П. Уц (1720—1796), создатель «Лирических стихотворений» (1749); И. В. Л. Глейм (1719—1803), автор баллад и анакреонтики, известный «Воинскими песнями прусского гренадера» (1758); К. В. Рамлер (1725—1798), известный своими одами в духе Горация, а также собранием старой немецкой поэзии «Песни немцев» (1766); Ф. В. Готтер (1746—1797), один из основателей (совместно с Г. Х. Бойе) «Геттингенского альманаха муз»; Л. Г. Х. Гельти (1748—1776), испытавший влияние английских сентименталистов и Клопштока и отразивший в своих идиллиях стремление к простой и естественной жизни; граф Ф. Л. Штольберг (1750—1819), писатель, драматург, лирик и переводчик.

Новалис-подросток. Прижизненное изображение

ше всего средством изображения непосредственных переживаний и чувств, она неизменно и прежде всего исходила из острой мысли, из интеллектуального опыта.

Литературный ландшафт, в котором разворачивалось его юношеское творчество, сам Новалис описал в стихо-

творении, обращенном к вайсенфельсскому издателю Фридриху Зеверину:

В нашей любезной отчизне
Люди сейчас таковы:
Всякий рифмует светло иль печально,
Расположившись в лесу на поляне,
Либо примыслив себе океан,
Бурный, волнуемый ветром, ревущий.
Либо, в седой старине обретаясь,
Варваров грубые песни поет,
Либо Цитере жертвы приносит,
Фавна приняв за Амура и Лиру
Предназначая лишь пьяным сатирам.¹⁸*

Таким образом, мы обозначили уже важнейшие для молодого поэта образцы и примеры: это игривая и легкая поэзия эпигонов рококо, мечтательно погруженная в буколический мирок аркадских пастухов, и бурная патристическая лирика бардов, видевшая своего родоначальника в Клопштоке и культивировавшаяся в первую очередь поэтами *Союза рощи***.

Пастухи и пастушки населяют и стихотворения Новалиса, он тоже поет анакреонтические гимны вину и лобзаниям, и у него можно найти влюбленных на лоне природы, под ольхой или липой. С вакхическим соседствует бюргерское, превозносятся идеалы добродетели и благоразумия, поется хвала семейному кругу и дружбе. Здорово

---

* Основная часть цитируемых в этой книге поэтических фрагментов Новалиса — это классические рифмованные стихи. К сожалению, полноценных переложений лирики Новалиса на русский язык немного. Поэтому переводчик при работе над данной биографией был вынужден ограничиться переводом большинства поэтических фрагментов свободным стихом, временами приближаясь к подстрочнику.

** «Союз рощи» («Геттингенская роща», Геттингенское содружество поэтов) — близкое «буре и натиску» объединение поэтов (Фосс, Гельти, бр. Штольберги) в городе Геттингене.

вая скромность сельской жизни противопоставляется испорченности городов. Здесь можно встретить образы отца, смиренного, озабоченного исполнением своего долга, и матери, с ее тихой домовитостью, верностью и сердечной искренностью¹⁹, а также найти описание будущей избранницы самого поэта:

*Та, что в плен меня возьмет
До жизни сей конца,
Она должна разумной быть
И шуткой ублажать.*

Рыночная площадь в Эйслебене. Около 1820

*Полна сердечной доброты,
Любезна и верна,
Но и светла и весела,
Как майский утра сон.*

*Полна природной красоты
И грации полна,
Не кукла глупая из тех,
Что только моду чтят.*

*Пусть будет хороша собой
На зависть всем вокруг,
Пусть детям лаской угодит
И обиходит дом.*

*Богатство тоже не вредит,
Ведь лучше, если ты
Забот не знаешь никаких
И хлеб насущный ешь.²⁰*

Наряду с этим можно найти стихотворения *На могиле отца* и *Моей умирающей сестре*, хотя и тот и другая пережили поэта. Путешествия Кука и Форстера нашли отклик в порыве бежать из застывшей Европы и основать в союзе с единомышленниками лучший мир на далеком острове:

*О нет, друзья, бежим, бежим
Оков Европы прочь.
Туда, к наивным дикарям,
Где океан и ночь.*

*Давайте диких увлечем,
Как некогда Орфей,
Мы им законы учредим,
И править будем здесь,*

*Природе скиптр вручив,
Искусство в помощь взяв.
Здесь всякий пользу принесет,
И скромн и счастлив.²¹*

В стиле Карла Вильгельма Рамлера воспеваются идеальные правители, особенно прусский король Фридрих II, его наследник Фридрих Вильгельм II и император Иосиф II. Им воздается хвала как учредителям мира, покровителям терпимости, добрым отцам своих народов и меценатам. Некоторые более поздние мысли Гарденберга об обязанностях правителя, об отношениях поэта и короля в зародыше присутствуют уже здесь. Огненные сполохи штурма Бастилии, впрочем, нигде в этих стихах не заметны. Слишком близким было это событие и в своих последствиях слишком еще неясным. Кроме того, уже тогда ощущение истории как органического единства прошлого, настоящего и будущего побуждало Новалиса, в отличие от многих сверстников, не слишком преувеличивать значение отдельных событий. Следует сказать и о том, что ностальгия по блаженному доисторическому времени, воспринятая прежде всего из поэзии *Союза роши*, естественно связывалась у него с сетованиями на убожество настоящего и предощущением более щедрого и гармонического будущего. Она отразилась многократно в поэзии Новалиса этого периода и явилась одним из основных мотивов позднейших его обращений к истории.

К литературным импульсам прибавились, наконец, и личные. В мае 1789 года Готфрид Август Бюргер посетил свою сестру в Лангендорфе, удаленном от Вайсенфельса едва ли на милю. В это время как раз появилось и второе издание его стихов с целым рядом новых сонетов, так что молодой поэт обратился к старшему за ободрением. Он

Готфрид Август
Бюргер.
Гравюра Кл. Коля по
оригиналу Фьорильо.
Вена, 1797

взял на себя смелость написать ему, будучи совершенно неизвестным и к тому же безбородым юношей²². Бюргер ответил, и Новалис торжествовал: *Письмо ко мне написано той самой рукой, которая некогда начертала «Ленору» и ратоборствовала с Гомером.*²³

Они встретились, и теперь сонеты были сочинены в честь Бюргера. Никуда он не хотел теперь бежать,

*Коль скоро Аполлон волнует грудь мою,
Отважиться хочу, вскарабкаться на гору,
С которой вниз стремится Бюргера поток.*²⁴

В этом обращении за дружбой к старшему учителю, к авторитету проявляется специфическая черта натуры Гарденберга. Разумеется, в таком поклонении, в стремле-

нии заключить союз со стороны юноши не было ничего необычного, и тем менее, что как раз восемнадцатое столетие утверждало культ дружбы, ставя его по ценности рядом с культом любви, порой даже отдавая ему предпочтение, поскольку дружба в своей основе представлялась свободным слиянием свободных индивидов по ту сторону социальных препон, а следовательно, казалась естественной формой выявления бюргерского самосознания. Однако в юношеской симпатии Гарденберга к своим наставникам, которая позднее получит и поэтическое воплощение (особенно в *Генрихе фон Офтердингене*), прослеживается также попытка через пietet по отношению к устойчи-

Йена, вид с юга. Раскрашенная гравюра Якоба Ру

Und hast du dann das Strahlenziel errungen;
dann feiert die Menschheit dir ein Fest:
dann stieg' dein Ruhm auf Jomens alsden Zungen
dein Ruhm von Pol' zu Pol', vom Ost zum West;
und lehrn Völker, aus dem Staub sich heben;
und lehrn Fürsten vor dem Recht erheben.
„War Recht und Güte gründen Thronen?“
die Stimme tönt vom großen Meer *)
furchtbar mit Donneruf daher.

Ihr Fürsten höret sie, und wahr't eurer Eronen!

Dan. Jemisch,
Prediger in Berlin.

2.

Klagen eines Jünglings.

Nimmer schwanden undankbar die Freuden
traumgleich mir in öde Fernen hin;
Jede farbte, lieblicher im Scheiden,
mit Erinnerung meinen trunken Sinn;
Mit Erinnerung, die, statt zu ermüden,
neue, heilige Wonne mir entschloß,
und mir süßen jugendlichen Frieden
um die lebengrünen Schläfe goß.

Exit

*) Die berühmtesten Nationen Europa's, die sich freuzugsweise
Engländer, Holländer, und Spanier, wohnen bekantwer-
sen an dem orientischen Meer.

Seit ich mehr aus schöner Wangen Rötche
mehr aus sanften, blauen Augen laß,
oft, wenn schon die schwarze Nachtlust wehte
im besetztem Traume mich vergaß;
meinem Herzen nachbarlicher, wärmer,
da den Schlag der Nachtigall empfand,
und entfernt von meinem Kldrchen ärmer
mich als jeder dürst'ge Pilger fand:

Lachet, ew'ge Gottheit in dem Blicke,
nich mein sonnenschönes Leben an,
Amor täuscht mich nicht mit List und Lüge,
Sanymeda nicht mit kurzem Wahn;
Jedes Lüstchen nähert sich mir milder,
daß dort Blüthen wild herunter haucht;
ippig drängen immer frische Bilder
sich zu mir, in Rosenöl getaucht.

Zyperis Lauben warten schon mit Kränzen
und mit Traubenbechern meiner dort,
und in leichtverschlungnen Freudentänzen
reißet Amors Bruderschwarm mich fort.
Von der Grazien und Mufen Lippen
schwachtet mir entgegen mancher Kuß;
Bitterwonne kann ich selig nippen,
schwelgen da im freundlichsten Genuß.

Dennsch

«Жалобы юноши». Первая публикация Новалиса, апрель 1791

вым образцам преодолеть внутренние беспокойство и неуверенность. То, что в почитании Бюргера проявилось неявно, обнаружило себя со всей определенностью, когда юный студент Фридрих фон Гарденберг в Йене встретил Фридриха Шиллера, который как раз в это время в одном из критических разборов бюргеровских стихотво-

рений порицал «неумужественный, детский тон, рекрутирующий в наше поэтическое искусство целое войско дилетантов», и который ставил перед поэтом задачу «как можно больше облагородить свою индивидуальность, возвысить ее до чистейшей человечности».²⁵

23 октября 1790 года Фридрих фон Гарденберг поступил в Йенский университет на юридический факультет. Йена, город с населением примерно в четыре с половиной тысячи жителей, насчитывала тогда более 800 студентов, и ее университет, наряду с университетом в Галле, был крупнейшим в Центральной Германии. Приток видных ученых в последнее десятилетие восемнадцатого века обеспечивал университету славу первенства и в духовном отношении. Карл Леонгард Рейнгольд преподавал новую тогда философию Иммануила Канта и пробуждал в юных студентах интерес к философии вообще. За полтора года до поступления Гарденберга в университет Фридрих Шиллер прочитал в Йене свою вступительную лекцию о двух типах ученых — ученых ради хлеба насущного и истинных философских умах. Теперь, в зимний семестр 1790/91 года, он читал из истории европейских государств и истории крестовых походов, и Гарденберг сидел у его ног, в изумлении глядя снизу вверх на необыкновенного профессора истории и философии, которому тогда едва исполнился тридцать один год. *Его взор повергал меня во прах и снова возносил*²⁶, признавался он позднее. Для Новалиса Шиллер был не только историком, но также пламенным драматургом, который только что в своем «Дон Карлосе» (1787) пропел хвалу дружбе, и лириком, поставившим в стихотворении «Художники» или в вызвавших много споров «Богам Греции» насущные для того времени вопросы об отношении искусства к обществу и о

земном и божественном авторитете. Еще прежде чем состоялось их знакомство, Новалис начал *Апологию Фридриха Шиллера*, в которой он брал под защиту от *ханжей и других фанатиков*²⁷ стихотворение «Боги Греции». В январе 1791 года Шиллер тяжело заболел. Его невестка, Каролина фон Вольцоген, рассказывает: «Многие из его слушателей, одушевленные дружеским усердием юности, предлагали себя для ухода и ночных бдений у постели больного. Гарденберг, позднее получивший известность под именем Новалиса, выказал искреннее участие и впервые доверительно приблизился к Шиллеру».²⁸

Имеется свидетельство того, насколько глубоким и стойким было впечатление, произведенное Шиллером на девятнадцатилетнего студента. В апреле 1791 года в издававшемся Виландом «Новом Немецком Меркурии» появилось стихотворение *Жалобы юноши*, подписанное *ф. Г...г.* Это была первая публикация Новалиса, и Виланд в подстрочном примечании хвалит *столь редкую нынче среди юношей скромность*. Вокруг юного поэта порхали грации и музы, соблазняя его к приятному, но недостойному мужчины наслаждению.

*Еще бушуют пурпурные реки
В моих ланитах, на моем челе,
Я вижу среди бури и потоков
Вечерний свет зажегшихся светил.
Мне, осененному венком свободы,
Предстала благородная душа,
Которую ни неба блеск спящий,
Ни ада сумрак победить не могут.*

Так предстает перед ним образ страдающего Учителя, с чем связана такая мольба:

*Парка, было ж когда-то, что крутила веретено ты
В простом снисхожденьи к сыну земли,
Чьи пылающе-горячие виски уже не овеает,
Быстро улетучившись, волшебное головокруженье.
Так заברי у меня то, чего так жаждут иметь толпы,
Чем я щедро, по доброте твоей, наделен,
А взамен дай труды, нищету и недуги.
И впридачу — энергию духа.^{29*}*

Здесь снова заметно стремление к точности и определенности, которые находят красноречивое выражение в облике *благородного страдальца*. Что Новалису всегда не хватало этого, было известно не только ему, но и его отцу, для которого самообладание и аскеза с некоторых пор стали тем краеугольным камнем, что лег в основание его жизненной позиции. И так дело дошло до просьбы, которую прежний учитель в доме Гарденбергов, Карл Христиан Эрхард Шмидт, от имени отца направил первого июля 1791 года Шиллеру: «Вы могли бы воспользоваться, в согласии с вашими убеждениями, непосредственным доверием, которое сей юноша питает к столь достойному мужу, и при помощи непринужденных и одновременно ненавязчивых бесед сделать важными и интересными для него занятия правом, равно и серьезную подготовку к будущей профессии, ради собственного его блага, как и ради споспешествования благополучию его семейства, кое в его лице ожидает поддержки».³⁰

Беседа, вероятно, состоялась вскоре после этого в Рудольштадте. Новалис описывает действие этого разговора в письме Шиллеру от 22 сентября 1791 года: *Одно ваше слово подействовало на меня больше, нежели многократные предостережения и поучения других. Оно зажгло во*

---

* Последние восемь стихов — подстрочник редакции. — Ред.

Фридрих Шиллер. Прижизненное изображение, около 1791

мне тысячи всевозможных искр и сделалось необходимое и полезнее для моего образования и образа мыслей, нежели основательнейшие логические наставления и доказательства.³¹ Двумя неделями позже он попытался еще раз передать впечатление, которое произвел на него Шиллер, в письме к профессору Рейнгольду, состоящем из шести

плотно исписанных страниц. Он употребляет здесь выражения вроде *мое сердце бьется в горделивом упоении оттого, что этот человек — немец; я узнал его, и он стал моим другом*³²; в Шиллере он видит *воспитателя будущего столетия*³³.

В заключение он отправляет Шиллеру еще одно послание, которое характеризует как *красноречивое изливание энтузиазма, владеющего моей душой*³⁴. Это письмо (от седьмого октября) начинается с многозначительного вертеровского размышления: *Чарующая местность и райская невинность, в которых я растворен, манят меня в цветущее царство фантазии, окутанное магическим тонким покрывалом, как простирающийся у моих ног пейзаж; я радуюсь вместе с последней улыбкой расстающейся с жизнью природы и ласковым солнечным лучом холодеющего неба. Плодоносная пышность начинает превращаться в тление, и мне этот облик медленно умирающей природы кажется едва ли не богаче и не величественней, нежели весеннее цветение. Я чувствую себя больше настроенным к благородной и возвышенной чувствительности, нежели весной, когда душа купается в праздном блаженстве и удовольствиях и вместо самоуглубленности устремляется к любым прельщающим ее предметам. Уже отсутствие изобилия красивых и приятных предметов делает ощущения сосредоточенней и содержательней. По этой причине я никогда не чувствую себя столь чисто настроенным и столь отзывчивым к впечатлениям возвышенной музыки, как осенью.*³⁵ Здесь снова видны колебания между различными порывами, беспокойными метаниями и попыткой придать жизни твердую форму, — что определяет основной тон этого признания. Одновременно, однако, в виде третьего

момента, прибавляется критическое, дистанцированное рассмотрение внутреннего противоречия, сознание *интересности* подобных переживаний. Разумеется, Шиллер в своей рецензии на Бюргера, которую Новалис еще раз прочел перед написанием этого письма, требовал, чтобы стихотворение представляло собой «чистый, законченный отпечаток интересного состояния души интересной личности». Но то, что Новалис здесь хотел выразить, в своей основе отлично от шиллеровского требования, поскольку под *интересным* он понимает в первую очередь не возвышение, не возведение в ранг типического, всеобщего, а более глубокое проникновение в себя, в комплексную структуру своего духа. Здесь постепенно приближается к самопознанию другой художественный тип, который вскоре назовет себя романтическим. При этом, однако, учение Шиллера сохраняет для Гарденберга величайшую важность. Поэт должен был бы начать с того, «чтобы предмет своего восхищения оторвать от собственного я, свою страсть наблюдать из смягчающей дали», — говорится в шиллеровской рецензии, и: «Поэт должен, страдая, страдание воспевать». ³⁶ В романе *Генрих фон Офтердинген* годы спустя Клингзор даст герою почти буквально тот же совет.

Встреча Шиллера с Новалисом лежала, таким образом, уже не только в сфере *влияния* более старшего поэта на более молодого, как это было в случае с Бюргером, но в сфере пробуждения самопознания. Шиллер стал для Гарденберга образцом человека, который способен противопоставить внутреннюю гармонию сил своей трудной судьбе, который пытается соединить нравственность с красотой и внутреннее с внешним в *нравственной грации* ³⁷ и тем самым указывает возможность преодоления

жизненной проблематики, которая все больше и больше вставала перед восторженным, впечатлительным юношей.* То, что Новалис испытывал в своем отношении к Шиллеру, не было уже поэтическим эпигонством; это было познание и самоутверждение личности на пути к жизненной цели. Юношеское творчество Новалиса в 1791 году завершилось, если не считать нескольких стихотворений на случай. Поэт в нем вновь заговорит лишь позднее, при полностью изменившихся обстоятельствах.

Годы учения

Пребывание в Йене продолжалось всего год; затем юный студент перевелся в Лейпцигский университет. *Через три недели я отправляюсь в Лейпциг и начну там жить по полностью измененному жизненному распорядку. Юриспруденция, математика и философия должны стать теми тремя науками, которым я этой зимой намерен отдать душу и телом в самом точном смысле. Я должен достигнуть большей твердости, основательности, большей собранности, целеустремленности, и всего этого легче всего я смогу достигнуть путем усердного изучения трех названных наук. Душевное воздержание в отношениях с искусством, со всем, что противоречит цели, я намерен сделать моим строжайшим правилом. Впрочем, он не хотел бы позволить своей науке ради хлеба насущного превратить его во второго Абельяра**.*

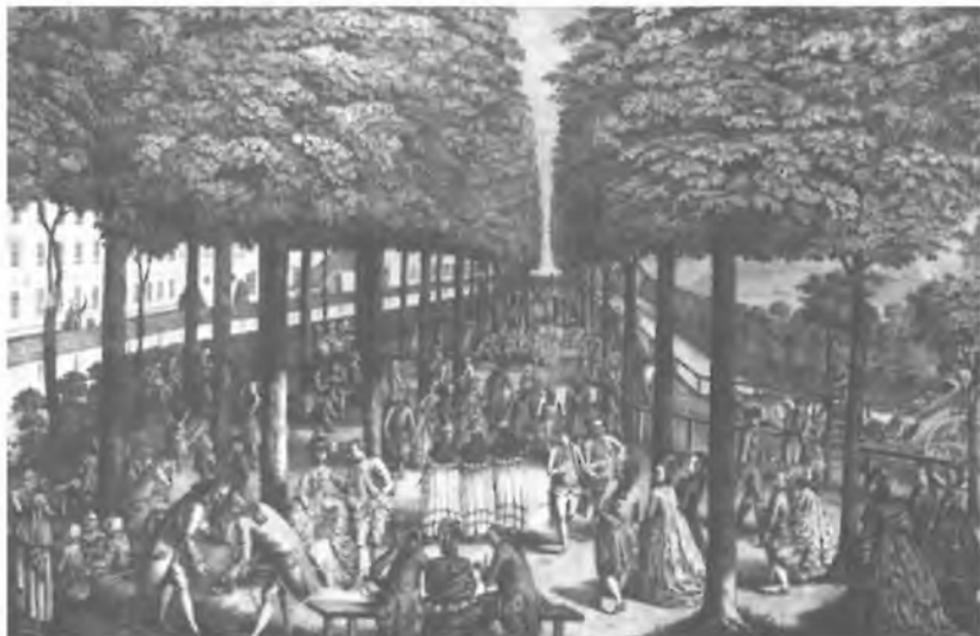
---

* Имеется в виду статья Ф. Шиллера «О грации и достоинстве».

** Абельяр, Пьер (1079—1142) — философ, теолог и поэт, разрабатывал схоластическую диалектику. Учение Абельяра было осуждено церковными соборами. В «Истории моих бедствий» описал историю своей любви к Элоизе.

*Музы и грации должны будут всегда оставаться доверенными и необходимыми спутниками его изр в свободное время.*³⁸ Однако он все же вынужден был расстаться с глупостями и заблуждениями, которые, казалось, преследовали его в Йене и превратились в привычку, с глупостями, которые он называет насмешливыми, шаловливыми, раскованными и неестественными масками и которыми его снабжают безбожная фантазия и мгновенная причуда.³⁹ Подобные радикальные, лишенные снисхождения к себе признания всегда были ему свойственны, и борьба против внутреннего беспокойства и мечтательности сделалась лейтмотивом всей его жизни.

Лейпциг, маленький Париж или Афины на Плейсе, был со своим тридцатитысячным населением первым большим городом, в котором Новалису предстояло задержаться. Здешние ярмарки делали его крупным центром обмена между Востоком и Западом; музыка и другие искусства процветали под покровительством местного патрициата. И хотя университет, в котором обучалось примерно 650 студентов, по своим размерам уступал подобным учебным заведениям в Йене или Галле, однако считался значительно более престижным и сохранял отпечаток галантности. Число студентов из бюргерской среды было меньше, чем в других университетах, и еще в конце восемнадцатого столетия студенты дворянского происхождения пользовались привилегиями, например имели свои почетные места на лекциях. А ведь как раз в это время революционные события во Франции начинали оказывать непосредственное влияние и на бюргерство Центральной Европы. 20 апреля 1792 года Законодательное собрание в Париже приняло решение объявить войну Австрии. Пруссия была союзницей Австрии, и княже-

Променад в Лейпциге. Гравюра на меди, конец XVIII века

ство Саксен-Веймарское отправило для участия в первой кампании коалиции свой контингент, в котором нес службу и Карл фон Гарденберг, четырьмя годами младший брат Новалиса. Но симпатии молодого поколения принадлежали в большей степени тем, кто по ту сторону Рейна пытался создать новое, свободное от старых условностей общество. Оглядываясь назад, Новалис признавал, что *тогдашняя мода на демократию оторвала его от старых аристократических верований*⁴⁰, хотя он и не оставил таких исполненных энтузиазма деклараций, как Клопшток, графы Штольберг или Гельдерлин, и не переводил *Марсельезу*, подобно юному Шеллингу.

Тем не менее и для него это время было временем сильнейшего внутреннего брожения; в особенности стимули-

Фридрих Шлегель. Рисунок Каролины Реберг

ровала это брожение встреча с человеком, с которым он отныне оказался связан теснейшим образом и вместе с которым ему предстояло придать содержательность и глубину самому понятию романтизма. Это был Фридрих Шлегель, ставший студентом в Лейпциге за полгода до Новалиса.

В январе 1792 года Шлегель пишет своему брату, Августу Вильгельму: «...Еще об одном я должен рассказать тебе: судьба послала мне одного молодого человека, из которого многое может получиться. — Он понравился мне чрезвычайно, и я с ним сблизился; скоро и он мне широко раскрыл святилище своего сердца. В нем я теперь разбил свой лагерь и предаюсь исследованиям — еще очень молодой человек — стройный, приятной наружности, с очень тонким лицом и с черными глазами, с восхитительным выражением, когда он пламенно говорит о чем-нибудь прекрасном — неопишуемая пылкость — он говорит втрое больше и втрое быстрее, чем все остальные — необычайно развитая способность все схватывать, на все откликаться. Знакомство с философией обучило его той невероятной легкости, с которой он находит формулировки для прекрасных философских идей — он стремится не к правде, а к красоте, — его любимые писатели — Платон и Гемстергейс* — он пылко изложил мне в один из первых же вечеров свою идею — на свете не должно быть никакого зла и все вновь должно вернуться к золотому веку. Никогда еще я не встречал такой юношеской просветлен-

---

* Гемстергейс, Франс (1721—1790) — нидерландский мыслитель. Разработал учение об универсальном «моральном органе» общественного индивида, связанное с развитием третьесословного «чувства личности». «Поэтическая философия» Гемстергейса объединяется общей идеей полноты человеческой жизни в ее связях с миром. Интерес к Гемстергейсу проявляли Дидро, Лессинг, Кант, Гете, романтики.

ности. Его чувствительность обладает известным целомудрием, которое коренится в свойствах его души, а не является результатом неопытности. Потому что он уже немало бывал в обществе (он тотчас с каждым знакомится), год в Йене, где он узнал поэтов и философов, особенно Шиллера. Однако он уже в Йене вполне сделался студентом и, как я слышал, часто бывал бит. — У него веселый нрав, очень пластичный, немедленно принимающий любую форму, которую ему стараются придать».⁴¹ Среди множества стихов, которые показал ему Гарденберг, были и хвалебные сонеты в честь Августа Вильгельма Шлегеля, некоторое время следовавшего по стопам Бюргера, — он почувствовал «значительного, может быть великого лирического поэта».⁴² Сообщение о новом друге заканчивается замечанием: «Отношения с человеком, который младше меня, наполняют меня новой пылкостью, коей я предаюсь».⁴³ На самом деле Фридрих Шлегель был старше Гарденберга всего на семь недель и четыре дня. Шлегель, который вряд ли это знал в то время, передает, таким образом, общее впечатление от личности Новалиса.

Краткость жизни Гарденберга порой вызывает представление, будто в его случае речь идет об одном из тех людей, которые с ранних лет одарены провидческим даром и именно поэтому себя так быстро исчерпывают. Но раннезрелым, при всей живости ума, Новалис, без сомнения, не был, скорее напротив, медленно пробуждающимся и лишь ощупью распознающим свой путь. Это подтверждает то впечатление, которое произвел на Шлегеля возраст его нового друга, а также те определенные и четкие характеристики, которые Ф. Шлегель, в подлинном смысле раннезрелый, дал ему в позднейших письмах к брату. «Завоевать его совсем не трудно, но удержать в

руках при его безграничной рассеянности было бы трудно даже женщине, — говорится здесь, и далее — Из него может все выйти — а может не выйти ничего». ⁴⁴ Главной заботой Шлегеля теперь должно стать «обучение его искусству поведения в обществе», потому что «Гарденберг порывист, вплоть до необузданности, всегда полон деятельной, беспокойной радости» ⁴⁵. Когда между друзьями возникают трения, Шлегель пишет: «Я все отчетливее видел, что он не способен к дружбе и что в его душе нет ничего, кроме эгоизма и фантазерства. Я сказал ему раз: вы внушаете мне то любовь, то неприязнь». И, наконец, тонко улавливая глубокую противоречивость природы Гарденберга: «Конечно, ты мог на основании стихов и моего описания представить его себе излишне ребячливым. Тщетно надеялся я подобным образом объяснить слабость его сердца. Она останется навсегда и вечно будет играть с прекрасными талантами, как дитя с картами. Я, наконец, сказал ему еще: вы видите мир удвоенным, один раз — как славный юноша пятнадцати лет, в другой же — как недостойный тридцатилетний человек...» ⁴⁶.

Пути-перепутья скрещиваются. «Теперь, как мне кажется, он желает, чтобы вызывающая удивление любовь обеспечила ему встречу с прекрасной женщиной» ⁴⁷, — сообщает Шлегель своему брату. Со страстным пылом Новалис в конце 1792 года влюбился в одну жительницу Лейпцига по имени Юлия, в то время как Шлегель вступил в союз с ее сестрой Лаурой, которая была замужем за неким купцом. Очевидно, у Гарденберга отношения приняли серьезный характер. Однако он не нашел понимания со стороны своего отца, ибо не только учебные занятия отступили на задний план перед юной страстью, но и сама эта склонность выглядела в глазах старого барона прелюдией

к в высшей степени нежелательному мезальянсу — Юлия была из бюргерской семьи. Досада отца продолжалась довольно долго. Уже после того как Новалис покинул Лейпциг в мае 1793 года, его друг Шлегель мог сообщить: «Ревячливый старик рассказывал здесь, в Ауэрбахском подворье, сборищу почтенных старцев, что ты якобы хотел жениться на простолюдинке, сестре одной местной купчихи. Он держал речь с превеликим пылом и постоянными проклятиями в твой адрес». ⁴⁸ До этого, в январе, дело уже дошло до горячей стычки между отцом и сыном, и в юном студенте созрело решение, о котором он поставил в известность отца 9 февраля: *Упреки, добрейший батюшка, и справедливые нарекания излишни, ибо я сто раз живейшим образом представил себе все, что ты, равно и строгий голос моего собственного сознания, могли бы мне сказать. Ты уже знаешь, чего я желаю, к чему имею горячую склонность. Стать солдатом — таков теперь горизонт моих желаний. Исполнение этой надежды усмирит горячее беспокойство, которое движет сейчас всею моею душой. Ты, добрейший батюшка, представляешь собой величайшую и почти единственную трудность, которую мне надо преодолеть.* ⁴⁹

Основания для своей пылкой склонности он изложил отцу в деталях, при этом он решительно, с чувством собственного достоинства и одновременно с пониманием характера отца, пытался переубедить его. *До какой степени ты порой бываешь дружелюбным и сердечным, высказываешь щедрую доброту, в такой же степени случаются нередко моменты, когда к тебе можно приблизиться только с трепетом и когда твой вспыльчивый характер так тебя возбуждает, что к тебе можно испытывать, правда, почтение, но отнюдь не свободное, не-*

*принужденное доверие. Я имею в виду даже не твою горячность, но также то глубокое волнение души, которое охватывает тебя, даже если ты внешне спокоен и холоден. И этого я боюсь больше всего.*⁵⁰ Он сам, однако, переживал как раз такое состояние, в котором никогда прежде не был: *Беспокойство преследует меня повсюду, коего мучительность и жестокость я не могу сделать достаточно для тебя наглядными.*⁵¹ Из этого вырастает затем убеждение: *Меня еще нужно воспитывать, может быть, я должен воспитывать себя до самого конца. В гражданском состоянии я склонен расслабляться.*⁵² И вырываются слова вроде следующих: *Мужественность — цель моих стремлений.*⁵³ Или: *Мой дух и его формирование — самая святая моя цель.*⁵⁴ В итоге он приходит к тому, что солдатское состояние есть истинный путь: *Субординация, порядок, единообразие, бездуховность военной службы были бы мне весьма полезны. Тут моя фантазия утратит детские и юношеские черты, которые ей присущи, и будет вынуждена подчиниться твердым правилам системы. Романтическая порывистость в повседневном, весьма неромантическом ходе моей жизни освободится от вредного влияния на мои поступки, и мне ничего не останется, кроме продолжительных усилий упорного скромного существования, которое для нашего времени является самой подходящей и естественной позицией.*⁵⁵

Порывистый романтический план, весьма понятный на фоне военной действительности, тем не менее скоро нашел свой прозаический конец. Скверные материальные обстоятельства Гарденбергов совершенно исключали службу в кавалерии или кирасирах, и, таким образом, двадцатиднолетнему Новалису открылась житейская

мудрость: *С деньгами хорошо везде, даже прапорщиком, а быть без денег — значит влачить жалкое существование.*⁵⁶ Результатом стало смирение: для завершения своего юридического образования в апреле 1793 года он перевелся в Виттенбергский университет.

Там он снова вернулся в более узкие, скромные рамки. Если лейпцигские студенты слыли франтами, а йенские — бахвалами, то у примерно двухсот пятидесяти виттенбержцев была репутация скорее голытьбы и неудачников.⁵⁷ Однако Новалис нашел там превосходных учителей и стол у одной профессорши. *По вечерам я ем хлеб с маслом, а утром — фрукты,* сообщает он отцу и с полной убежденностью заверяет его: *Я надеюсь в этом семестре больше учиться, чем прежде. Работа мне нравится, а что касается французского, то его положительно достаточно для семейства Михаэлис. Кроме того, государственное право, статистика, народное право и*

Рисунок «домика» в письме к брату Эразму

реферирование полностью занимают мое время. Меня стимулирует желание занять такое место, где я скоро стал бы независимым от твоего кошелька.⁵⁸ В письме к брату Эразму он, напротив, рисует облик дома: В этом домишке на втором этаже в эркере живут две сестры. Судьбе было угодно, чтобы мы, на наше общее счастье, влюбились в разных. Таким образом, мы не становимся друг другу поперек дороги и по-братски переживаем все приключения. О сестрах Михаэлис я могу тебе рассказывать дни напролет. Они хорошенькие, чудо какие красивые, но, чтобы добиться их благосклонности, мы, бароны, должны были бы совершить путешествие в бюргерский мир. Они всего лишь простые и скромные мещаночки, но у них во сто раз больше разумения, чем у аристократов. Ты можешь себе представить, как приятно мы здесь живем. Всякий вечер около семи — половины восьмого мы уже там, и остаемся до десяти-полночь. У них всего лишь одна старушка мать, очень добродушная женщина. Подробнее при встрече. Во многих отношениях ты найдешь меня изменившимся. Я теперь намного основательнее и опытнее, чем прежде. Я очень счастлив благодаря барышням Михаэлис и еще больше — благодаря моему экзамену. Филистерское сословие превосходно. Напряженные юношеские идеи падают сами собой в границы определенной практической деятельности.⁵⁹ Однако в том же самом письме присутствует фраза, которая бросает некоторую тень сомнения на безоблачный оптимизм подобных признаний: Суть моя состоит из мгновений. Если я не схвачу их мужественной рукой, то мне ничего не останется, кроме непереносимого прозябания. И мужественная рука, и блаженство филистерства были здесь едва ли чем-то боль-

шим, нежели заклинательными формулами, которыми вновь и вновь ободрял себя юноша, неустанно взыскующий цели и смысла.

Насколько мало он преуспел в достижении желанной уверенности, выдает переписка, которую Гарденберг вел со своим другом Фридрихом Шлегелем из Виттенберга и позднее из Вайсенфельса. Сохранилось всего десять писем Шлегеля и два ответа Новалиса, относящихся к этому времени, однако немногочисленные листки эти представляют собой заслуживающие упоминания свидетельства обоюдных искренних отношений, равных которым не много в истории литературы.

Другу, который постепенно возвращается к самому себе после дней кризиса, Шлегель советует: «Ты еще, несомненно, будешь счастлив; обозри хотя бы прекрасные силы твоей души, полноту твоего воображения, пылкость твоего сердца, легкость твоего разума; и подумай еще о том, что много важнее, что способствует созреванию благородного человека,— о вере, о невинном доверии к себе и к природе, о теплом преклонении перед всем великим. Ты так открыто отдаешь себя и умеешь так чисто возвышать других, что жить в твоём сердце — большое наслаждение».⁶⁰ Новалис благодарит друга: *Для меня ты стал главным жрецом энтузиазма. Благодаря тебе я узнал небо и ад — благодаря тебе я вкусил от древа познания.*⁶¹ И Шлегель в ответ заверяет его: «Если бы ты даже не знал и не понимал меня,— ты постигаешь истинный дух божий; дух Господа покоится на тебе, и его благодать истекает твоим дыханием, и его любовь бьется в твоём сердце. Ты пророк — стань же отныне все больше и больше человеком. Я охотно делил бы и впредь с тобою мою жизнь: лишь немногие, быть может никто так глубоко не

проникал в меня, как ты, и я с радостью вновь и вновь нахожу себя в тебе. Впрочем, это не зависит от того, где ты находишься; ты ищешь потаенное в простейших вещах, сам преобразуешь свои представления, ты зришь вглубь, хотя редко охватываешь целое».⁶²

Как видим, и здесь Шлегель снова указывает на внутреннюю раздвоенность природы своего друга, который все больше отдавал себе в этом отчет. Находясь в состоянии постоянной саморефлексии, приметной уже в его обращении к Шиллеру, Новалис рассматривал себя с возрастающим скепсисом и пытался в то же время с помощью строгого самовоспитания прорваться к гармонии и *мужественности*. Самокритику и спокойствие рекомендует он и своему брату Эразму, и еще чисто волевое усилие: *Оно есть собственно мужской элемент, без него никогда не сделаться мужчиной, а только жалкой посредственностью. Оно есть то, благодаря чему мы здоровы — были, есть и будем. Ибо, разумеется, только гармония наших сил, которая возможна лишь благодаря этому, делает нас настоящими людьми, подлинными сущностями в ряду других, чудом единства нравственного и физического миров. Там, где больная фантазия, там и больное восприятие и больной разум.*⁶³ И одновременно он сердится на самого себя из-за своей *болтливости* и своего *морализирования*⁶⁴. Пропасть кажется и в самом деле непреодолимой. Жизненная непосредственность и фантазия разрывают на части ищущий равновесия интеллект и ввергают его во все большую тревогу; дисгармоничность природы вновь и вновь подрывает попытки с помощью мужественной твердости добиться гармонии и покоя. Об истоках такой проблематики мы можем лишь догадываться. Разумеется, психическая и физическая конститу-

Карл фон Гарденберг. Прижизненное изображение

ция играла столь же значительную роль, как и окружение и воспитание. Фридрих фон Гарденберг отнюдь не был крепким от природы, скорее слабым и вялым. В письмах этого времени часто заходит речь о страхе заболеть. Но в его теле жили сильный характер и всепроникающий здоровый дух: «необыкновенным человеком»⁶⁵ назвал его как-то брат Эразм. Аскетическая строгость в вере и пол-

ное энтузиазма благочестие, твердость отца и уступчивость матери соединились в его воспитании. Трудности, связанные с наступлением половой зрелости, усугублялись противоречием между природой и общественной моралью, которое юный аристократ испытал на себе самом, и, наконец, традиционными представлениями о словесных преимуществах: *старая аристократическая вера столкнулась с новой демократической модой*, не обещая Германии выхода из этого конфликта.

Четырнадцатого июня 1794 года — со сдачей государственного экзамена по правоведению *с высшей оценкой*⁶⁶ ученические годы Фридриха фон Гарденберга в Виттенберге подошли к концу. Вернувшись в родной Вайсенфельс, он писал первого августа Фридриху Шлегелю с чувством вновь обретенной свободы и самостоятельности, обращая свой взор в прошлое и будущее: *Теперь весь мой характер обрел политико-философский пафос*. Эта фраза характерна не только для минутного настроения Новалиса, но и объясняет строй всей его личности. Окончание годов его учения знаменуется определенным пониманием собственной миссии, чувством, исходящим из сознания универсальной ответственности и универсальных обязанностей, которое с тех пор никогда его не покидало. *Я имею одну цель — она достижима повсеместно, где бы я ни действовал, — однако я не обозначил для себя, подобно обывателю, слишком тесных границ — буду здоров — добьюсь максимального для себя... Мне теперь вдвойне интересней всякий неординарный, необыкновенный человек — потому что до того как наступит эпоха равенства, мы будем еще нуждаться в людях необыкновенных... Это состояние жениховства, это как бы помолвка — еще свободен и не связан, однако уже добро-*

вольно взял на себя обязательство.— Я нетерпеливо мечтаю о брачной ночи, супружестве и потомстве. Если бы небеса захотели, чтобы моя брачная ночь сделалась для деспотизма и тюрем Варфоломеевской ночью, я праздновал бы счастливое состояние супружества. Сердце давит меня — потому что не сейчас еще падут цепи, подобно стенам Иерихона.⁶⁷

София

Дни его духовного жениховства были для Фридриха фон Гарденберга одновременно неделями необузданности. С военной кампании вернулся брат Карл, получивший отпуск, и оба предались светским радостям захолустного Вайсенфельса. Здесь играли в бильярд, танцевали и пели, здесь шла охота на юных газелей, пасущихся среди роз⁶⁸. «Мы разыгрываем владельцев Вайсенфельса, — сообщал Карл в одном из писем, — оба влюблены в одну девушку и — о чудо! — чувствуем себя при этом превосходно».⁶⁹ Для Карла, впрочем, подобная игра обернулась продолжительной, сокрушающей сердце любовной историей, в то время как Фридрих позднее несколько презрительно признавался, что он именно от этой (впрочем, вполне светской) дамы получил *обыкновенные милости*⁷⁰. Разумеется, то не было время чрезмерного жеманства, и свобода была паролем не только в литературе или политике. Перемены происходили и во взаимоотношениях полов, и в представлениях о семье, дружбе и т. п.

От вайсенфельских дней сохранилось несколько небольших стихотворений Новалиса, и среди них восьмистрочная песенка в ритме вальса:

*Жизни клубок все бежит, бежит вперед,
Пусть не замрет, пока можно, этот бег.
К бурному сердцу прижми крепче деву свою,
Знаешь ведь ты: скоротечны эти дни.*

*Ревность и грусть прочь пусть бегут,
Радости час светел будет и чист.
Ангел-хранитель любовью дарит,
Каждый из нас невесту найдет.⁷¹*

Содержащийся здесь призыв крепче прижать деву к бурному сердцу имел свой революционный подтекст. Потому что вальс, который тогда только входил в моду, отнюдь не был светским танцем в рамках придворного этикета; двое танцующих, как бы исключаящих себя из «большого» мира, тесно прижимающихся друг к другу и кружащихся в вихре вальса, не могли не вызывать осуждения старшего поколения, которое воспринимало подобные интимности как неприличные. Двадцать четвертого декабря 1794 года на придворном балу две прусские принцессы — Луиза, урожденная фон Мекленбург-Штрелиц, и ее сестра — впервые танцевали вальс. Королева Фридерика отвела глаза и запретила столь вызывающее поведение. Парное мраморное изображение обеих сестер работы Шадова* Новалис рекомендовал позднее в качестве алтаря *нравственной грации*⁷², а молодая королева Луиза сделалась для него символом новой соединяющей силы внутри семьи, силы, которая должна, гармонизируя, распространять свои лучи и на все государство.

---

* Шадов, Иоганн Готфрид (1764—1850) — крупнейший скульптор своего времени. Его творчество характеризовалось отходом от основных тенденций классицизма в сторону естественности и близости к реальной жизни.

Бад Дюрренберг с соляным производством. Около 1780

И в недрах бюргерского дома происходят в это время изменения. Область домашнего хозяйства и сфера деятельности мужчины были четко разграничены. И хотя директор соляного производства фон Гарденберг имел своей резиденцией Вайсенфельс, все же существенная часть его работы протекала на производстве, в Дюрренберге, Кезене и Артерне. Семейство в свою очередь теснее сплачивалось в привычном кругу. Если у Гёте, Шиллера и даже Гёльдерлина было обычным обращение детей к родителям на *Вы*, то в доме Гарденбергов с самого начала царило более доверительное *ты*. Непонимание между отцом и старшим сыном объяснялось, таким образом, кризисными явлениями того времени, а не только разницей характеров. Точно так же все более возраставшее чувство семьи у Новалиса, нашедшее свое отражение преж-

де всего в его политических писаниях, а также в поэтическом творчестве, было в равной степени как результатом социальных перемен, так и выражением личной позиции и традиционного самосознания отпрыска баронского рода. Уже из Виттенберга он писал своим родителям к годовщине их бракосочетания: *Семья мне еще ближе, чем государство. Правда, я должен стать деятельным гражданином, чтобы создать семью. Но для меня последнее является более близкой целью, нежели первое. Даже совершенным гражданином можно стать, только если опираешься в первую очередь на семью. Благодеяние государства создается благополучием отдельных семейств. Только с помощью своей семьи я непосредственно связан с моим отечеством, которое иначе было бы мне столь же безразлично, как и всякое другое.*⁷³ Мечта о брачной ночи, супружестве и потомстве, таким образом, не ограничивалась царством мысли, но одновременно понималась и гораздо более конкретно.

Поначалу, впрочем, Фридрих фон Гарденберг должен был стать деятельным гражданином. Замысел состоял в том, чтобы при содействии министра Карла Августа фон Гарденберга попасть на прусскую государственную службу. Но переговоры затянулись, и потому отец поначалу отдал сына в учение одному опытному администратору. В начале ноября 1794 года он вступил в свою должность в качестве актуариуса при окружном управлении в Теннштедте, которым ведал амтман* Целестин Август Юст.

Курортный город Теннштедт на севере Тюрингии был, правда, в половину меньше Вайсенфельса, однако присут-

---

* Амтман — управляющий имуществом рыцарского ордена.

*Карл Август князь фон Гарденберг,
министр на прусской государственной службе*

стве в нем окружного управления делало его резиденцией высших административных и судебных властей саксонской Тюрингии, и Юст, благодаря своим профессиональным познаниям, а также благодаря образованности, открытости и гуманности, был весьма известной в городе личностью. В свои сорок четыре года он оставался еще холостяком, и домашнее хозяйство амтмана вела племянница Каролина. Фридрих фон Гарденберг поселился в его

доме и вскоре сделался доверенным лицом и другом своего учителя, которому особенно пришлись по душе жажда познания и интеллектуальная живость молодого человека, особенно если принять во внимание социальное и духовное убожество заштатного городка; в записи Юста, относящейся к 1805 году, находим следующую характеристику: «Я предполагал сделаться его учителем и руководителем. Произошло прямо обратное — он сделался моим. И не только потому, что даже в тех областях, в которых благодаря опытности и умению я, быть может, его превосходил, я должен был собрать все свои силы, чтобы удовлетворить присущий ему дух исследования, не удовлетворяющийся заурядным, известным и повседневным, но повсюду отыскивающий изощренное, глубокое, скрытое; чрезвычайно важным было еще и то обстоятельство, что он увлекал меня за собой и освобождал от оков односторонности и практицизма, в которые погрязший в рутине специалист так легко позволяет себя заключить; он понуждал меня, благодаря своим речам и писаниям, к многостороннему взгляду на одни и те же предметы, он возносил меня, насколько позволяла моя тяжеловесность, к идеалам, кои предносились его духу, он пробуждал во мне почти заглушенное эстетическое чувство... Он хотел стать тем, чем он хотел, не наполовину, а полностью. Ничем он не занимался поверхностно, но всем основательно. При этом ему очень помогала великолепная способность уравнивать собственные духовные силы и легкость, с которой он умел осваивать неизведанное. Чтобы прочитать новую книгу, ему требовалось вчетверо меньше времени, чем нам, прочим смертным. Затем он спокойно откладывал ее в сторону, словно и не читал. Однако когда через несколько недель или месяцев захо-

дил разговор об этой книге, он бывал в состоянии пересказать все ее содержание, привести все важнейшие места, высказать определенное мнение о ее ценности и к тому же объявить, можно ли и почему тому или иному из друзей рекомендовать ее для чтения. Так он читал, так работал, так изучал — людей в том числе». ⁷⁴

После вайсенфельсской свободы новая деятельность все же означала ограничение. *Моя практика отнимает у меня здесь три четверти дня. Остающаяся четверть так раздроблена, что для друзей и книг остается очень мало* ⁷⁵, пишет он Фридриху Шлегелю. Протоколы и отчеты о правовых спорах, таможенных и пограничных вопросах заполняли день, а между тем актуариус непрерывно испытывал *искушения дьявола, который выплывал перед ним на листе бумаги со своими соблазнительными картинками*. ⁷⁶ Для общества и для прежних развлечений времени не оставалось. Но интереснее всего были отношения с соседями-помещиками — Шмидтами в Клейн-Бальхаузене, Зельмнитценами в Вест-Гройсене и Кюнами и Рокентинами в Грюнингене, — которых можно было при случае посещать во время служебных командировок. Поместья частью перешли к владельцам-бюргерам, частью же в них обитало мелкое дворянство, прозябающее в той сельской замкнутости, каковую описал в своих воспоминаниях Эйхендорф: «Счастливики проживали со скромным удовольствием по большей части в совершенно непрезентабельных строениях (непреренно именуемых замками), которые даже в самой привлекательной местности не были расположены с хоть каким-нибудь эстетическим вкусом, зато из окон можно было с удобством наблюдать конюшни и сараи. Идеалом здешних хозяев был хороший эконом, а репутация рачительной хозяйки со-

*София Вильгельмина
фон Рокентин, вдов.
фон Кюн, мать Софии*

ставляла предмет гордости для дамы. У них не было ни времени, ни вкуса для красот природы, они сами еще были продуктами природы. Немножко жизненной поэзии в качестве бесполезной роскоши оставляли разве что юным дочкам, которые зато не упускали случая в немногие свободные часы побренчать на скверных клавикордах давно устаревшие арии и сонаты и украсить изысканными цветочными клумбами расположенные за домом сад и огород».⁷⁷ Радости и триумфы бытия составляли балы в соседских имениях, ярмарка и комедия в ближайшем

окружном городе, наконец, визиты родственникам и знакомым. Женщинам оставались шитье и вязание, а также писание писем; мужчины удовлетворялись охотой и ломбером, а их словарный запас не исключал грубых выражений даже в церкви. С такими грубыми, веселыми и одновременно простоватыми деревенскими манерами встретился Новалис, когда в середине ноября 1794 года поручение привело его в расположенный к северу от Теннштедта Грюнинген. Там проживал отставной лейтенант саксонской службы и капитан княжеской шварцбургской службы Иоганн Рудольф фон Рокентин, который в 1786 году женился на вдове прежнего владельца Софии Вильгельмине фон Кюн. К шести детям ее от первого брака теперь прибавились четверо от нового.

Патриархальная приветливость и дружелюбие большого семейства обворожили Гарденберга, и прежде всего — София, предпоследняя по возрасту из детей от первого брака. Четверти часа оказалось довольно, чтобы возникла склонность, сообщил он брату Эразму, на что получил ответ: «Как ты можешь понять девушку за четверть часа? Да еще девушку с такими необыкновенными свойствами, как ты мне ее описываешь? Если бы ты мне написал «четверть года», то и тогда я бы подивился твоим талантам в познании женского сердца, но четверть часа...»⁷⁸ К тому же девушке якобы только что исполнилось четырнадцать лет. В действительности Софии Кюн в это время было едва двенадцать с половиной, и остается неясным, то ли Новалис сам находился в заблуждении, то ли не хотел говорить правду. Полгода спустя, во всяком случае за два дня до ее тринадцатилетия, она мне сказала в первый раз, что хочет принадлежать мне⁷⁹.

«Господский дом» в Грюнингене, построен в 1792

Разумеется, в те времена подобное обручение уже взрослого мужчины с ребенком не было такой неслыханной вещью, как это может представиться позднейшим наблюдателям. Две старшие сестры Софии вышли замуж семнадцати и шестнадцати лет, а обручение в возрасте четырнадцати или пятнадцати лет было в дворянской среде как раз делом обыкновенным, лишь бы нашелся подходящий по сословным признакам соискатель. София к тому же, по-видимому, казалась старше своих лет — Карл фон Гарденберг позднее говорил о ее «высоком рос-

те»⁸⁰, — так что решение Новалиса даже и в этом отношении представляется достаточно понятным и естественным. Тем не менее его привлекало как раз детское начало. Письмо, в котором он сообщает Эразму о своем новом знакомстве, не сохранилось, и только из ответа брата можно узнать, что говорил Фридрих. Одно предложение, во всяком случае, Эразм цитирует буквально: *С нежным цветом моей склонности будет покончено, как только я получу обычные доказательства благорасположения*, писал Новалис и одновременно превозносил неиспорченность *прелестной невинной девушки*⁸¹. Напротив, Эразм в своем ответе доказывал, что она в конечном счете не отличается от других, что ей еще предстоит найти свое отношение к миру. Прежде всего, он порицает «холодную решимость», которая преобладает в письме брата: «Мне вообще не по вкусу вся эта манера влюблять себя в девушку. Ты мне представляешься таким трагичным, дружище, а если задумал на ней жениться, то смотришь на дело легкомысленно...»⁸²

Тонкое чутье Эразма уловило здесь с удивительной точностью нечто от причин скоропалительной склонности брата и его внезапной решимости. Стремление обуздать в себе нетвердое и поверхностное, постичь свое жизненное предназначение, приблизить к реальности свое представление о *семейном счастье* и осуществить политическую мечту о *брачной ночи, супружестве и потомстве* — вот что, в частности, руководило Новалисом в его любви к Софии и в планах союза с ней. Ибо колеблющийся юноша внезапно осознал потребность в самодисциплине в качестве своей цели, даже и в интимных отношениях (для *обычных доказательств благорасположения* София оставалась еще недоступной). Подобное усердие в

София фон Кюн. Прижизненное изображение. Акварель

самодисциплине и было тем, что его брат распознал как «холодную решимость» и что пытался разоблачить как самообман, — а речь и в самом деле может идти о самооб-

Обручальное кольцо Новалиса. Вайсенфельс, музей. Обратная сторона: «София да будет моим ангелом-хранителем»

мане, если Новалис думал в этих узах найти освобождение от тех проблем, в которые его втягивали как его общественное положение, так и собственные намерения и

Лицевая сторона: изображение Софии фон Кюн

склонности. Тесный патриархальный мирок тюрингского поместного дворянства вряд ли был в эпоху Французской революции подходящей питательной средой для новых семейных и государственных представлений, и по-

молвка с ребенком также не могла стать достаточным жизненным предназначением для *необыкновенного человека*. Тяжелое смертельное заболевание Софии фон Кюн, которое началось полгода спустя после тайного обручения, помешало тому, чтобы намерения, с которыми заключалась эта помолвка, осуществились.

Лишь в измененном облике попадет позднее образ невесты в произведения Новалиса, ибо хотя Новалисом и владела «холодная решимость», не следует забывать, что он был действительно сердечно привязан к Софии. Очарование ее личности, вероятно, было велико. Эразм отказался от своих прежних сомнений, когда с нею познакомился, и он постоянно вспоминал о «несравненных, добрых, больших, милых глазах»⁸³. Спустя какое-то время и брат Карл явился с визитом, и трое юных Гарденбергов вскоре уже мечтали о многократных узах с домом Кюн. В их письмах Грюнинген превратился в Элизиум, а София была в нем Шакунталой, индийской отшельницей, которую испугал царь, когда она вместе с двумя подругами поливала в отеческой роще молодые деревца: царь сделал ее своей возлюбленной, и волшебное кольцо после многих превратностей соединило их навсегда. «Шакунтала, или Решающее кольцо», индийская пьеса Калидасы, была опубликована в 1791 году в переводе Иоганна Георга Форстера, и с лета 1795 года Фридрих фон Гарденберг также обладал кольцом с изображением юной невесты и заклинательной надписью «София да будет моим добрым гением».

А пока что он так часто, как только мог, освобождался от обязанностей в Теннштедте, чтобы скакать верхом в Грюнинген. «Нынче у нас был Гартенберх, и больше ничего».⁸⁴ Так или похожим образом заносила потом

София в свой дневник с присущей ей неуверенной орфографией, ибо о ее школьном обучении мало заботились. В качестве салонной игры писались объявления такого рода: *Сим объявляется всевозможным родственникам и друзьям о нашей помолвке, имевшей место 19 марта сего года, и уверены наперед в вашем дружеском участии. Шлебен, 25 марта 1798 года. Фридрих фон Гарденберг и София фон Гарденберг, урожд. ф. Кюн.*⁸⁵ Особая ирония судьбы проявилась в том, что София умрет 19 марта, а Фридрих фон Гарденберг — 25-го.

Для вечернего общества Новалис сочинял также песни и застольные куплеты, в которых находили поэтическое воплощение тривиальные мысли о грядущем царстве любви и согласия, органически переходившие в похвалы согласному семейному кругу, который должен сделаться ростком нового мира:

*Взирая на круженье
Земных людей судьбы,
Вотще мы помышляем
Загадку разрешить.*

*Но ключ к загадке найден,
Мы скоро всё поймем:
Разгадка — в простодушье,
Покорстве и любви.*⁸⁶

В другом стихотворении, содержащем намек на его прежнее почитание Шиллера, он — в первый раз — говорит о возлюбленной как о посреднице *высшего сознания*:

*Некогда станет тем человечество всё, чем для меня
София стала теперь — нравственной грацией...*⁸⁷

Тем не менее трудно объяснить, чем в действительности София была для Новалиса. Он сам, когда она уже была больна, предпринял попытку дать набросок ее личности, и можно предположить, что особенное очарование девушки состояло в необычном, полном противоречий смешении детской естественности, даже наивности, и ранней зрелости, которая, возможно, была результатом болезни. Новалис отмечает *ее скромность, ее невинное чистосердечие* и даже *ее склонность к детской игре в образованность*. Она испытывает *страх перед супружеством, она не хочет, чтобы ее стесняла моя любовь. Часто моя любовь ее подавляет. Она совершенно холодна*. Поэтому и осталось формальное «Вы» в общении жениха и невесты между собой. Она боится *пауков и мышей*, охотно пьет вино, курит табак, хочет видеть Гарденберга всегда довольным и *не верит ни в какую будущую жизнь*, только в переселение душ. Следует обратить внимание на ее тонкую наблюдательность, но одновременно также и на то, что она *еще не способна к настоящей рефлексии*. И наконец: *она не хочет ничем становиться — она уже есть нечто*. И о женщинах вообще: *Они совершеннее нас. Свободнее нас*.⁸⁸

То, что Новалис увидел в образе конкретной молодой девушки, было, очевидно, его идеалом созревающей женщины, которая хочет быть спутницей беспокойно ищущего мужчины и руководить им, опираясь на естественную, не нарушаемую рефлексией внутреннюю гармонию. Женщины — *прирожденные артистки*⁸⁹, сказано в связи с Софией; у них природа и дух находятся в зыбком равновесии. Так и София должна ему дать то, чего в нем самом недостает.

Разумеется, Новалис не был одинок среди современников со своим столь высоким идеалом женственности.

И Диотима Гёльдерлина, и Люцинда Шлегеля воплощают его каждая на свой лад, одновременно делая рельефным то обстоятельство, что в основе такого стремления поэта к идеализации лежит нечто большее, нежели просто персональное и случайное. Впрочем, в реальной жизни все современники и друзья, вроде Гёльдерлина и Шлегелей, Шлейермахера и Шеллинга, искали этот идеал среди женщин, которые были — порой значительно — старше их самих.

Однажды, ровно год спустя после первого знакомства с Софией, дело дошло до выражения действительной напряженности. В одном из писем речь идет о *грязноватой* изнанке Грюнингена и о возможном возмещении за *неудавшееся вступление во владение имуществом некоей Софии*⁹⁰. Но лишь немного дней спустя Новалис получил известие об опасном для жизни заболевании Софии, и это разом все переменяло.

Философия

В письме к Эразму от середины ноября 1795 года, в котором брошена тень сомнения на рай Грюнингена и его обитателей, присутствует также фраза о теннштедтской работе актуариуса фон Гарденберга: *Примерно три часа в день я бываю свободен, и следовательно, могу заниматься тем, что считаю нужным. Благодаря этим часам будут по большей части выполнены настоятельно необходимые мне для всей моей будущей жизни вводные штудии, восполнены существенные пробелы в моих познаниях и освоены необходимые для развития моих умственных сил вообще упражнения.*⁹¹ То, чему Новалис

*Иоганн
Готтлиб
Фихте*

здесь в критический момент своей жизни положил начало, было основательное знакомство с философией Иоганна Готтлиба Фихте. Уже в Йене, благодаря руководству Рейнгольда, эта философия стала ему близкой, однако если прежде ее изучение помогало ему «изячно оформлять превосходные философские идеи», как писал Шлегель⁹², — то теперь он приобщался к мыслям Фихте с несравненно более серьезными намерениями. Желание освоить процесс мышления на основе философских конструкций сохранилось, но одновременно с помощью заня-

тий наукоучением* Фихте он надеялся найти новый путь, чтобы обеспечить своей дальнейшей жизни прочную основу. Таким образом, на первый план вновь выдвигается мотив самовоспитания и самоопределения. Новалис познакомился с Фихте летом 1795 года в доме йенского профессора Нитхаммера. На этом вечере присутствовал также Гёльдерлин — вероятно, это был единственный раз, когда оба поэта встретились. Нитхаммер заметил в своем дневнике, что много говорилось о религии и откровении «и что для философии остается еще много открытых вопросов»⁹³. Примерно за год до этого, 18 мая, за день до своего тридцать второго дня рождения, Иоганн Готлиб Фихте прибыл в Йену, чтобы в качестве нового сверхштатного профессора занять место Рейнгольда, который принял кафедру в Киле. Появление Фихте предваряла репутация «отважнейшего защитника человеческих прав»⁹⁴, репутация, основывавшаяся, прежде всего, на его речи «Требование возвращения свободы мысли от князей Европы, кои оную доселе подавляли» и его трактате «К исправлению суждений публики о Французской революции». Оба сочинения появились в 1793 году. В следующие два года Фихте выступил со своими трудами перед общественностью, что принесло ему публичное признание в качестве глубокого, оригинального мыслителя. Это были различные рассуждения о «наукоучении», с помощью которых он надеялся повести философию от утопии к науке и вывести ее из простой диалектической структуры, как это примерно в то же самое время имело место в естественных науках, особенно в химии и учении об электричестве.

---

* Центральное понятие субъективно-идеалистического «наукоучения» немецкого философа И. Г. Фихте — деятельность безличного всеобщего «самосознания», «Я», полагающего себя и свою противоположность (мир объектов, «не-Я»).

Влияние, оказанное тогда философией Фихте по преимуществу на молодое поколение, видно уже из того фрагмента, который Фридрих Шлегель опубликовал в 1798 году. Ибо там он ставит наукоучение Фихте в один ряд с Французской революцией и романом Гёте «Вильгельм Мейстер», именуя их «величайшими тенденциями нашего века»⁹⁵. Великолепные философские построения Фихте действительно вписывались в революционный контекст, только творческая мощь, согласно воззрениям мыслителя, должна была выявляться не через штурм Бастилии и гильотину, а через посредство самого человеческого сознания. За *ужасной гирляндой абстракций*⁹⁶, как Новалис позднее именовал философию Фихте, скрывалась, однако, надежда на гармоническое соединение свободы и необходимости в духе и одновременно убеждение в его ведущей и определяющей силе вообще.

Новалис весьма основательно занимался науками. Примерно пятьсот страниц составляют заметки, в которых он трактует понятия и мыслительные структуры Фихте, пытается освоить, расширить, переформировать и преобразовать их. Базирующаяся на диалектике субъекта и объекта основная мысль Фихте относительно «Я», которое через противопоставление «не-Я» создает само себя в качестве части «абсолютного Я», возвышает себя как часть «абсолютного Я», становится для него исходной точкой многосложных собственных размышлений. И эти размышления, направленные прежде всего на поиск простой формулы для определения *кружения человеческой судьбы* и тем самым для объяснения собственной жизни, отчетливо свидетельствуют о том, что Новалис в первую очередь интересовался практическими выводами, поэтому абстрактная диалектика Фихте с самого начала пока-

залась ему недостаточной. *Спиноза восходит к природе, Фихте — к «Я», или личности, я — к тезису Бога*⁹⁷, — констатирует он и определяет Бога как *абсолютный тезис, антитезис и синтез*⁹⁸, как подхватывающее диалектический процесс, завершающее его высшее единство. Из этих предпосылок образуется затем и новое понимание истории. *Человечество зеленеет и цветет, увядает и нисходит в могилу в одно и то же время*⁹⁹, говорится в одном месте конспектов по Фихте в связи с предшествующим определением Бога. Это означает, что в бесконечном всегда сохраняется постулируемая этой дефиницией гармония. Человек должен только собраться с силами, чтобы ее найти, осознавая и определяя себя как часть этого большого целого. С сомнением относительно прямолинейного движения истории от темноты к свету соединяется также твердое, воспринятое от просветителей убеждение в конечной победе добра, морали. Историческое мышление и образ мира романтиков начинают выкристаллизовываться из прежних представлений. Фихтевское стремление обосновать в своей философии деятельную свободу субъекта и повести эмпирическое «Я» к возвышению над самим собой вызывает у Новалиса, таким образом, далеко идущие последствия. *Если возможно тысячелетнее царство — значит пороки будут когда-нибудь прощены?* — спрашивает Новалис и отвечает: *В том случае, если воспитание приведет к господству разума.*¹⁰⁰ И из разъяснения сути совершеннейшей философии вырастают признания вроде следующих: *Принцип совершенствования в человечестве — Человечество не было бы человечеством — если бы не должно было явиться тысячелетнее царство. Принцип присутствует в любой повседневной мелочи — во всем. Истинное все-*

*гда сохраняется — Хорошее дает себя знать — Человек восстает из безнадежности — искусство создает себя — возникает наука — и только случайное, индивидуальное исчезает — это борьба преходящего с остающимся...¹⁰¹ «Искусством», однако, является для Новалиса всеобщее понятие определенной, направленной на воспитание в сторону разума человеческой воли, и поэтому он также может сказать: *Искусство должно торжествовать над необработанной материей.*¹⁰² Таким образом, изучение Гарденбергом Фихте явилось точкой отсчета для многих его более поздних философских и политических воззрений, и они привели его также к формированию собственного взгляда на человека и на задачи поэта, художника: если искусство когда-нибудь *восторжествует над необработанной материей*, то поэзия, запечатлевая эту победу над необработанной материей в каждом своем слове, станет способом действия прекрасной пульсирующей души; повсюду обнаружится *осторожный след пальцев гуманности*¹⁰³ и тем самым делается все более заметным великое целое, в котором заключено существование всякого отдельного. Итак, поэзии с самого начала приписывается связующее общественно-моральное задание.*

Из мыслей и убеждений, возникших благодаря чтению Фихте, для Новалиса следовал еще один вывод: *Когда мы говорим о себе, мы ведем речь о родовом и об отдельном. Наше «Я» есть родовое и отдельное — всеобщее и особенное. Случайная или единичная форма нашего «Я» прекращается только для единичной формы — смерть кладет конец только э г о и з м у.* И немного позже он прибавляет: *То, что ты действительно любишь, остается с тобой.*¹⁰⁴ Тем самым, однако, не только жизнь отдельного существа возводится к бесконечному, но и у феноме-

на смерти с философских позиций отнимается его окончательность и власть, — еще прежде чем смерть как таковая бурно ворвалась в ход жизни самого Новалиса.

Философия должна была придать ему силу и внутреннюю свободу. *Оставайся тверд верой в универсальность своего «Я»*, советует он своему брату Эразму, который лежал больной в Хубертусбурге, и добавляет: *Хубертусбург повсюду — где твой дух не восстает свободно и не отряхает пыль со своих крыльев.*¹⁰⁵ Своему другу Фридриху Брахману он намекает в конце марта 1796 года на великие планы отряхнуть пыль со своих собственных крыльев. *Я говорю не о воздушных замках — в нас или нигде должно лежать основание ко всему. Только наше испытание от этого труднее — ибо мы должны спорить по пустякам и, кроме того, еще наполовину связаны — Гулливер в стране лилипутов. Но политическая вера, как и религиозная, творит чудеса.*¹⁰⁶ Вскоре должны произойти большие перемены, сообщает он наконец восьмого июля 1796 года Фридриху Шлегелю. Фихте при этом упоминается для пущей убедительности. Новалис должен сделаться *серьезнее, нежнее, тверже и теплее. Моя излюбленная наука, пишет он, по сути зовется так же, как и моя невеста. Ее зовут Софией — философия же душа моей жизни и ключ к моему сокровеннейшему «Я».* Цель его желаний теперь — *написать что-нибудь и жениться.* И он в восторге сообщает другу: *Я ощущаю вокруг себя все более возвышенные элементы чудесного целого — в котором я прорастаю, которое должно стать оболочкой моего «Я», и разве я не должен стремиться переносить все, так как я люблю и больше люблю, чем если бы я был восьми пядей в пространстве, и буду любить больше, чем позволит трепетание жизненных*

*струн. Спиноза и Цинцендорф ее исследовали, бесконечную идею любви, и догадывались о методе — как реализовать себя ради этой идеи и эту идею ради себя.*¹⁰⁷ Шлегель, который несколько недель спустя посетил Гарденберга в Вайсенфельсе и вновь увидел его в первый раз после нескольких лет разлуки, был, впрочем, склонен снова отправиться в путь, так как его возмутило «гернгутерство» друга, его абсолютное «фантазерство». Тем не менее, плененный очарованием личности Новалиса, он остался, «невзирая на все причуды, в которые тот сейчас безнадежно погружен»¹⁰⁸.

С начала февраля 1796 года Гарденберг вновь постоянно в Вайсенфельсе. Перспектива союза с Софией фон Кюн побуждала его как можно скорее искать прочного положения и надежного дохода. План поступления на прусскую государственную службу все откладывался, да и отец, очевидно, был не слишком согласен с этим планом. Так дошло наконец до ходатайства директора соляного производства перед саксонским курфюрстом о приеме его сына «в качестве ассессора письменных дел дирекции соляного производства Вашего Высочества»¹⁰⁹, которое и было удовлетворено тридцатого декабря 1795 года.

В Грюнингене ликовали, поскольку жених Софии оставался в Тюрингии. *Желание моего батюшки и некое счастливое стечение обстоятельств направили меня на мою теперешнюю стезю — для коей у меня прежде не было ни склонностей, ни познаний*¹¹⁰, признавался поэт позднее. После краткого курса обучения химии и соляному делу у известного тогда химика и фармацевта Иоганна Христиана Виглеба в Лангензальца Фридрих фон Гарденберг в феврале 1796 года заступил на свою службу в качестве чиновника саксонского соляного ведомства: эту

профессию на протяжении своей жизни он рассматривал как основную работу и исполнял ее со знанием дела и усердием. Если он вскоре после назначения писал одному из друзей: *Я еще не вполне проник в свою сферу*, то все же и утешал себя: *Должно быть, нужно притереться ко всем седлам, чтобы научиться прочно сидеть в одном*. В том же письме есть и такая фраза: *Моя карьера теперь обеспечена*.¹¹¹

Самовоспитание и намерение найти для своей жизни определенную цель соединились здесь со стремлением Новалиса охватить все многообразие окружающего мира и расширить рамки своего бытия. Если учение Фихте дало ему духовные «леса», необходимые для подобающего постижения диалектики единства и многообразия, то брак и служба должны были стать «лесами» для его бюргерского существования, должны были содействовать его реализации на государственном и общественном поприще. *Каждый штрих пера становится для него отныне звеном телеологической цепи*, как пишет он Каролине Юст; к этому он добавляет: *Направление есть все для духа, подобного моему*.¹¹² Эта фраза показательна для Новалиса, в такой заклинательной форме она присутствует у него во множестве вариаций. Ибо как решению вступить в брак и вере в силу философии, так и решению отдаться *добродетелям делового человека*¹¹³ было присуще нечто принужденное, что вопреки всему оказывалось проявлением скепсиса. *Только спокойствие и устойчивая энергия деятельности — тогда из меня может что-нибудь получиться*¹¹⁴, пишет он в связи со своей будущей должностью брату Эразму, и даже посреди абстрактных дискуссий в конспектах по Фихте находим призывы, обращенные к себе, вроде *поспешай медленно*¹¹⁵, или, ска-

жем, такие вопросы: *Почему все у меня выходит н е - л о в к о — и ничто — спокойно и размеренно.*¹¹⁶ И он вступает в спор с собою и жалуется: *Я слишком всегда поверхностен — отсутствие спокойной внутренней жизни — ядро — чтобы воздействие происходило изнутри, из какого-нибудь центрального пункта — однако на поверхности — в виде зигзага — горизонтально — нечетко и бесхарактерно — игра — случайность — отсутствует закономерное воздействие — след самостоятельности — самовыражение единой сущности.*¹¹⁷

По существу это была его давняя проблема, хорошо знакомая уже со времен студенчества, к решению которой он пытался приблизиться при помощи постоянного самонаблюдения и самокритики. Заклучалась она в подвижности и легкости его духа, придававших ему силу и обаяние, позволявших понимать и чувствовать самое тончайшее, делавших его в самом деле «необыкновенным человеком» и одновременно подвергавших опасности ничего не достигнуть, расплыть и потерять себя.

Внешне его жизнь в это время полностью лишена покоя — *каинова жизнь*,¹¹⁸ как он ее называл, обращаясь к Шлегелю. Продолжающаяся смена мест — поездки на соляные предприятия, в Йену, Лейпциг, Теннштедт, Грюнинген, в замок Гарденберг в Нертене — была показательна для года, последовавшего за поступлением на службу в Вайсенфельсе. Но и во внутренней сфере, несмотря на все усилия, никак не могли установиться настоящий покой и гармония. Если сомнения в Грюнингене как в Элизиуме и в правильности своего выбора были только проходящим настроением, то скоро проявились более конкретные обстоятельства, ставящие под вопрос надежды Новалиса на *брачную ночь, супружество и потомство.*

В ноябре 1795 года тяжело заболела София. *Печень сильно воспалена — мучительнейшие страдания, с понедельника бессонные ночи, горячее состояние — уже дважды ей пускали кровь — она была очень бледной, не могла двигаться — но веселой и спокойной*¹¹⁹, сообщал Новалис двадцатого ноября Эразму. Много недель состояние девушки оставалось серьезным, но постепенно наступило улучшение, так что брат Карл писал Эразму из Грюнингена: «Шакунтала вновь расцветает для новой жизни, для лучшего будущего, она отлично себя чувствует, я имею доказательства для Фрица, которые вознесут его в Элизий».¹²⁰ Но затем летом 1796 года произошел рецидив, и София была доставлена в Йену, где надворный советник Штарк, врач Шиллера, и два других врача оперировали ее по поводу печени — возможно, речь шла о проникающем абсцессе в связи с туберкулезным заболеванием в грудной полости. С этого момента болезнь приняла скоротечный характер, безжалостно обличающий бессилие медицины. Гарденберг отчасти сам все видел, когда приезжал из Вайсенфельса в Йену, отчасти узнавал о состоянии невесты через Фридерiku фон Мандельсло, старшую сестру Софии фон Кюн, которая ухаживала за ней. Рана сильно нагнаивалась, и нужно было ежедневно очищать ее, что причиняло большие страдания. Лихорадка прекратилась, но, несмотря на заверения надворного советника, что рана «в ближайшее время будет излечена»¹²¹, в конце августа потребовалось второе, а затем и третье хирургическое вмешательство. *Наша София держится превосходно. Она всегда весела, и это нас утешает. Я люблю ее почти что больше из-за ее болезни*¹²², писал тогда Новалис другой сестре Софии, и, вероятно, как раз впечатление от ребенка, с необыкновенной отвагой переносившего

сящего страдания, собирало вокруг нее испытывающих смешанное с изумлением сострадание людей. Отец Гарденберга, который лишь позднее узнал об отношениях своего сына с Софией и сохранял, очевидно, некоторую дистанцию, заключил теперь девушку в свое сердце и пригласил ее провести время выздоровления в вайсенфельсском доме. Ибо *у нас уход за больной будет устроен много лучше*¹²³, как пишет Новалис. Фридрих Шлегель посетил ее на ложе болезни и нашел «очень красивой и очень привлекательной»¹²⁴. В начале сентября и Гёте прибыл с кратким визитом. «Он был очарователен, пробыл у нас недолго, но подал надежду, что скоро мы опять будем иметь счастье видеть его лицом к лицу, — пишет Фридерика фон Мандельсло Новалису и добавляет: — Я была весьма удивлена, что наша маленькая комната не лопнула, но при появлении Гёте я поспешила тотчас же открыть окно»¹²⁵. Одновременно, однако, она должна была сообщить, что рана все еще сильно нагнаивается, «так что она сидит в постоянной влаге». Надворный советник, впрочем, считал это «весьма хорошим знаком» и заверял, «что он ожидал гораздо более сильных страданий»¹²⁶. Месяц спустя и сама София писала: «Я, правда, испытывала некоторые страдания, но надворный советник любезно назвал их признаком здоровой плоти»¹²⁷. И два дня спустя: «Меня очень радует, что у вас все хорошо, и особенно у вас, мой милый Гарденберг. Мои дела идут не очень хорошо, и уже несколько дней я страдаю от лихорадки, которая посещает меня с фатальной неизбежностью»¹²⁸ — откровенность, которая в равной степени может быть приписана как простодушию ее природы, так и не слишком жеманным нравам столетия. К тому же прибавился сильный кашель, сохранились лихорадка и боли,

«которые, однако, надворный советник приписывает выздоровлению»¹²⁹, как было сказано первого декабря. Незадолго до Рождества София была снова доставлена в Грюнинген. Наступило легкое улучшение, по поводу которого грюнингенский врач высказался оптимистически: «Рана была вялой и заживала больше снаружи, нежели изнутри, из глубины, где она была не совсем чистой. После очищения рана быстро заживает; гноя не много, и он доброкачественный, а соединительные ткани я нахожу удовлетворительными».¹³⁰ Но видимость была обманчивой. В начале февраля 1797 года француженка-гувернантка Жанетта Данкур писала Новалису, что рана «сильно ухудшилась и вдруг открылась там, где были уже зажившие места». Врач фон Энде и она сама обнаружили это, «однако так как фон Энде, щадя Софхен, зондировал недостаточно глубоко, то он неосторожно задел многие места и причинил бедной Софии бесконечные страдания, даже лихорадка усилилась, только сегодня советник Бледау как следует изучил положение, и после того как он на длину пальца с помощью зонда в изгибах прозондировал больную сторону, явилось большое количество, вероятно, долго запертой материи — советник был бесконечно рад этому очищению раны и заверил, что теперь-то у больной, конечно, наступит улучшение: лихорадка уменьшится и сойдет на нет, и все прочие обстоятельства будут тем облегчены, и я в это полностью верю, ах!»¹³¹ Последнее «ах!» было обоснованным. В начале марта Новалис еще раз навещил свою невесту в Грюнингене, но покинул ее с почти полной уверенностью, что *София проживет едва ли несколько дней*¹³², о чем он написал Фридриху Шлегелю четырнадцатого марта 1797 года. Дольше оставаться он не мог. Через пять

Gülden Lyantenberg

Du hast die Lieblich mein Par/Sonnyen
geliebt und an die schenken, ungeliebt
wenn es mir möglich ist. & Wie es mir
gust steht Ich nun von geschwindlich Lierung
wonnem schon geschrieben. Dies kann
nicht wohl und ungering an die Kinder
und alles nach Fictel ich selb zwar alles
nach und nach doch Formida mich alles.
Nun schon gute Mutter mein Gemüt zu
haben will schenken mich selb zu
Lyoner Mutter ist mir zu gut gewesen
und hast die beiden Linder nicht gewis
zu nicht

Ich verhoffe dich so bald wie
möglich zu sehen. Es bleibt noch
dabei das die mich dem Herrn
Fuss kommen? ja ja die kommen
gerne. * Hübsch und grüß den
alles. Ich von mir haben die mich
wohl.

Ihre Tochter

Dieß zeilen müßten Ihnen
besten Gedankes und überall
auch und ganz kein, besonders
dann die garagen setzen, welche
Müßer die dem armen gestalt die
mit-igere zitterten Gedankes
dann zu schreiben - auf so ist
das im ganz linden garigere
kommen die ja wohl bald zu sein

Письмо Софии фон Кюн Новалису. Копия Жанетты Данкур,
французенки-гувернантки Софии. Конец декабря 1796

1797. Anno 1797.

1.

22. März. Christiane Wilhelmine Sophie von
 Eiche untr. Frau Joh. Franz von
 Bülow 1773 untr. Hofrathen Land-
 Einnahme Rath zu Berlin, eine 3te Tochter
 von der E. Christiane geborenen 2. 17. März
 1782 und nach von dem Volgen eines Leibes
 nach 9. 19. März 1797 nach 2 Tagen
 nach ihrem langwierigen Geburten Leiden.
 Sie war eben so gut mit demnachgelassen, als sie
 schon war. Sie bewies sich schon schon mit
 Keckheit zu den vielen Anstellungen und die
 Verlies. Sie war allgemein so stark beliebt in
 von allen die Sie kennen geliebt und geschätzt
 wurde.

Verbleibe dem Verstorbenen Frieden.
 Gott schenke die Seel mit der Ehen die.
 Ein jähre neuen Leibes Heiligkeit.
 Da mich die untr. nicht von demnachgelassen

Запись о смерти Софии в церковной книге Грюнингена

дней — «19 марта 1797 года в 9 часов поутру, два дня спу-
 стя после ее пятнадцатого дня рождения» — она умерла
 «от последствий чахотки», как сказано в грюнингенской
 книге церковных записей.

Невидимый мир

Смерть Софии фон Кюн рассматривается как момент рож-
 дения романтического поэта Новалиса. Между тем подоб-
 ные события совершаются далеко не так просто. Разуме-

ется, образ мертвой возлюбленной в некоторых значительнейших поэтических произведениях фон Гарденберга, в особенности в *Гимнах к ночи*, играет существенную роль, и смерть, равно и преодоление смерти, стали для него определяющими темами. Однако то, что открывается нам в поэтических картинах поздних произведений Новалиса, есть все же результат длительного внутреннего процесса созревания и развития, истоки которого лежат скорее в глубинах его собственной, сформированной многими влияниями, личности, нежели в одном, даже столь потрясающем, событии.

Смерть Софии не застала его неподготовленным. Надежда на ее выздоровление, несмотря на все оптимистические высказывания врачей, самое позднее с момента возвращения в Грюнинген, исчезла. Длительное переживание философии Фихте подготовило его к пониманию относительности случайных или единичных форм «Я». *То, что ты действительно любишь, остается с тобой.* Пиеетистское духовное наследие, знакомое с детства, с новой силой возродилось в нем под впечатлением от страданий Софии, так что Шлегелю даже показалось, что его друг переживает состояние полного подчинения «гернгутерству» и «абсолютного фантазерства». Поэтому на первый взгляд не вызывает удивления то обстоятельство, что Новалис уже за несколько недель до смерти Софии говорил почти пророческие слова вроде следующих: *Моя фантазия возрастает по мере того, как угасают мои надежды — когда последние угаснут окончательно и ничего не останется, кроме пограничного камня, моя фантазия будет еще в состоянии поднять меня туда, где я найду погибшее здесь. Раньше времени научился я чувствовать ненадежность моего существования, и может*

*быть, это чувство окажется первым чувством жизни в грядущем мире*¹⁸³.

Однако когда затем ему пришлось встретиться со смертью непосредственно, лицом к лицу, волшебная сила фантазии отказала первой. Все показалось ему разом *мертвым, опустошенным, глухим, неподвижным, окаменевшим*¹⁸⁴. Его окружают вечер и осень, признается он в письмах, а когда однажды он говорит о самом себе, что его как бы нет больше¹⁸⁵, то это отнюдь не тривиальное выражение реальной скорби, но точное описание внутренне-го состояния. Ибо сентиментальным Фридрих фон Гарденберг не был никогда, и в первую очередь перед лицом смерти. Поиски опоры и некой цели до тех пор характеризовали всю его сознательную жизнь. София, надежда на *брачную ночь, супружество и потомство*, кажется, составляли устойчивый центр его бытия. Теперь же он увидел себя вновь *ввергнутым* в ненадежность блуждающего, одинокого, непонятого существования, опасности которого были для него уже столь *вняты*.

Когда затем первое глубокое оцепенение, связанное с известием о кончине его Софии, прошло, он попытался постепенно отыскать в своем внутреннем мире тропы к тому предназначению, в реализации которого ему отказал мир внешний. И хотя пути эти были подсказаны ему философскими занятиями, то, что в течение недель и месяцев после смерти Софии совершалось в Новалисе, было процессом, полным глубоких — чтобы не сказать неприемлимых противоречий. В длинном письме к Каролине Юст в Теннштедт (конец марта 1797 года) впервые находят выражение два перекрещивающихся друг с другом главных мотива его более поздних мыслей. Один мотив развивается из понимания нового одиночества и утраты:

Если бы моя тоска превратилась в тихий огонь, который поглотил бы меня, и если бы самый легкий порыв ветра превратил меня в горстку пепла, разве София не согласилась бы с этим? Ее жизнь и без того была условием моего духовного существования — с тех пор как этот дух исчез, органические части начали распадаться и возвращаться к своим элементам. Его собственная смерть должна стать наиболее ясным и чистым следствием утраты самого себя, и решение умереть вслед за Софией пронизывает отныне его мысли, как и его записи.

С другой стороны, в симптоматичном противоречии с этим, он питал надежду на невидимое присутствие Софии в этом мире. В том же письме говорится: *Одно я выиграл — т в е р д у ю надежду не утратить ее — эта надежда еще более укрепилась бы, если бы София захотела и смогла мне являться. Как несказанно счастлив был бы я уже и здесь, если бы она по временам открывалась мне — поправляла и укрепляла меня — одним-единственным полным любви взглядом. Но из этой надежды он хотел создать небесный энтузиазм; София должна была стать для него духом вечного мира, согласия, любви, сердечной доброты, мягкости и смирения, вечная радость должна была осенять ее глаза и лоб, он же хочет сделаться истинно возвышенным человеком, который чувствует в себе апостольское призвание¹³⁶. Как сказано, это отвечает его мыслям о загробном мире и применимо, собственно говоря, скорее к состоянию после смерти. Но то и другое, смерть и апостольское призвание в известном смысле соединяются в понятии возвышенный человек, которого Жан-Поль превознес в своей «Невидимой ложе», ставшей уже в 1795 году любимой книгой братьев Гарденберг. Этот возвышенный человек обладает превосходством*

над земным, ощущает ограниченность всякого земного деяния и несогласованность между нашим сердцем и занимаемым нами местом, он возвышается над безобразием окружающего нас мира, жаждет смерти и взором устремляется в заоблачные дали¹³⁷. В нем живет способность взглянуть на жизнь с более возвышенной точки зрения: тем самым он включает смерть в жизнь и добивается величия с помощью такого преодоления кажущейся окончательности. *Открытость невидимому миру, любовное приближение к Богу и к тому возвышенному, что есть в человечестве*¹³⁸, вытекающие из сопричастности трансцендентальной надоблачной сфере, сделались для осиротевшего поэта новой, пусть еще не вполне четко выраженной задачей.

Но предстояли новые испытания. Эразм, который когда-то живо обсуждал с братом Фрицем «Невидимую ложу» и полагал, что «он не знает на свете никакой более утешительной книжки для молодого человека, страдающего чахоткой»¹³⁹, незадолго до смерти Софии вернулся в родительский дом, пораженный этой самой болезнью, и четырнадцатого апреля, в Страстную пятницу, умер. За два дня до этого Новалис уехал в Теннштедт: как и в случае с Софией, ему было непереносимо быть свидетелем медленного угасания.

Теннштедт скорее всего должен был представляться выбитому из колеи поэту спокойной, защищенной гаванью. Амтман Юст за год до этого женился на Рахели Нюрнбергер, вдове виттенбергского профессора, и Гарденберг внес свой вклад в то, чтобы этот союз состоялся. В тиши провинциального города и в гармонической атмосфере дома Юстов он мог надеяться найти понимание и сочувствие. Одновременно он вновь оказывался возле

Окружной
начальник
Целестин Август
Юст. Портрет
работы В. Эйхлера,
предположительно
копия с более
раннего портрета

Грюнингена, о котором незадолго до этого писал Каролине Юст: *Грюнинген, колыбель моего лучшего «Я», стал для меня кладбищем — одинокая могила на маленьком церковном погосте — три сажени земли на этой небесной груди — вот что наполняет мою фантазию, которая прежде витала в раю*¹⁴⁰. Впрочем, как раз этой могилы он до тех пор еще и не видел. Не появлялся он и на похоронах Софии. В Пасхальное воскресенье он впервые пришел на грюнингенское кладбище.

Следует принять во внимание его чувствительную, легко возбудимую натуру, печаль о потере двух наиболее близких людей, ощущение вновь утраченного направления и цели своей жизни, к тому же его пристрастие к философским раздумьям над проблемой смерти и, нако-

нец, укорененность, хотя бы и неявную, в традициях pietistского благочестия, в которых он вырос, — чтобы по-настоящему представить, каким сильным потрясением была для него эта Пасха 1797 года: Во вторник, восемнадцатого апреля, он начал дневник, который является не только уникальным документом, запечатлевшим метаморфозы взыскующего ответов на последние вопросы о смысле жизни и смерти человеческого сознания, но одновременно и поразительным свидетельством безоглядной решимости исследовать лабиринты собственной совести и разобраться в смуте собственных ощущений. Новалис вел его свыше двух с половиной месяцев, до тех пор, пока окончательно не вернулся назад в Вайсенфельс после своего пребывания в Теннштедте и Грюнингене и поездки в Гарц в начале июня. Ежедневно он отмечал, какой это был день после смерти Софии, — восемнадцатое апреля было тридцать первым днем.

То, что Новалис с точностью психолога-экспериментатора заносил в свой *Журнал*, ни в коем случае не ограничивалось его мыслями. Отразились здесь и повседневная жизнь, и пребывание у Юстов и в Тюрингии, позже поездки в Гарц, в Галле и Дессау в качестве спутника своего отца. Подвергаются рассмотрению литературные и философские занятия. Прежде всего, в эти дни и недели Новалис впервые основательно берется за «Вильгельма Мейстера» Гёте, возможно, имея намерение написать рецензию, но быть может — и для того, чтобы извлечь утешение и поддержку из некоторых фрагментов. Кроме того, как раз в это время Фридрих Шлегель присылает ему экземпляр «Ромео и Джульетты», которые только что появились в переводе его брата Августа Вильгельма. Это совпадение трогает Гарденберга необычайно.

*О, здесь сотворю я место вечного покоя
И отрясу с утомленного жизнью тела
Иго враждебных созвездий,—*

жалуется Ромео у мнимого смертного ложа Джульетты. И Новалис заносит в свой дневник: *Рано утром я долго говорил с Каролинхен у украшенной розами могилы. Еще раз прочитал «Ромео»*¹⁴¹. Он перелистывает «Ночные жалобы» Эдварда Юнга, на страницах дневника попадают также имена Фихте и Жан-Поля.

В непосредственном соседстве с замечаниями о духовной деятельности находятся точные наблюдения, касающиеся телесных функций. Так, временами он *чувствует себя неважно, слишком много съел*¹⁴², *рано утром немного колик*¹⁴³, *вынужден был принять слабительное*¹⁴⁴ или чувствовал *фатальное, давящее ощущение страха из-за начинающегося насморка*¹⁴⁵. Но прежде всего его беспокоят трудности, связанные с половой сферой, вновь воспринимаемые как помеха и неудобство, о чем он оставил отчет, поражающий откровенностью. *Порывы чувственности*¹⁴⁶ и эротические фантазии преследуют его, он то *похотлив*¹⁴⁷, *заходит несколько слишком далеко*¹⁴⁸ в своей похотливости, то даже признается: *Утренние эротические фантазии имели следствием взрыв после обеда*¹⁴⁹.

Не только из таких записей, но и из его произведений можно понять, что Фридрих фон Гарденберг страдал от эротических фантазий в несколько большей степени, чем обыкновенно бывает. В этом нет ничего необычного для людей, которые, как он, несут в себе росток туберкулеза и вынуждены непрерывно бороться против ослабленного болезнью организма. Однако то обстоятельство, что его мышление, как и мир его поэтических представлений,

19. 62.

Punkte sind etwas Richtiges. fünf Mal
 ist wenig. Ich stochte mit den Fingern
 in alten Noten. Ich fand mit sehr Seltener
 fünf Eist. Sprung ist mit der Nummer -
 dann quadratisch - dann in der Richtung
 der langen Punkte über Diagonalen der
 langen mit der Phantasie. gesproch. Eben
 hindurch kommen - ist schnell aber reizend
 und. Mit den Fingern gehen
 ich meine Trübsal Ideen. Auf Zehen von
 ich nach dem Land - aber nicht auf Augen
 auf. Mit meinen langen nageligen auf
 auf Formierungen wieder - ist diese
 auf dem Kopf der Erde in der
 Phantasie so anhaltend. Ich
 von, was mir bekannt ist. Lange Jahre
 stiel mir ein - sind ich sehr
 bei der Musik ein sehr
 in der Zeit zu sein - ich
 form ein sehr sehr möglich.

20. 63.

der Ueber sehr sehr mit der
 der sehr. Ich sehr - nur
 fünf Sprung ist wenig von der
 Punkte mit Phantasie.

получали сильные импульсы из сферы сексуального, обычно в расчет не принимается.

Прежде всего, не следует упускать из виду, что как раз разнузданность инстинктуального способствовала и мобилизации сил духовного сопротивления такому господству, что и позволило Новалису во многих отношениях совершить то, что он совершил своими произведениями. Эти силы сопротивления обнаруживают себя в дневнике прежде всего в доведенной до предела саморефлексии, в точном и строгом наблюдении не только за физическим, но и за внутренним состоянием в целом. Ибо и там точно так же склонности или инстинкты боролись за первенство с разумом. По одну сторону находилось состояние, которое он воспринимал как враждебное и мешающее и которое описывал с помощью понятий *беспокойство*, *равнодушие*, *холодность* и т. д. Иным было состояние души, которое можно обозначить как *веселость* — со всем тем кругом значений, которые это слово имело в восемнадцатом веке и с которыми оно связывается в дневнике Новалиса: *легкий*, *спокойный*, *светлый*, *свободный*, *радостный*, *счастливый*, *хладнокровный*, *рассудительный*, *твердый*, *мужественный*. Подобный словарный запас уже прежде использовался для описания тех объектов внимания Гарденберга, что повлияли на формирование его личности, но теперь его желания и надежды обрели новые масштабы, так как раздвоенный внутренний мир поэта вобрал в себя и образ умершей невесты, коему предстояло стать путеводным на пути к новой цели, заключающейся в *призвании к апостольскому служению*. И в дневнике часто встречаются замечания вроде:

Из «Журнала». Запись от 19 мая 1797

*Много думал об С.¹⁵⁰ Или: Живо думал об С.¹⁵¹ Но Нова-
лис не всегда был доволен собой. Думал об С. — часто, но
недостаточно прочувствованно¹⁵², записал он двадцать
первого апреля и попытался подчинить свое воображение
воле и с помощью поклонения портрету и культа релик-
вий побудить себя к теплым, искренним переживаниям:
Затем я пошел в милую комнату с портретами — от-
крыл шкаф — с м о т р е л н а в е щ и м о е й С.; читал
свои письма и вообще ее переписку — после этого был как
бы совсем с нею рядом¹⁵³. Или: Поздно ночью с трепетом
увидел пред собою видение Софхен — в профиль, рядом со
мною на канаве, в зеленом шарфе — характерным обра-
зом задрапированная в одежды — такой она мне обычно
является. Вечером вообще о ч е н ь и н т и м н о д у -
м а л о н е й.¹⁵⁴ Это взаимопроникновение позволяет по-
нять и попытку оживить на ее могиле то, что окружало
его в мечтах. Чаще всего он посещал ныне уже не суще-
ствующую могилу: Рвал цветы — разбрасывал их на мо-
гиле — я был внутренне с нею.¹⁵⁵ На другой день, двена-
дцатого мая, он записывает, что оставался на могиле до
семи — и был сосредоточен и самоуглублен.¹⁵⁶ Еще день
спустя, тринадцатого мая: Вечером пошел к Софии. Там
был неопишимо радостен — моменты просветленного
энтузиазма — я сдул пыль с надгробия — столетия яви-
лись мне мгновеньями — я ощущал ее присутствие, я
думал, она сейчас явится.¹⁵⁷ И еще через день: Вчера ве-
чером был на могиле и пережил несколько мгновений бур-
ной радости.¹⁵⁸*

Особо знаменитой стала в истории литературы запись от тринадцатого мая, так как известные выражения из нее позднее попали в *Гимны к ночи*. В этом «видении при гробе» видели определяющее для поэзии Новалиса «пра-

переживание», однако знакомство с биографическими документами того времени делает подобные суждения весьма сомнительными, не говоря уже о том, что словесное выражение некоторых жалоб находит аналогию в одном месте из «Невидимой ложи» Жан-Поля, которое Карл фон Гарденберг цитировал за два дня до этого в письме к брату.¹⁵⁹ Заметим, что есть и другие места в дневнике — как, например, письмо к Каролине Юст, — указывающие на появление Софии в комнате с портретами либо на могиле. Не приходится сомневаться в подлинности и глубине видений, но так же мало и в том, что они не носили спонтанного характера, но возникали благодаря совершенно преднамеренной экзальтации духа, способного *по произволу возбуждать известные настроения*¹⁶⁰, как он того требовал от себя в дневнике. Однако чем больше телесный образ Софии, несмотря на все попытки заклатья, бледнел в его сознании, тем больше укреплялись его представления о ней как об идеальном образе, который сообщал его дальнейшим стремлениям смысл и цель, как это прежде было с оригиналом. Уже четырнадцатого апреля, в Страстную пятницу, Новалис писал: *Она была одним из благороднейших, идеальнейших образов, которые когда-либо существовали на земле. Прекраснейшие люди должны искать сходства с ней*¹⁶¹. А спустя два с половиной месяца он вносит в качестве одной из последних записей своего дневника фразу: *Христос и Софи и я*¹⁶². И конечно же эта фраза — не пароль, но свидетельство той роли, которую невеста взяла на себя в качестве посредника между двумя мирами, ибо роль эта сопоставима с той посредствующей миссией, которую Христос, согласно церковному учению, осуществил для всего человечества. Из побледневшего земного возник в

прямо-таки святотатственной раскованности образ мистический.

Не избежало влияния изменчивого образа невесты также и решение Новалиса умереть вслед за нею. Речь об этом идет почти в каждой записи дневника. *Решение твердо*¹⁶³, часто заверяет он себя, а в одной из последних записей говорится: *Мое решение остается совершенно непоколебимым*.¹⁶⁴ Уже сами такие заверения — а он их делает постоянно — приводят к выводу о неясности и неопределенности намерений. Но между ними есть и многочисленные замечания вроде: *Решение стало несколько туманнее*.¹⁶⁵ Или: *Решение кажется очень сомнительным*.¹⁶⁶ Затем, со сменой темпа: *Мое решение прочно... Лишь время от времени оно колеблется*.¹⁶⁷ Наконец, он упрекает себя: *Только не перемудрить с моим решением — Всякое разумное основание, всякое возражение сердца уже суть сомнение, колебание и неверность*.¹⁶⁸ Из таких колебаний не следует непременно вычитывать страх или слабость, так как акта физического насилия Новалис, во всяком случае, не предусматривал. Французенке-гувернантке в Грюнингене он якобы сказал: *Будьте покойны, та chère, — у меня нет с собой ни яда, ни кинжала, но я чувствую, что цель всех моих страстных ожиданий находится не далее Рождества*.¹⁶⁹ То, что ему виделось, было скорее смерть с помощью усилия свободной воли, готовой к смерти. Если, тем не менее, его решение вновь и вновь колеблется, если он должен был постоянно себя убеждать и опасался помех с разных сторон, то происходило это потому, что он осознавал здесь сопротивление свой натуры, которую не мог полностью подчинить усилием собственного разума. Это удалось ему лишь в другом роде, когда изменилась сама по себе природа его

решений. Свидетельство такой перемены можно увидеть уже в дневниковой записи от девятнадцатого мая: *На могиле мне пришло в голову, говорится там, что с помощью моей смерти я обнаружу перед человечеством такую верность, верность вплоть до смерти — что тем самым докажу одновременно и возможность такой любви.*¹⁷⁰ Его смерть в соответствии с этим должна была носить примерный характер, — *настоящее жертвоприношение*¹⁷¹, так что замечание *Христос и София* приобретает многозначительный двойной смысл.

В это самое время, четырнадцатого июня, Новалис писал Фридриху Шлегелю: *Ты желаешь побольше узнать от меня относительно моего томления — Дорогой мой, если бы мне не было все труднее говорить об этом. Я даже не знаю, что об этом сказать — Все по-старому — Это становится все более давним, все более глубоким — все более притязательным.*¹⁷² Так размываются четкие контуры первоначального решения и сливаются с другими, более ранними надеждами. Многие противоречия остались неснятыми, но из *идеи невыразимого одиночества, которое его окружает со времени смерти С.*¹⁷³, явилась ему тем не менее возможность нового существования — с миссионерскими обязанностями и *апостольским служением*, давшими новое направление его жизни и мыслям.

Пришелец

За несколько недель до смерти Эразма, двадцать шестого февраля 1797 года, Фридрих фон Гарденберг написал тяжело больному брату утешительное письмо в Цильбах,

веймарский анклав* на западной стороне Тюрингского леса. Он призывает Эразма освободиться от страха и говорит о том, что решение изучать алгебру может послужить к его выздоровлению, ибо науки обладают чудесной целецельной силой — по крайней мере, они успокаивают, умеряют страдания, подобно опиатам, и поднимают нас в области, окруженные вечным солнечным сиянием. Они являются прекраснейшими свободными сферами, которые дарованы нам. Без этого утешения я не хотел бы и не мог бы жить. Как мог бы я без этого полтора года назад так спокойно наблюдать болезнь С. и, кроме того, позволять себя отвлекать всякими посторонними вещами. Пусть со мной случится что угодно; науки останутся со мной — с ними я надеюсь выдержать все жизненные невзгоды.¹⁷⁴

Науки в словоупотреблении того времени были собирательным обозначением для самых различных ответвлений учености, для математики и медицины, физики и метафизики, химии и философии. Как раз с последней сферой теснейшим образом соединялось с некоторых пор понятие науки о прогрессе человеческого мышления, связанное с фиктевским «наукоучением». Как с естественными науками, так и с философией Новалис в прошедшие месяцы успел близко познакомиться, с первыми поначалу только из профессиональных соображений, с философией — по внутренней склонности. Однако противоречий становилось меньше по мере того, как он углублялся в них и обнаруживал общие черты.

Непосредственному притязанию доставить утешение в тяжком страдании, впрочем, науки не отвечали. После того как он увидел Софию в последний раз, он дал понять

---

* Анклав — часть государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства.

Фридриху Шлегелю, что надежда *найти в науке замену*¹⁷⁵ его обманула. Но немного позднее, через десять дней после смерти Софии, в письме к окружному амтману Юсту говорится: *Науки приобретают все более высокий интерес для меня; ибо я изучаю их ради высоких целей, с возвышенной точки зрения.*¹⁷⁶ Забресжил новый свет. Некоторое время спустя Новалис заверяет Фридриха Шлегеля, что науки теперь должны стать *главным интересом в его отношении к миру*. И добавляет, что ему становится все яснее, *какой божественной случайностью* была смерть Софии, *ключ ко всему*¹⁷⁷.

Смысл и направление нового интереса, который на протяжении последующих месяцев в Новалисе еще более усилился и углубился, можно отчетливо увидеть по таким замечаниям. Если наукоучение Фихте указало ему путь из сферы необходимости к свободе духа, то благодаря чувству прочной внутренней связи с умершей невестой ему было дано сознание существования *невидимого мира*, который в качестве царства гармонии и любви был доступен свободному духу и находился по ту сторону ограничений, создаваемых земными обстоятельствами. Дневник Новалиса является свидетельством того, что в нем все сильнее становилось предощущение более высокого мира и превращения Софии как посредницы — в миф. Но если в его личном опыте речь не шла об обмане чувств, то подтверждение реальности всеобъемлющего и всеохватного трансцендентного мира должно было ощущаться и за иными формами земного существования. Эта гипотеза была той *возвышенной точкой зрения*, с которой он теперь хотел рассматривать науки.

О систематическом изучении, впрочем, речи еще не было — для этого не хватало внутреннего равновесия.

Однако импульсы приходили через оживившийся вновь обмен мыслями с его другом Фридрихом Шлегелем. Еще незадолго до смерти Софии Новалис выразил Шлегелю надежду: *Ты, с твоим мощным пониманием вещей и наук, мог бы меня оживить.*¹⁷⁸ Теперь Шлегель послал ему свои «тетради» с «философемами», обещая издать их «с письмом к тебе».¹⁷⁹ Это были прежде всего критические мысли по поводу Фихте, которые волновали Шлегеля и которые Новалис со своей стороны использовал при обдумывании собственных основанных на наукоучении позиций. «Фихтовать» и «симфилософствовать»* — выражения, придуманные Шлегелем для обозначения такого духовного обмена. Мироззрение Фихте, при всем уважении к нему, было для Шлегеля слишком узким и доктринерским, слишком мало принимало во внимание то, что Шлегель рассматривал как единственно важное — феномены эстетического и общественного, любовь, искусство и поэзию. Новалис признавался: *Твои тетради мощно циркулируют в моем внутреннем мире, и как бы мало я ни был готов к отдельным мыслям, внутренне я объединяю себя с общим взглядом и ощущаю преизбыток добра и истины. Фихте кажется ему опаснейшим из всех мыслителей, которых он знает. Он зачаровывает всякого в своем магическом круге. Никто не был понят так превратно и так ненавидим, как он. Однако заблуждение рассеется. Ты избран защитить против магии Фихте оригинальных мыслителей. Я знаю по опыту, каким*

---

* Далее встретятся сходные термины: «симорганизация», «симэволюция» и пр. Романтики придавали исключительное значение межличностным контактам. Им был свойствен настоящий культ дружбы. Приведенные здесь термины имеют одинаковую приставку, означающую совместное действие. Соответственно, симфилософствовать — значит философствовать совместно (со-философствовать).

*кислым может быть это понимание — кому-то знак, кому-то указание; чтобы избавиться от этих ужасных абстракций, мне потребовался твой свободный критический дух.*¹⁸⁰

В начале июля Шлегель посетил Новалиса в Вайсенфельсе и прихватил с собой рассыльного исключительно для доставки философских тетрадей, однако *болтовня, полемика и пустословие* снова мешали Новалису, как он записывал в своем дневнике — *меня убивает этот образ жизни вообще*¹⁸¹. Только в тишине последующих недель во время поездок на соляное производство в Артерн и Кезен начинают в нем вызревать новые мысли. Дважды был он в 1797 году в Йене. Он видел Фихте и Августа Вильгельма Шлегеля, который вместе со своей женой Каролиной проживал там немногим больше года. Двадцать четвертого сентября Шлегель писал Гёте: «Господин фон Гарденберг из Вайсенфельса несколько раз приезжал к нам на день. Вы его часто могли здесь видеть, но я не знаю, имели ли вы более тесные отношения. Для нас он человек в высшей степени интересный, и меланхолическое состояние духа, вызванное смертью его юной возлюбленной, фрейлейн ф. Кюн, делает его еще более симпатичным, поскольку оно поддерживается столь развитым умом. Меланхолия в сочетании с характером его деятельности обратили его к абстрактнейшим наукам; внутреннее беспокойство обнаруживает себя при этом благодаря богатству и новизне его оригинальных взглядов».¹⁸²

Это суждение дополняется признанием, которое Новалис незадолго до этого сделал Фридриху Шлегелю. В своем отмеченном чертами внутреннего раздора письме он говорит, что он сейчас в полосе *прилива* и что новая волна выбросит его *на берег. Мой дух сейчас деятельнее,*

*Август Вильгельм
Шлегель*

*можно сказать счастливее, чем когда-либо прежде. Он сообщает о визитах в Йену и уведомляет, что бывшая юношеская любовь к поэзии пробуждается вновь; «Алексис и Дора» Гёте и баллады Шиллера в «Альманахе муз» за 1797 год обсуждаются здесь, равно как и «Идеи к философии природы» Шеллинга, которые появились в тот год и которые Новалис изучал по совету Фридриха Шлегеля. Письмо заканчивается замечанием: *В день Св. Михаила я отправляюсь в Дрезден и Фрейберг — во Фрейберге на время задержусь.*¹⁸³*

Приведенный нами фрагмент послания Августа Вильгельма Шлегеля Гёте позволяет должным образом взглянуть и на содержание самого письма Гарденберга с его

вулканическим беспокойством, делая очевидным то обстоятельство, что берег, которого надеялся достичь поэт, еще очень неясен. Неуверенность и беспокойство вновь вступают в борьбу против дисциплины планирующего разума, даже если Новалис воспринимает теперь подобное беспокойство как нечто творческое.

Наклонность к наукам вела все же к некой конкретной цели. Обучение в Горной академии во Фрейберге было делом решенным, что, во всяком случае для служащего саксонского соляного производства, имело практическое значение. Вместе с этим появлялась возможность рассматривать как раз точные науки *с возвышенной точки зрения*, откуда становится обозримее их связь с невидимым миром. То обстоятельство, что существуют взаимоотношения между природными феноменами и более крупным единством, было ему убедительно продемонстрировано именно благодаря раннему сочинению Шеллинга о философии природы.

Осуществление плана замедлилось. Лишь в начале ноября было получено княжеское разрешение «на посещение лекций в Горной академии во Фрейберге с оплатой причитающихся учителям гонораров, равно и на посещение и обозрение находящихся там, а также в Обербюргской области, горных и металлургических производств»¹⁸⁴, и первого декабря 1797 года Новалис покинул Вайсенфельс.

Недели перед этим были наполнены профессиональной деятельностью и изучением трудов голландского философа Франса Гемстергейса. В свои университетские годы в Йене Новалис, очевидно, уже занимался Гемстергейсом, так как Фридрих Шлегель называет его и Платона в качестве «его излюбленных писателей». Мысли фи-

Франс Гемстергейс. Литография К. К. А. Ласта с бюста работы Готлиба М. Клауэра

лософа сделались известны немецкой публике в восьмидесятые годы благодаря в основном Гердеру и Фридриху Генриху Якоби, которые перевели отдельные его произ-

ведения. Немецкое собрание сочинений Гемстергейса появилось в 1797 году, но Новалис читал труды голландского ученого во французском оригинале. Чтение пришлось на время, когда он в наибольшей степени нуждался в таких мыслях. Учение Гемстергейса о единстве всего универсума, которое недоступно человеческому разумению, но которое может быть постигнуто неким «моральным органом», дремлющим в человеке, пало в его случае на благодатную почву. Здесь он узнавал свои собственные мысли, и когда Гемстергейс в качестве основной силы этого требующего развития морального органа называет любовь, то это также должно было затронуть в Новалисе родственные струны. Ибо насколько любовь обнаруживает взаимосвязь между чувственным, органическим и трансцендентным, он познал на себе самом.

Присутствует в учении Гемстергейса и поощрение к рассмотрению наук, в особенности естественных, с *возвышенной точки зрения*, причем исходит он из уверенности в существовании тесных, еще далеко не достаточно изученных связей между телесным и духовным, физическим и метафизическим. Отсюда, кстати, становится понятным и всеобщий интерес к учению Гемстергейса в то время, ибо в Германии как раз развивалась находившаяся под сильным иррациональным влиянием натурфилософия. Мысли о возвращении «золотого века», обсуждающиеся, в первую очередь, в диалоге «Алексис ou de l'âge d'or»*, не могли оставить Новалиса равнодушным. Особенно должна была затронуть его та роль, которую в рамках своей философии Гемстергейс отводил поэзии, ибо Новалис как раз тогда (как он писал Фридриху Шлегелю) вновь приобщился к миру поэтов: *Старая моя юношеская*

---

* «Алексис, или О золотом веке».

*любовь пробудилась.*¹⁸⁵ Поэзия была для Гемстергейса единственным адекватным воплощением возвышенного «морального» органа познания: она была «языком богов», как он ее однажды назвал.

Из его сочинений Гарденберг сделал теперь обширные выписки, толковал их в переводе, интерпретировал и домысливал. Опираясь на то место, где Гемстергейс говорит о недостаточности языка для передачи возвышенных связей между мыслями, Новалис приходит к убеждению, что словесное философствование должно *состоять исключительно из именованя тем, из начальных фраз, из акцентирования определенных тезисов*¹⁸⁶, то есть соответствовать форме выражения, которую он сам вскоре выберет для своих первых собраний фрагментов *Цветочная пыльца* и *Вера и любовь*. Закрепленная на письме философия должна в соответствии с этим представлять собой лишь побуждение, толчок к действительному философствованию. Само же философствование — это не описание, но действие, деятельность, попытка прорваться в великую всеохватную сферу. *Подлинное всеобщее философствование является, таким образом, совместным порывом к возлюбленному миру — когда попеременно происходит смена передовых постов и требуется наибольшее сопротивление антагонистической среде, в которой совершается полет. Следовать солнцу и воспарять над тем местом, которое, согласно законам обращения нашей планеты, на некоторое время погружается в холодную ночь и туман. (Умирание есть истинно философский акт).*¹⁸⁷ Новалис, впрочем, добавляет: *от себя*, ибо при всем своем энтузиазме по отношению к внутреннему участию в этом великом универсуме Гемстергейс был все же далек от подобного активного мышления. Новалис, одна-

ко, придавал философское значение своему старому, из времен дневника, решению умереть и поэтому пытался преобразовать его из реально осуществимого деяния в некий род философского священнодействия. *Мое отношение к Софхен — религия, а не любовь*, признается он в одном из фрагментов осени 1797 года, то есть как раз в это время, и разъясняет: *Абсолютная любовь, независимая от сердца, основанная на вере, и есть религия.*¹⁸⁸

Только теперь я смог оторваться от Гемстергейса, пишет Новалис тридцатого ноября 1797 года из Вайсенфельса Августу Вильгельму Шлегелю. *Завтра я уезжаю отсюда — и прямо во Фрейберг.* И он обещает более частую переписку, *так как теперь я буду спокойнее.*¹⁸⁹ В начале декабря Новалис прибыл во Фрейберг; во время поездки он впервые посетил Шеллинга в Лейпциге и сразу же очень с ним подружился. *Мы провели в совместном философствовании несколько бесценных часов.*¹⁹⁰ Во Фрейберге было тогда девять с половиной тысяч жителей, среди которых тон задавал служилый и ученый патрициат. Время расцвета города относилось к шестнадцатому веку, когда серебряные рудники, действовавшие еще со времен средневековья, приносили богатую добычу. Постепенное оскудение этого источника благосостояния саксонских князей и особые хозяйственные трудности Саксонии после Семилетней войны привели в 1765 году к основанию Горной академии, с помощью которой должны были готовиться для Саксонии усердные специалисты горного дела. Ибо только с помощью технических улучшений и на научной основе можно было рассчитывать на новый подъем добычи в районе Фрейберга.

У истоков Горной академии стояли два человека: Фридрих Антон фон Гейниц, двоюродный дед Фридриха

фон Гарденберга, и Фридрих Вильгельм фон Оппель, сын которого, Юлиус Вильгельм, позднее стал покровителем Гарденберга на его поприще служащего соляного производства. Цель нового предприятия была достигнута: в начале девяностых годов добыча серебра во фрейбергских копях вновь заметно возросла и производительность их даже превысила производительность всех саксонских горных выработок в предыдущем десятилетии. Одновре-

Горная академия во Фрейберге, главное здание

*Фридрих Антон
барон фон Гейниц*

менно Горная академия превратилась в значительное научно-исследовательское учреждение, которое притягивало учеников как из других германских государств, так и из других частей света. Во времена Гарденберга там обучалось 50—60 студентов, среди которых были молодой французский математик Жан Франсуа д'Обиссон, южноамериканский геолог и минералог Хосе Бонифасио де Андрада э Сильва и, наконец, даже Август фон Гердер из Веймара, сын Иоганна Готфрида Гердера. К этому следует добавить студентов из России, Лифляндии, Дании, Швейцарии и Польши.

Центром притяжения для всех был Абрагам Готлоб Вернер, человек старой закалки, угодный Богу. Он был одарен глубокими познаниями и, однако, по-детски без-

Абрагам Готлоб Вернер. Портрет работы Герхарда фон Кюгельхена

обиден в своих привычках. Через него горное дело в большой расцвет пришло и герцогу Богемскому принесло неслыханное богатство. Вся область благодаря тому полна народу и благоденствует. Все рудокопы почитают в нем своего отца, и доколе стоит Эйла, также и его имя называемо будет с чувством признательности. Он был по роду своему из лужичан и звался Вернер.¹⁹¹ Так заставляет Новалис в своем *Генрихе фон Офтердингене* старого рудокопа рассказывать о своем наставнике. Это, впрочем, стилизованный романский персонаж, однако рядом почтенных качеств, безусловно, должен был обладать и фрейбергский профессор. Вернер, тогда сорокавосемилетний, был выходцем из Верхнелужицкой области и с 1775 года преподавал в Горной академии в должности, которую занял благодаря книге «О внешних признаках окаменелостей» (1774). Его отличало своеобразное сочетание научного, строго академического духа исследования с внешней эмоциональностью и почти детской увлеченностью природными явлениями, на что Новалис и обратил внимание в своем романе. К этому следует прибавить то, что он позднее назвал вернеровским *дивинаторским* взглядом*¹⁹², способность воспринимать как одно целое всю полноту явлений. Благодаря Вернеру Гарденберг испытал, как он позднее признавался, *новый прорыв к жизни*¹⁹³, благодаря ему почувствовал *возвышение своего вкуса к ней*¹⁹⁴.

Наряду с Вернером был еще один профессор химии, — ровесник Новалиса Вильгельм Август Лампадиус, в 1796 году открывший серноугольные соединения, — благодаря которому Фрейберг в области естественных

---

* Предугадывающим, пророческим.

наук стоял на высоте требований времени. Этот ученый принадлежал к решительным сторонникам основанной Лавуазье новой химии, выбросившим за борт старую теорию о горючей материи, об «огненном духе» флогистоне и в тщательных, точных исследованиях распознавшим роль кислорода в процессе горения — возможно, наиболее богатое последствиями для развития химии в последующие десятилетия открытие.

Если Фрейберг со своей Горной академией находился, таким образом, в центре проблем современной науки, то в общественном смысле он мало что мог предложить. Самым привлекательным была близость к столичному Дрез-

дену с его знаменитыми галереями и художественными собраниями, и в последующие месяцы Новалис не раз отправлялся в дорогу верхом, в экипаже или на лодке, спускаясь вниз по течению Эльбы километров на сорок, ибо в конце пути его ждал круг общения, к которому принадлежали, например, Вагнеры и Мантейфели. Он также сделался вхож в дом придворного ученого секретаря Эрнста, женатого на сестре братьев Шлегель, и сблизился с некоторыми дворянскими семействами по соседству. В поместье Обершена близ Фрейберга жил прежний лейпцигский однокашник Ганс Георг фон Карлович, а в Зибензйхене, около Мейсена, находился дом Мильтицев.

Замок Зибенэйхен

Отец Новалиса был одним из опекунов к тому времени уже двадцативосьмилетнего Дитриха фон Мильтица, который в 1796 году, вызвав публичный скандал, женился на англичанке мещанского происхождения. Как Мильтицы, так и Карлович принадлежали к молодой аристократической фронде, ставившей целью реформу отживших саксонских сословных законов и вскоре обратившей свои надежды на Фридриха фон Гарденберга как одного из своих духовных вождей.

В Зибенэйхене Новалис провел рождественские праздники 1797 года. Назад во Фрейберг он ехал через Дрезден. «Мы видели твоего Гарденберга дважды, — пишет Иоган-

на фон Мантейфель, урожденная фон Вагнер, своей подруге Рахели Юст в Теннштедт. — Ты можешь представить, с какими ожиданиями. Он все их превзошел. К представлению, которое мы о нем составили, применивались некоторые черты той живости, которая чрез его последнее несчастье смягчилась до прекрасного ровного пламени. Мы представляли его себе не таким простым, не таким спокойным внешне и гораздо хуже. Но у нас у всех создалось общее мнение — и каждый почитает его по-своему. Мой отец истинно отечески тронут признаками его благожелательного сердца. Мой муж радуется его в высшей степени тонким суждениям, мой брат ценит его ученость — и ты еще спрашиваешь свою старую Вагнершу, чем она ежедневно в нем наслаждается. Ах, эта откровенность, эта драгоценная любезность, которая меня в первые же четверть часа ввела в твою домашнюю жизнь — вместо того чтобы я теряла время в пустых разговорах о погоде... О полноте и своеобразии его ума я уж и не говорю, к этому мы были подготовлены».¹⁹⁵

Наконец, и во Фрейберге Новалис не остался одинок. Как заверяют опубликованные в 1791 году «Распоряжения о составе и управлении Горной академией во Фрейберге для чужестранцев и местных жителей», «вступление знатных пришельцев, даже и без рекомендаций, в круг первых местных семейств призвано защитить юношество от распутства больших городов»¹⁹⁶. В одном из таких семейств Новалис (впрочем, имея рекомендации) нашел дружеский прием. С помощью Иоганна Адольфа фон Тильмана, которого Гарденберг знал по Артерну, где Тильман некоторое время служил в офицерском звании, он получил доступ в дом горного начальника фон Шарпантье. Тильман был женат на Вильгельмине, старшей

*Иоганн Фридрих
Вильгельм
фон Шарпантье.
Портрет
работы
Антоня Графа*

*Дом горного
начальника
фон Шарпантье
на Бургштрассе
во Фрейберге*

дочери Шарпантье. Вторая дочь жила в Дрездене, будучи женой придворного проповедника Франца Фолькмара Рейнхарда, две другие дочери и три сына жили во фрейбергском доме. Иоганн Фридрих Вильгельм фон Шарпантье был вначале профессором математики и физики в Горной академии, но отказался от своего места в пользу административного поста в горном ведомстве, так как и в качестве геолога имел значительные заслуги; на этом поприще он, впрочем, явился решительным противником Вернера.

Этот семейный круг имел репутацию одного из гармоничнейших и гостеприимнейших. К двадцать второму января 1798 года, дню рождения *госпожи горной советницы фон Шарпантье*, Новалис написал стихотворение в асклепиадовых строфах, которому он дал название *Пришелец*. «Пришельцами», «чужими» были для него все вытолкнутые в этот холодный мир с воспоминаниями о более теплой и более мирной родине, все, кто питал твердую надежду на то, что когда-нибудь они сойдутся в более обширном небесном отечестве.

*Тщетно ты ищешь — погибла уже
Чудная эта страна — из смертных никто
К ней не узнает тропы — ее навсегда
Взяло в себя неохватное море.*

*Лишь одиночки среди земляков
Сумели потопа избежать — повсюду
Рассеяны и ожидают
Лучших для встречи времен.¹⁹⁷*

Эти стихи — больше чем просто трогательная жалоба. В них скрыты мысли о диалектическом — в три этапа — развитии истории: от счастливого прошлого через траги-

чески разорванное настоящее к золотому будущему; в них заметны узлы последующих духовных противоречий. И если Новалис все-таки ощущал себя пришельцем, то как раз подобные опыты давали ему возможность осмыслить собственное существование в более обширном контексте, стимулировали его к развернутому пониманию наук с их *чудесными целительными силами*.

Утешение и силу пришелец черпал среди единомышленников:

*Вот он — пришелец из той несказанной страны,
Ссылным себя ощущает он здесь, как и вы;
Печали часы суждены ему были — склонился к закату
До срока безоблачный день.*

*Все еще странствует он и встречает подобных,
Празднует с ними в семейном кругу;
Его покоряют побеги весны,
Что свежо окружают родителей старых.¹⁹⁸*

И наконец он просит:

*Милость ему окажите, пришельцу, пусть будет
Радостью он одарен здесь, среди благосклонных
Людей терпеливо взыскует великий
Новорождения день.¹⁹⁹*

Примерно год спустя он обручился с Юлией, младшей дочерью Шарпантье.

Литературные посевы

24 февраля, то есть спустя чуть более месяца после празднования дня рождения в доме Шарпантье, Фридрих фон Гарденберг отправил связку рукописей Августу Вильгельму Шлегелю в Йену. С некоторых пор братья Шлегель намеревались создать собственный печатный орган. Шиллеровские «Оры» не были открыты для Фридриха Шлегеля, а с Иоганном Фридрихом Рейхардтом, композитором и издателем журналов «Германия» и «Лицей изящных искусств», он находился в сложных отношениях. Так возник план «Атенеума», который главным образом должен был стать журналом самих братьев Шлегель и для которого уже было изобретено название «Шлегелиум»²⁰⁰. Только ближайшие друзья, преимущественно Гарденберг и Шлейермахер, были приглашены к сотрудничеству. Намеревались ограничиваться инициалами или псевдонимами, чтобы персональное отступило перед написанным и чтобы идея «симфиологии» выступила более выразительно. Так, Гарденберг ходатайствовал о подписи *Н о в а л и с* — *какое имя есть мое старое, родовое имя и тем самым не вовсе неуместное*²⁰¹. При выборе писательского имени, как в его случае, дело не ограничивалось одним пожеланием издателей. Когда в 1791 году тогдашний лейтенант Карл Вильгельм Фердинанд фон Функ, которого Гарденберг хорошо знал по Артерну, хотел опубликовать составленную им биографию императора Фридриха II, советник саксонского апелляционного суда Христиан Готфрид Кернер писал Шиллеру в Йену: «Его имя держи в тайне; писательство у нас, среди гражданских и военных, имеет дурную репутацию, а он

должен теперь думать о повышении по службе». ²⁰² Книга вышла анонимно. И для саксонского государственно-служащего Фридриха фон Гарденберга было существенным не демонстрировать публично своего писательства, однако он чувствовал себя именно как «Новалис», то есть возделывающий новь, который не мог однозначно рассчитывать на понимание со стороны начальства.

Это имя как раз имело отношение к тому, что он предлагал Августу Вильгельму Шлегелю, — к собранию разрозненных мыслей, опубликованных пару месяцев спустя в «Атенеуме» под звучным названием *Цветочная пыльца*. Уже к Рождеству Новалис пересказывал в письме к Фридриху Шлегелю свои неотступные раздумья последних трех месяцев. *Сначала поэзия — затем политика, затем физика en masse**. В поэзии он *стоит твердо*. *И в политике я собираюсь не без оснований быть au fait** — всем, кому я говорил об этом, эта мысль тоже понравилась. В физике я все еще в брожении. Главные идеи, мне кажется, я уже схватил. И наконец: Философию я понимаю все лучше, по мере того как глубже и глубже проникаю в другие науки.* ²⁰³

Важнейшее из того, что здесь принадлежало ему, он собрал на листочках, которые скромно назвал *Смешанные заметки*. Это была ранняя редакция *Цветочной пыльцы*, и это и в самом деле были «заметки», ибо все эти мысли появились в форме, для которой история литературы придумала понятие «романтического фрагмента». Фридрих Шлегель назвал ее «шамфоровской формой» — по имени французского философа-моралиста Никола-Себастьяна Рока де Шамфора, «*Maximes et pensées*,

---

* В целом (фр.).

** В действительности (фр.).

caractères et anecdotes»* которого как раз появились в немецком переводе. Но генеалогия этой формы мало помогает ее пониманию, особенно потому, что Фридрих Шлегель имел о ней другие представления, нежели Новалис. Шлегель сам работал над «критической шамфортадой»²⁰⁴, и его идеалом был фрагмент, как «еж»²⁰⁵: маленькое, свернутое художественное произведение, которое выставляет во всех направлениях свои критические провоцирующие иглы. Для Новалиса, напротив, фрагменты были скорее *обломками продолжающегося внутреннего монолога*²⁰⁶. Они должны были стимулировать мысли и служить тезисами к *истинному совместному философствованию*, как это ему впервые представилось в качестве цели в его занятиях Гемстергейсом.

Романтического фрагмента как такового, следовательно, не существует, и если мы захотим использовать этот термин для обозначения остро отточенного афоризма или ослепительной молнии мысли, безразлично к теоретическим писаниям Гарденберга, то упустим из виду ту его функцию, которая была для Новалиса главной. Кроме того, многое, в особенности в его более поздних записях, — скорее заметки для памяти или рассуждения, и к ним нельзя применить понятие «фрагмент» без некоторой натяжки.

На Пасху 1798 года появился первый номер «Атенеума», в котором была опубликована *Цветочная пыльца*. Фридрих Шлегель исполнял еще роль редактора и для усиления симфилософского характера среди этих фрагментов Новалиса поместил несколько фрагментов, принадлежавших ему самому и берлинскому пастору Фрид-

---

* «Максимы и мысли, характеры и анекдоты» (фр.).

II. Blütenstaub.

Freunde, der Boden ist arm, wir müssen reichlichen Samen
Ausstreun, daß uns doch nur mäßige Erndten gedeihn.

Wir suchen überall das Unbedingte, und finden
immer nur Dinge.

Die Bezeichnung durch Töne und Striche ist eine
bewundernswürdige Abstraktion. Vier Buchstaben be-
zeichnen mir Gott; einige Striche eine Million Dinge.
Wie leicht wird hier die Handhabung des Universums,
wie anschaulich die Konzentrität der Geisterwelt!
Die Sprachlehre ist die Dynamik des Geisterreichs.
Ein Kommandowort bewegt Armeen; das Wort Frey-
heit Nationen.

Der Weltstaat ist der Körper, den die schöne
Welt, die gesellige Welt, besetzt. Er ist ihr nothwen-
diges Organ.

риху Шлейермахеру, а также некоторые мысли Новалиса использовал при публикации собственных фрагментов в следующем номере либо разбил на части по своему усмотрению.

Цветочная пыльца принесла Новалису репутацию писателя. Реакция современников, исключая дружеский круг «Атенеума», состояла, впрочем, скорее из равнодушия и непонимания. Виланд, к примеру, который предполагал, что «Цветочная пыльца... просыпалась на нас, смертных, сквозь прекрасные пальцы какой-нибудь дамы»²⁰⁷, нашел в ней, наряду с некоторыми «великолепными вещами», также и целый ряд «потешных гримас, конвульсий и обезьяньих прыжков поэтически-философского «гения»²⁰⁸. И амтман Юст признался автору, что он «многое понял лишь наполовину, кое-что не понял совсем и лишь кое-что понял полностью»²⁰⁹.

Такая реакция малоудивительна, ибо и до сих пор кажущаяся несвязность расположенных рядом обломков мыслей этого собрания должна вызывать отчуждение читателя и отталкивать его, если он не рассматривает это собрание во взаимосвязи со всем внутренним развитием его автора. К тому же и *мистицизм* в этих *Смешанных заметках* еще очень незрел²¹⁰, как признавался сам Гарденберг Августу Вильгельму Шлегелю. *Многое не более чем игральные марки и имеет лишь преходящую ценность*²¹¹, писал он позже Юсту. Тем не менее здесь присутствует несколько решающих для всего дальнейшего развития Гарденберга основных идей, которые образуют кристаллизационные ядра всего собрания.

К ним принадлежит, в первую очередь, вопрос об отношениях между внутренним и внешним миром, между трансцендентальным сознанием и предметами и сущно-

стями, которые окружают человека. Этот вопрос после смерти Софии сделался для Новалиса вопросом существования: может ли постоянно исчезающее в этом мире обрести новый смысл для этой жизни в мире более высоком и недоступном случайности? Отсюда возникла знаменитая мысль: *Мы мечтаем о путешествиях через вселенную: так разве вселенная не в нас? Глубин нашего духа мы не ведаем. Внутрь ведет дорога, полная тайн. В нас или нигде находится вечность с ее мирами, прошлое и будущее*²¹². Но Новалис сразу вслед за этим добавляет: *Первым шагом станет взгляд вовнутрь, отчужденное рассмотрение нашего «я». Кто останавливается на этом, тот достигает цели наполовину. Вторым шагом должен быть продуктивный взгляд вовне — самодеятельное, содержательное обозрение внешнего мира.*²¹³ Таким образом, здесь подразумевается не квинтэстское созерцание собственного пупа, но познание в высшей степени активного свойства. *Первый гений, который прорвал собственную оболочку, нашел здесь типичный росток не поддающегося измерению мира и тем самым начал совершенно новую эпоху человечества*²¹⁴. Только понимание того, что человек является гражданином обоих миров, внутреннего и внешнего, делает человека действительно тем, чем он должен быть. *Человек способен в каждое мгновение быть сверхчувствительной сущностью. Без этого он был бы не гражданином мира, а животным.*²¹⁵

То, что нашло здесь выражение, было основным переживанием Гарденберга, в особенности прошедшего года, и оно отразилось также в выводе о том, что человек, безусловно, нуждается в посреднике для более высокого мира, причем в выборе посредствующего звена

(будь то фетиши, созвездия, звери, герои, идолы, боги, богочеловек²¹⁶) он остается свободным, лишь бы с увеличивающейся духовностью качество его становилось *утонченнее*. Старая мысль из дневника, связь Христа и Софии, получает, таким образом, свою официальную санкцию в качестве религии. Но чтобы правильно понять подобные воззрения, нужно обратить внимание и на тот вызов, который брошен здесь ежедневно практикуемому бургерскому церковному христианству: *Филистеры живут только повседневной жизнью... Их так называемая религия действует как опиум: соблазнительно оглушающая, усмиряющая страдание сила. Их утренние и вечерние молитвы так же необходимы им, как завтрак и ужин. Они уже больше не могут без них обходиться. Грубый филистер представляет себе небесные радости в образе ярмарки, свадьбы, путешествия, бала: он превращает небо в великолепную церковь с красивой музыкой, украшениями, стульями в партере для простого народа, часовнями и шпильями для публики привилегированной.*²¹⁷ В отличие от такой сентиментальной идеализации для Новалиса речь шла о том, чтобы сделать плодотворным для мира, в котором он жил, свой индивидуально воспринятый опыт возвышенного существования. То, что здесь в широком смысле было названо религией, являлось попыткой изменить мир с помощью силы духа и поднять его из ничтожества. *Мы исполняем миссию: мы призваны к созданию земли*²¹⁸, говорится в *Цветочной пыльце*.

Миссионеры этой религии являются, впрочем, не только священниками, но также поэтами: *Настоящий поэт всегда священник, так же как настоящий священник всегда остается поэтом.*²¹⁹ Кроме того, традицион-

ный смысл, который вкладывался в понятия *проницательный гений, истинный художник*²²⁰, должен был утратить значение перед лицом абсолютно новых, эпохальных опытов. Потому и мысли *Цветочной пыли* вращаются, в конечном счете, вокруг обоих больших центров — поэзии и государства — и соединяют их. Поэзия становится эквивалентом всего объединяющего и связующего. Она стоит выше, нежели выразительные формы философии и науки, поскольку, владея «языком богов», делает возможным соприкосновение с трансцендентальной частью нашего существования. Таким образом, она создает, как Новалис писал еще в своих записях по Гемстергейсу, *прекрасное общество или внутреннее целое — мировое семейство — прекрасное убежище для универсума*²²¹.

Идеальное государство должно было поэтому быть *поэтическим государством. Пронизанное духовностью государство само по себе станет поэтическим — чем больше духа и духовного общения в государстве, тем больше оно приближается к поэтическому.*²²² И как раз золушка мировой истории, бедная отсталая Германия несла в себе росток такого обновления раньше других: *Немец долго был Гансом-простаком. Он должен, однако, вскоре стать Гансом-великаном.*²²³ От духа должно исходить обновление, и здесь во всяком случае центрально-европейские страны имеют превосходные перспективы. Здесь должна начаться более решительная революция, чем та, что имела место во Франции, ибо там был всего лишь *кризис наступающей половой зрелости.*²²⁴ Немцы подают значительные надежды на гармонически-поэтическую зрелость. Именно среди них жил великий человек, вызывающий непонимание у них самих; но факт оставал-

Гёте

ся фактом: Гёте теперь истинный правитель поэтического духа на земле²²⁵.

В конце *Цветочной пыли* есть фраза: *Фрагменты такого рода представляют собой литературные посе́вы. Вероятно, попадают и полые зерна: пусть, лишь бы*

*хоть одно-единственное возшло!*²²⁶ В тезисах и постулатах Новалиса встречается многое из лично пережитого и одновременно многое такое, что подобным же образом видели и воспринимали его современники. Жизненная проблематика Фридриха фон Гарденберга исподволь превращалась здесь в религию и философию; его надежды на совершенное общество и мировое семейство носили по преимуществу универсальный характер, а его уверенность в том, что обновление должно иметь духовную, а не революционно-практическую доминанту, основывалась на правильной оценке соотношения общественных сил в Германии. Величайшее стремление к переменам владело тогда «жрецами» и «поэтами», учеными и философами. Спустя всего несколько лет мадам де Сталь пришла к определению немцев как народа поэтов и мыслителей. И то, что всеобщее мировое обновление должно было исходить именно от Германии, являлось к тому же убеждением, определенно выраженным и в других писаниях того времени, например, в шиллеровском стихотворном наброске «Немецкое величие», а позже в литературе освободительных войн. Когда обстоятельства изменились, эта мысль, надо сказать, приобрела более мрачный оттенок.

Впрочем, и для Новалиса надежда на *повелителя поэтического духа на земле*, которого он вскоре после отсылки рукописи *Цветочной пыли* впервые лично увидел в компании Августа Вильгельма Шлегеля, не осталась безоблачной. 29 марта 1798 года Гёте занес в свой дневник: «Советник Шлегель и фон Гарденберг с визитом. В полдень дома. К вечеру у Шиллера, где были Нитхаммеры и фон Гарденберг».²²⁷ Как протекала первая встреча, в деталях неизвестно. Гёте по временам вел себя весьма повелительно и обращал внимание только на то, что

*Генрик Стеффенс.
Прижизненное
изображение.
Литография*

его интересовало в данный момент. Генрик Стеффенс сообщает о своем первом знакомстве с ним: «Величественное спокойствие, с которым он двигался, порой казалось обременительным и даже раздражало; я был нем, смущен и чувствовал себя оскорбленным». ²²⁸ И Новалис писал Шиллеру некоторое время спустя после своей встречи с Гёте в надежде на новое свидание: «Мое счастье было бы совершенным, если бы при этих обстоятельствах человеку, которому я столь многим обязан, которого я так невыразимо почитаю, — вашему другу Гёте было угодно

быть открытым и общительным, с тем чтобы у меня была возможность совместить образ, возникающий при личном общении, с образом писателя. Простите мне это вольно высказанное желание — оно пришло мне в голову во время писания, при воспоминании о вечере, когда я был у вас в последний раз и судьбе было угодно, чтобы я нашел вашего друга не в том настроении, которого я так страстно желал». ²²⁹

При этом молодой писатель Фридрих фон Гарденберг имел бы возможность говорить не только о своем поклонении, но также и о том, что он как раз тогда начал создавать брата Вильгельму Мейстеру в его «Ученических годах», — он начал мистический натурфилософский роман под названием *Ученики в Саусе*, который, впрочем, лишь медленно продвигался вперед. Наконец, он углубился также в естественнонаучные писания Гёте и, возможно, был одним из первых среди тех, кто распознал его *дивинаторский взгляд* в этой области. Можно было бы по праву считать, писал Новалис в это время, что Гёте — *первый физик своего времени*²³⁰, если бы он рассматривал природу не только как исследователь, но также и как художник.

Похвалы иного рода содержит сборник *Вера и любовь, или Король и королева*, вызревавший той же весной 1798 года. 16 ноября 1797 года умер прусский король Фридрих Вильгельм II, которому некогда, во времена своих лирических «бурь и натисков», юный Гарденберг пропел панегирическую оду. Надежды, им в ней высказанные, впрочем, не сбылись полностью. Внешняя и внутренняя политика наследника Фридриха Великого в существенных моментах оставалась неудачной. В стране царил строгий дух вельнеровского религиозного эдикта,

что выглядело ханжеством перед лицом всевластья фавориток при королевском дворе и на фоне вызванного таким примером всеобщего упадка общественной морали в Пруссии. На каждые сто домов в Берлине приходился бордель. Фридрих Вильгельм III, который взошел на трон после смерти своего отца, был, напротив, трезвый, преданный своему семейству человек. В 1793 году он женился на Луизе, дочери герцога фон Мекленбург-Штрелиц. В год вступления на престол у него родился второй сын, Вильгельм, которому предстояло в 1871 году стать германским императором. Всего от этого брака родилось пять сыновей и три дочери.

Коронация молодого прусского короля повсеместно встретила радостное одобрение, так как с ним связывались многие надежды. Он распорядился устроить процесс над фавориткой своего отца и отправил в отставку его влиятельных советников Вельнера и Бишофвердера. Возникла более либеральная и одновременно более чистая атмосфера. Много способствовало этому очарование королевы Луизы. Генрик Стеффенс, который путешествовал в это время по Пруссии, сообщает: «Красивая высокая женщина, в которой ценят ум и почитают нравственную чистоту, была предметом изумления, даже поклонения; где бы я ни появлялся, везде слышны были похвалы высокой чете».²³¹

В это время возникли фрагменты, которые Новалис 11 мая 1798 года отправил Фридриху Шлегелю в Берлин, впрочем, не для «Атенеума»: *Лучше всего было бы отдать их в ежегодники прусской монархии.*²³² Последние были основаны незадолго до этого, чтобы прославлять юную королевскую чету, и вскоре в них появились произведения Новалиса: вначале маленькое стихотворное

*Король Фридрих
Вильгельм III
с королевой Луизой.
Гравюра Меттлинга
по оригиналу Хампе.
Около 1798*

собрание *Цветы*, затем фрагменты *Веры и любви*. Опубликованию третьей части — политических афоризмов — воспрепятствовала цензура.

*Без веры и любви этого читать нельзя*²³³, писал Новалис Шлегелю. Что большинство современников, включая и деятелей прусского двора, не в состоянии будет ура-

зуметь такое и что Новалис поэтому либо совсем не будет понят, либо будет понят неправильно, следовало, впрочем, ожидать. Ибо то, о чем здесь шла речь, было естественным следствием той возвышенной установки, в соответствии с которой действительность есть манифестация идеала или мифа, как это уяснил для себя Гарденберг на собственном опыте — в процессе интенсивного внутреннего диалога с усопшей невестой. Его речь здесь, как он заявляет в предисловии, — это *язык тропов и загадок*²³⁴, который невозможно постигнуть, если не идти ему навстречу с соответствующей мерой понимания и внутренней отзывчивостью.

Для Новалиса король и королева сделались репрезентантами его идеала грядущего поэтического государства. *Ни одно государство не управлялось до сих пор как фабрика в большей степени, чем Пруссия со времен смерти Фридриха Вильгельма I.*²³⁵ Грубое корыстолюбие и пошлый эгоизм были *ростком революции наших дней*²³⁶. В противоположность им теперь возник образ будущей страны, которая *отвечает сердцу и уму*²³⁷. Прекраснейшим символом такого синтеза и была королевская чета — для *цельного человека это то же, что конституция для плоского разума*²³⁸. Ибо любовь, по Новалису, — самая прочная из всех связей, и, вопреки всей ограниченности человека, она способна ввести его в сферу вечного мира и непрекращающейся гармонии. Эта сфера, однако, могла оказаться доступной лишь с помощью представительства, посредничества.

Итак, король стал для Новалиса сознательно избранным *идеальным человеком*, в основе, следовательно, посредствующей фигурой, только на этот раз в политической области: в конечном счете все люди должны быть

*Кронпринцесса Луиза и принцесса Фридерика. Мраморная группа
Иоганна Готфрида Шадова, 1797*

способны к трону. Воспитательное средство к этой отдаленной цели — король.²³⁹ Основная мысль века Просвещения о принципиальном равенстве всех людей, таким образом, вовсе не отвергается, но, напротив, возвышается до убеждения, что отныне *ни один король не может существовать без республики и ни одна республика — без короля*²⁴⁰. Ибо остается отдаленная цель: возвышение всех людей, прекрасное общество и мировая семья. Впрочем, интересы общества имели приоритет перед интересами отдельных людей; идеальное, поэтическое, гармоническое государство должно быть высшим единством, которое вбирает в себя все частное. Такое новое понимание государства могло возникнуть только на фоне партикуляристской, экономически и политически отсталой Германии.

Новалис мечтал воздвигнуть прекрасные алтари своей политической вере. Мраморная группа, изображающая королеву и ее сестру, созданная Иоганном Готфридом Шадовом, по его мнению, *должна была способствовать сохранению хорошего общества в Берлине и основанию ложи нравственной грации и продемонстрировать ее в зале собраний*²⁴¹. Сама же нравственная грация есть законченная гармония внутреннего и внешнего, чистейшая обоюдная репрезентация одного через другое, что Новалис уже прежде видел воплощенным в Софии. Теперь же она получила признание также и в сфере государственной жизни: *Тот, кто теперь стремится к вечному миру, пусть едет в Берлин и увидит королеву.*²⁴²

Заблуждения современников были различного рода. Во-первых, то, что Новалис предлагал здесь, можно было считать не совсем удачным, потому что Фридрих Вильгельм III был человек не только трезвый, но и в некотором смысле ограниченный и пассивный. «От короля тре-

буют больше, чем он в состоянии осуществить»²⁴³, — сказал он якобы, имея в виду *Веру и любовь*. Похвалы королеве он нашел «безвкусными и безнравственными»²⁴⁴, так что издатель Унгер посоветовал Гарденбергу использовать новый псевдоним, если он рассчитывает и в дальнейшем печататься в Пруссии, тем более что вокруг говорили: «...автором является племянник министра ф. Гарденберга»²⁴⁵. С другой стороны, существовала опасность видеть в этих фрагментах выражение византийских настроений или слепой мечтательности. Одна «очень интересная и религиозная девушка» высказала предположение, писал Фридрих Шлегель, что это написано «захмелевшим богом»²⁴⁶. То, что в действительности пытался сделать Новалис, был эксперимент в царстве духа: начертать принципы *поэтического государства*, «государства искусств», где князь был бы *художником художников*²⁴⁷, который не правит людьми как повелитель, но должен как посредник вести их к их собственной способности к трону.

Подобные манифесты, впрочем, всегда несут на себе знак неисполнимости. Тем не менее Новалис излагал свои мысли, несомненно, не без реальных надежд. Как и в *Цветочной пылице*, здесь также сплетались друг с другом интимнейший опыт любви, приверженность идее семьи и вера в миропреобразующую силу духа. Да и к чему должны были устремляться в Германии надежды? Там нет более монархии, где король и общественная мысль утрачивают свою идентичность²⁴⁸, говорится в *Вере и любви*; понятие монархии употребляется здесь в расширенном, «республиканском» смысле, что естественно для Гарденберга, и мечта о взаимопроникновении духа и власти не утрачивает своей актуальности.

Романтическая религия

Оба сборника — *Цветочная пыльца* и *Вера и любовь* — составляют лишь часть того, что Гарденберг зафиксировал на бумаге в первые месяцы своего фрейбергского периода. Вскоре опять у него *в состоянии готовности ... большой запас*²⁴⁹, сообщает он в мае Фридриху Шлегелю, в том числе *Диалоги* и *Анекдоты*. Однако по преимуществу это всевозможные фрагменты, в которых варьируются, вызревают, углубляются или уточняются мысли, содержащиеся в опубликованных ранее собраниях лишь в виде *литературных посевов*.

Особое историко-литературное значение этих не пришедших к читателю при жизни Гарденберга фрагментов состоит в том, что в них впервые обозначен как «романтический» его мистический способ созерцания, связывающий внешнее и внутреннее, конечное и бесконечное. *Мир должен быть романтизирован. Так только можно помочь ему вновь обрести изначальный смысл* — такими словами начинается одна из записей. Чтобы поточнее схватить понятие, фрейбергский студент использует математические выражения и называет романтизирование не чем иным, как *качественным потенцированием*. *Низшее «Я» идентифицирует себя в этой операции с лучшим «Я»*. Собственно, метод романтизирования лежал уже в основе заметок Гарденберга, вдохновленного переживанием трансцендентального, о религии и государстве: *В то время как я сообщаю обыденному высокий смысл, привычному — таинственный облик, известному — достоинство неизвестного, конечному — видимость бесконечного, я романтизирую их — Противо-*

*положной является операция над возвышенным, неизвестным, мистическим, бесконечным — происходит их логарифмирование с помощью связывания — и возвышенное получает привычное выражение.*²⁵⁰

Друг Новалиса Фридрих Шлегель в своих учебных тетрадях, относящихся к этому времени, описал то же самое понятие и затем в июле 1798 года опубликовал в «Атенеуме» свое ставшее знаменитым определение романтической поэзии как «прогрессивной и универсальной поэзии», которая имеет цель смешивать и связывать, «делать поэзию живой и общительной, а жизнь и общество — поэтическими»²⁵¹. Тут только происходит действительное крещение «романтической поэзии». В понятие «романтического» вкладывается при этом определенное содержание, которое заметно отделяет его от повседневного значения этого слова, и объединяет их, быть может, лишь подразумеваемое в обоих случаях свободное обращение с фантазией. Однако как при чтении Шлегеля, так и при чтении Новалиса отчетливо видно, что в основе этого «свободного обращения с фантазией» лежит совершенно определенная необходимость. Поэзия, писал Новалис, *смешивает всё ради своей великой цели всех целей — возвышения человека над самим собой*²⁵². Здесь ясно прослеживаются параллели с его политическими идеалами.

В это время, чрезвычайно плодотворное для его развития в направлении духовной самостоятельности, Фридрих фон Гарденберг был студентом Горной академии. За исключением поездки в Тюрингию, во время которой он посетил могилу Софии в годовщину ее смерти и затем впервые встретился с Гёте, он по большей части находился во Фрейберге. Правда, он заверял Августа Вильгельма

Шлегеля, что, разумеется, не превратится там в *ходячее a + e*²⁵³, но как его студенческие записи этого времени, так и в особенности свидетельства Вернера доказывают, что он отнесся к своему обучению «наукам» серьезно и обдуманно.

Возникает вопрос, в действительности ли увлеченность Новалиса романтическим сочинительством и одновременная преданность бюргерской профессии свидетельствуют о его внутренней раздвоенности? Данная им дефиниция *романтизирования* заставляет сомневаться в этом, и повсюду в его писаниях обнаруживается, что его мышление было направлено на соединение и синтез самых, казалось бы, гетерогенных элементов. Осуществление взаимопроникновения идеала и действительности, внутреннего и внешнего являлось предметом его страстных устремлений, к тому же подобное стремление к единству вообще не было чуждо естествоиспытателям того времени, что заметно уже у Вернера и в особенности обнаружилось в натурфилософских писаниях Шеллинга, Франца Баадера, а также молодого йенского физика Иоганна Вильгельма Риттера, только что появившееся тогда сочинение которого «Доказательство, что постоянный гальванизм сопровождает жизненный процесс в животном мире» в исполненной энтузиазма форме гимнического откровения постулировало великое единство природы, «органической вселенной, которая, не живя ни в каком времени, всякое время в себя включает»: «Где же различие между частями животных, растений, металлов и камней? Разве все вместе они не являются частью великого *всезверя*, природы?»²⁵⁴

С открытием таких полярных феноменов, как окисление и разокисление или электричество, думали постепен-

но пробиться ко всеопределяющему центру жизни и из диалектического противоречия вывести более высокий синтез — или «мировую душу». Сочинение Шеллинга на эту тему — «О мировой душе, гипотеза более высокой физики для объяснения всеобщего организма» — появилось в 1798 году, и Новалис вступил с автором в критическую полемику.

Стремление к синтезу было характерно не только для Новалиса, но и для всего его времени. Двойная жизнь какого-нибудь чердачного поэта, после изнурительной дневной поденщины воспарявшего ночью в свободные выси духа, ни в коем случае его не прельщала. И остается лишь задаваться вопросом, насколько в действительности ему удалось выстроить такое возвышенное существование поверх разорванных сфер. Ибо то обстоятельство, что сопротивление как его тела, так и его беспокойного, с трудом поддающегося обузданию духа, оставалось значительным вплоть до его физического конца, ясно вычитывается из биографических документов, в коих отразились его переменчивые настроения. В связи с этим естественно, кажется, утверждать, что только при предубежденном или поверхностном взгляде возможно увидеть в его поэтическом творчестве совершенно беспроблемную, даже наивную гармонию, которая ни в коем случае не была присуща Новалису, как бы он к ней ни стремился.

Как особенно актуальная для разрешения его жизненной проблематики вновь и вновь являлась ему древняя надпись в притворе храма Аполлона в Дельфах: «Познай самого себя». Во Фрейберге, благодаря изучению алхимической литературы, она стала ему особенно близкой. Если adeпты алхимии при помощи эликсиров создавали в колбе золото, «царя металлов», то для Новалиса самопо-

знание и было преображающим мир эликсиром:

*Счастлив, кто мудрость обрел и мир не спешит переделать,
Кто от себя самого мудрость извечную ждет.
Только разумный и есть настоящий адепт — превращает
В золото жизни он все — не имеет нужды в эликсире.
В нем клубится самою священная колба —
В нем воцарился «король». Дельфийский оракул
Внятен отныне ему: С е б я п о з н а й с а м о г о.²⁵⁵*

Как и в алхимии, Новалис нашел родственное в мифах. Ключ к его оставшемуся неоконченным роману *Ученики в Саусе*, над которым он продолжал работать в эти дни, дает следующее двустишие:

*Лишь одному удалось — поднял он покрывало богини в Саусе —
Только что ж он узрел? Чудо чудес — себя самого.²⁵⁶*

Впрочем, в сказке о Гиацинте и Розенблютхен, написанной, вероятно, в то же самое время и образующей ядро этого фрагментарного натурфилософского романа, в объятиях «ученику», который приподнимает завесу, падает его возлюбленная. Но любовь и любовное соединение, по Новалису, являются, собственно, только более высокой, даже высшей ступенью самопознания и самоосуществления.

Одиннадцатого мая 1798 года Новалис отправил рукопись *Веры и любви* Фридриху Шлегелю. В сопроводительном письме были следующие слова: *Я стремлюсь сейчас обработать одну идею, я почти горжусь тем, что ее нашел. Как только из этого получится нечто внятное, ты сразу получишь об этом известие. Мне кажется, что это очень значительная, очень плодотворная идея, кото-*

рая бросает луч света высшей интенсивности на фихтевскую систему — практическая идея ∞ (бесконечности). Ты извинишь, что я вызываю твое любопытство, не удовлетворяя его — По-настоящему удовлетворить его я еще не могу, однако я должен сообщить тебе мою радость — ибо это не менее как возможная, доказанная реализация самых смелых желаний и предчувствие любого времени — самым сходным, самым постижимым способом на свете.²⁵⁷ Новалис впервые указывает здесь на свой набросок «магического идеализма», выходящего за пределы субъективного идеализма Фихте; благодаря ему разрозненные мысли о связи между человеком и универсумом, микрокосмом²⁵⁸ и макрокосмом²⁵⁹ должны быть приведены в большую систему. Мы ищем эскиз для мира — этот эскиз мы сами.²⁶⁰ И: Мы поймем мир, если мы поймем самих себя, потому что мы и он — мир — составляем подлежащие интеграции половины.²⁶¹ Нужно только изучить искусство такого способа видения. Но это искусство по произволу использовать человеческие органы чувств, тело и душу есть не что иное, как магия²⁶², каковую уже пытались освоить старые мечтатели и мистики, поэты, безумцы, святые, пророки²⁶³: В период магии тело служит душе или духовному миру.²⁶⁴

В большом проекте Новалиса соединились, таким образом, его давнее стремление к господству над собой и к самовоспитанию с жадной упрочить свои связи с невидимым миром. Все это совпадало и с натурфилософскими стремлениями того времени к интеграции.

«Магия — искусство произвольно использовать чувственный мир».
Из тетрадей фрагментов, 1798

In allen unbefangenen Erfahrungen und Mythen kann
man sich ~~leicht~~ ^{leicht} finden. 10.
Es sind vollkommene Abbildungen und Gestalten von
entstandenen. Je näher im Buche der Welt, je ge-
schmackvoller, ~~je mehr~~ je mehr je mehr je mehr
schillernde der Mensch war, desto mehr desto mehr
Johannes zu simple geschichtliche vorfindet. Man
sagt - die grösste Macht zu finden, zu finden
und zu erklären - wenigstens ist es nicht die Zeit
und nicht da, von sich hingehen ~~zu finden~~ mit
lächerliche Mäße vorfinden können. 11. 12.
Künstliche Geschichten der Magie von
befallen. Als sehr wichtige Dokumente der Magie
und Magie allmächtigen Magie der Magie
Magie sind sie Magie Magie
und Magie Magie.

Magie ist Kunst, die Magie Magie Magie Magie
brauchen:

Es ist Magie Magie Magie Magie Magie
sich, oder Magie Magie Magie Magie Magie
Magie Magie Magie Magie Magie

На Пасху между тем начались лекции академического года в Горной академии. Вернер на этот раз читал, помимо обычных предметов, геогнозию, ориктогнозию и горное строительство, а также курс «Энциклопедия горного дела». Знакомство с этим целиком основанным на классификации эмпирического материалом стало для Гарденберга толчком к монументальному проекту. Если действительно в основе всякого бытия лежат высокое единство и последняя истина, с которой наше «Я» находится в непосредственном контакте — как с таинственным образом в Саисе, — почему тогда не счесть реально возможным нащупывание этого единства с помощью сравнительного и энциклопедического исследований всех существующих областей знания? Очевидно, предчувствие Новалиса вело его к установлению аналогий между отдельными науками и к выявлению через это их внутреннего родства. Такой проект не имел ничего общего с энциклопедическим подходом в смысле тщательного, упорядоченного сбора современного научного достояния. Для Новалиса речь шла в гораздо большей степени о том, чтобы сломать и устранить созданные специальными науками границы и привести в соприкосновение и соединить химию и философию, математику и поэтику, геологию и историю. При этом любые аналогии, которые приходили ему на ум во время изучения отдельных наук в его фрейбергский период и казались подходящими для его проекта, он заносил во *Всеобщий Brouillon (черновик)*, постепенно разбухший страниц до трехсот пятидесяти. Речь в нем шла, в частности, о *духовной физике, химической музыке, поэтической физиологии или физической истории*, чтобы назвать хотя бы некоторые из многочисленных попыток по созданию аналогий. Мышление ста-

*Новалис. Портрет работы неизвестного художника. Фрагмент.
Вайсенфельс, музей*

вилось в один ряд с гальванизмом, астрономия — с медициной. Новалис спрашивает себя о физике, не является ли она в строгом смысле политической среди естественных наук²⁶⁵. И далее он сравнивает: Низшая физика рассматривает камень среди камней — как обычная политика человека среди людей — Одна образование скал — образование гор — другая образование государств.²⁶⁶ Или под рубрикой Аналогичная поэтика читаем: Насыщение прозаично — и н д и ф ф е р е н т н о. Лекарство поэтично. Грубое насыщение — одухотворенное насыщение.²⁶⁷ Сочетание баса и дисканта в абсолютном смысле предстает как систола и диастола божественной жизни²⁶⁸, и для понятия «Бог» математика предлагает объясняющие формулы: Б о г это либо $1 \times \infty$, либо $1/\infty$, либо 0.²⁶⁹ Таким образом опробовались во все более смелых сопоставлениях и гипотезах возможности за внешним многообразием жизни увидеть единую сущность, а идеи вновь поставить во взаимосвязь с внешними предметами, поскольку обе операции связаны, как он писал в Цветочной пылице, и только тот, кто обе их полностью держит в своей власти, является магическим идеалистом.²⁷⁰

Во время пребывания летом 1798 года на лечении в Теплице Новалис писал Фридриху Шлегелю: В моей философии повседневной жизни я пришел к идее моральной (в гемстергейсовском смысле) астрономии и сделал интересное открытие в религии видимой вселенной. Ты не представляешь, как далеко это может завести. Я думаю здесь намного превзойти Шеллинга.²⁷¹ Но конструирование подобной религии видимой вселенной, если она вообще возможна, должно было намного превышать силы отдельного человека. Так что Но-

валис ограничил себя со временем задачей выработки методологии для того, что ему представлялось великой идеей будущего. И здесь в процессе истинной *симорганизации* и *симэволюции* и одновременно с Фридрихом Шлегелем он пришел к проекту новой «Библии» *как и д е а л а л ю б о й книги. Теория Библии, будучи развитая, дает теорию писательства или словотворчества вообще, которая одновременно занимается символическим, непрямым конструированием творческого духа*²⁷², писал он седьмого ноября другу, наиболее сжато излагая свое представление о «магическом идеализме», о, так сказать, романтической религии, в рамках которой физика и поэзия, математика и Бог должны образовывать весьма неортодоксальную связь. Только и этому плану суждено было остаться в набросках.

Новалис поставил перед собой задачу, которая очень хорошо отвечала как его все легко и быстро схватывающему уму, так и его стремлению к универсализму, причем выполнение ее, несомненно, скрывало опасность утраты самого себя и интеллектуальной девиации. Но интеллектуальная игра, несмотря ни на что, в его намерения не входила. Отнюдь не о легкомыслии свидетельствуют следующие строки на последних страницах *Всеобщего Brouillon'a*: *Чем интимнее все науки споспешествуют осуществлению их общего интереса, то есть блага человечества, и чем охотнее философию избирают председательницей и руководительницей их решений, тем легче, тем свободнее дышит человек.*²⁷³

Но в таком предприятии присутствовало нечто, что Шеллинг позднее назвал «фривольностью по отношению к предмету»²⁷⁴. И Фридрих Шлегель писал тогда же Фридриху Шлейермахеру: «Гарденберг был у нас не-

сколько дней... Он заметно изменился. Само его лицо стало длиннее и тянется, словно от лона земного, вверх, как коринфская невеста*. При этом глаза у него совершенно как у духовидца — бесцветный немигающий взгляд. При посредстве химии он ищет средства против телесности (с помощью экстаза), которую он тем не менее считает как бы веснушкой прекрасной тайны духовного прикосновения». ²⁷⁵ И в другом месте еще более метко: «Гарденберг занят тем, что перемешивает религию с физикой, из этого должна получиться интересная яичница!» ²⁷⁶

Бюргерская архитектура

В то время как дух намечал широкомасштабные проекты, тело по временам отказывалось служить. Где-то в конце мая Фридрих фон Гарденберг заболел, и ему было предписано лечение на божемском курорте Теплиц. Примерно четыре недели лета 1798 года он провел там. *Городок очень приятный. Местность — красивейшая из всех, какие я видел.* Многое приходило ему на ум, и порой он набрасывал свои мысли на бумаге: *женщины, христианская религия и обычная жизнь* должны были стать *центральными монадами его медитации.* Тем не менее: *Не хватает досуга, книг и разрешения напрягать голову.* ²⁷⁷ Новалис, который охотнее всего творил в процессе разговора, нашел

---

* Стихотворение Гете «Коринфская невеста» (1797), рассказывающее о незаконной любви язычника и христианской девушки, заканчивается их самосожжением:

*«Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»*

(пер. А. К. Толстого)

круг понимающих людей только на собраниях в Дрездене, где на одном субботнем вечере в августе встретился с Шеллингом, Каролиной и братьями Шлегель. При свете факелов разглядывали античное собрание, а от посещения картинной галереи, в особенности же от ее жемчужины — «Сикстинской мадонны» Рафаэля, у всех друзей осталось сильнейшее впечатление. Новалис тот же час сочинил *Письмо об антиках*, а затем *Романтический фрагмент — посещение антиков*²⁷⁸, как он сообщил Каролине Шлегель; последняя же вместе с Августом Вильгельмом Шлегелем примерно тогда же написала основополагающий для романтического понимания искусства диалог «Картина», завершавшийся хвалой мадонне Рафаэля и появившийся в третьем номере «Атенеума».

Непосредственно после возвращения из Дрездена Новалис начал свой *Всеобщий Brouillon*, который должен был стать собранием материалов для проекта энциклопедии, и продолжал записи вплоть до конца своего фрейбергского периода. При этом *Brouillon* был только побочной работой наряду с собственно занятиями, включающими в особенности математику, химию и физику. И первое сочинение Вернера «О внешних признаках фоссилий*» он встретил очень критически, ибо как раз здесь находилась точка научного отсчета для исследования отношений между внешним и внутренним, значения которых, как ему показалось, Вернер, будучи чистым эмпириком, в конечном счете все-таки не понял. Вообще Новалис в эти недели и месяцы осилил гору научной литературы. Обстоятельные штудии посвятил он сочинению Шеллинга «О мировой душе». Он делал выписки из сочинений Александра фон

---

* Фоссилии — окаменелости.

*Сикстинская мадонна. Картина Рафаэля. 1512—1515.
Дрезден, картинная галерея*

Гумбольдта и трудов математиков вроде Фридриха Мурхарда и Шарля Боссю, он с воодушевлением читал Франца фон Баадера:

*Его волшебство снова связует
То, что безумия меч разрубил²⁷⁹,—*

Ф.В.Й. Шеллинг.
Фотография
с несохранившегося
рисунка Фридриха
Тика, около 1802

и прорвался даже в систему здравоохранения шотландского врача Джона Брауна, которая опиралась на мысли о полярности сильных и слабых раздражений, стении и астении. В философии он надеялся найти с помощью изучения «Нового Органона» Иоганна Генриха Ламберта методологические основы для своего замысла энциклопедии, а через «Дух спекулятивной философии» Дитриха Тидемана ему открылся мир мыслей его любимого Плотина²⁸⁰.

Наряду с этим продолжалось посещение различных лекций. Помимо естественных наук, учебный план включал геологию и минералогию, горное строительство, маркшейдерство и горное право. К этому добавилась практика в шахте — «по крайней мере три-четыре дня в неделю», как требовал устав Горной академии. Вместе с тем сочиненное Новалисом за это время составило весьма внушительный объем, особенно если принять во внимание неблагоприятие со здоровьем. Это оказалось возможным только благодаря строжайшему планированию, к которому Новалис приучал себя на протяжении всей своей жизни. В *Brouillon'e* он записывает, к примеру, точное количество часов, которое он ежедневно хотел бы посвящать отдельным дисциплинам: *учению о гравитации, универсальной арифметике, химическим приготовлениям или энциклопедистике вообще. Утром с шести до двенадцати продолжались эти занятия, после обеда, если с утра не позволяло время,— роман и чтение. Письма прерывают все занятия. Остающееся утром время можно посвятить моциону и отдыху. С девяти до десяти, к примеру, прогулка верхом — или с одиннадцати до двенадцати. Если рано утром, между шестью и семью, читал, то после обеда приходится наверстывать.*²⁸¹ Верховые прогулки тогдашняя медицина считала особенно целебными при наклонности к туберкулезу, и Генрих Ульрих Эразм фон Гарденберг подарил по этой причине своему сыну лошадь. Сын писал: *Сердечно благодарю тебя за лошадь, потому что сама вера в целебность верховых прогулок мне полезна. Уже несколько раз благодаря верховой прогулке мне почти удалось снять приступ.*²⁸² В первую очередь он желал себе теперь здоровья — не только для того, чтобы иметь силы для исполне-

ния своих великих планов и проектов, но также потому, что вновь намеревался включиться в бюргерскую жизнь.

С течением времени его отношения с семейством Шарпантье сделались более тесными. Уже при первых посещениях Юльхен представлялась ему ядом замедленного действия: *Стоит зазеваться — и яд уже проник в вас, и это тем более опасно, что вызывает приятные ощущения.* Но тогда он был еще «посторонним». Будучи молодым смельчаком, я однажды попробовал такую отраву — *Но сейчас это действует на мои изношенные нервы притупленно, как легкая приятная вибрация, и согревает мою медленную кровь... Ее увидишь и веришь, что все самое прекрасное будет первой замечено и сохранено ею. Она играет только на гармонике, в то время как ее сестра преуспевает во всех остальных искусствах.*²⁸³ Начиная с лета, происходило неуклонное сближение, и к Рождеству Фридрих фон Гарденберг и Юлия Шарпантье были помолвлены.

Развитие этих отношений Новалис позднее описал в письме к Юлиусу Вильгельму фон Оппелю: *Вы знаете Юлию Шарпантье, и вас не удивит, разумеется, что нежная скромная натура этой достойной любви девушки очень скоро привлекла меня в моем нынешнем настроении и вызвала мое доверие. Постепенно она сделалась мне необходимой, хотя я и не догадывался вовсе, что должен буду вступить с нею в более близкие отношения. Болезнь ее отца открыла мне блестящую сторону ее сердца в полном свете — Нежная заботливость, многочисленные ночные бдения повредили ее здоровью, и летом 1798 года она сама сделалась жертвой ужасного несчастья — рожистого воспаления лица. По возвращении из Теплица он нашел ее в этом мучительном состоянии.*

Тогда лишь пришла мне в голову мысль посвятить ей мою жизнь. Я видел, что без любящей помощницы жизнь и всякое участие в светских делах будут для меня оставаться тяжелой обузой — все положение Юлии живо представилось мне — я знал, что никогда не смогу более найти такой верной, нежной супруги — чувствовал, что мое стесненное, стимулирующее мое усердие положение дает мне преимущества и что ни одна девушка не поможет мне переносить это положение лучше, нежели она — был убежден, что ради нее не должен стыдиться никаких жертв и что, может быть, мне удастся спасти ее от неприятного будущего.²⁸⁴

Гарденберг воздержался от торжественного шага²⁸⁵ официальной помолвки, вероятно, уже потому, что его отец опять стал в оппозицию, что не в последнюю очередь объяснялось скромными материальными обстоятельствами семейства Шарпантье, которые и могли бы при определенных условиях приуготовить Юлии неприятное будущее. Однако и вообще обоснование нового союза звучит в только что приведенном письме несколько неискренне, даже если предположить, что Новалис из практических соображений хочет представить своему начальнику и покровителю собственную биографию как развитие характера. Еще более примечательные высказывания мы находим в письмах Фридриху Шлегелю, написанных в это время. Десятого декабря: *Я чувствую, как могу быть еще полезен для многих; чувство товарищества побуждает меня не покидать тех, кого я люблю, в состоянии смятения и разделять с ними всяческую заботу этой жизни. Если бы все были счастливы, я был бы вполне утешен; примерять же счастливую судьбу на себя одного я не могу. Если получится, скоро я должен начать новую*

*Юлия фон Шарпантье. Рисунок серебряным карандашом
Доры Шток*

*жизнь — более высокую. Ранняя смерть — мой великий жребий, продолжение жизни — другой выигрыш.*²⁸⁶ И двадцатого января 1799 года: *Я многое хочу тебе сказать — земля, как кажется, еще готова удерживать меня продолжительное время. Отношения, о которых я тебе говорил, сделались крепкими и искренними. Я вижу себя любимым так, как никогда еще не был любим. Судьба весьма достойной любви девушки зависит от моего решения — и мои друзья, мои родители, мои братья и сестры нуждаются во мне больше, чем когда-либо. Как кажется, меня ждет весьма интересная жизнь — между тем, честно говоря, я предпочел бы умереть.*

*Я прислушиваюсь к ходу событий — стоит мне увидеть возможность исчезновения — я натываюсь на препятствия — это знак, что нужно осуществить первый план... Если бы мое здоровье было в порядке, я бы переживал сейчас счастливые, чудесные дни. Ю л и я в течение полугода испытывала ужасные страдания — следовало опасаться худшего — и вдруг в самый разгар болезнь оборвалась, и она с Сочельника здорова и весела. Уже два месяца я мало что мог сделать. Страх, рассеянность, заботы, дела, поездки, а теперь опять радость и любовь, помимо приступов болезни, отвлекают меня от письменного стола.*²⁸⁷ *Мрачные намеки на смерть и в дальнейшем, когда планы женитьбы уже обретают определенность, присутствуют в его письмах.*

Окружающие знали, что Юлия виртуозно владеет весьма популярной тогда стеклянной гармоникой, и Каролина Шлегель неоднократно использовала свою осведомленность об этом, затевая маленькие словесные игры. Четвертого февраля 1799 года она спрашивала Гар-

денберга в своей светской манере: «Видите ли, из ваших речей невозможно в точности понять, когда вы предпринимаете какое-либо дело, будет ли это книга или еще что-то, а когда вы любите — получится ли из этого гармония миров или какая-нибудь гармоника». ²⁸⁸ Был ли ответ у самого Гарденберга?

Подобно вопросу о раздвоении между профессией и поэзией, вопрос о двойной любви тоже часто обсуждался Новалисом и решался в пользу приверженности мертвой Софии и старому «решению», в то время как Юлия скорее рассматривалась как опора в этой жизни. Несомненно, нечто в этом роде можно вычитать из признаний Фридриху Шлегелю и Опелю. Но одновременно смиренные мысли Гарденберга, высказанные в такой откровенной манере, некоторым образом должны были казаться бестактными перед лицом *весьма достойной любви* девушки и только что заключенной с нею помолвки, даже прямо-таки грубыми, если иметь в виду такую двойную любовь.

Что священный пепел Софии будет вечно согревать его сердце и сохранит его томление по миру и любви ²⁸⁹, это Новалис объяснил Юлиусу Вильгельму фон Опелю, а Рахель Юст он заверял в декабре 1798 года, что Грюнинген *вечно останется для него любимейшим местом в мире*, впрочем, прибавляя: *Само место действует на меня благотворно, воспоминания делаются смягченнее.* ²⁹⁰ Оба высказывания показывают, до какой степени София приобрела в его глазах мифические черты и сделалась символом его собственного трансцендентального опыта. Воспоминания о ее земном облике отныне не должны были его обременять.

Странные колебания между желанием жить и реше-

*Рахель Юст.
Картина Траугота
Георги, 1820*

нием умереть в письмах периода помолвки с Юлией фон Шарпантье можно понять, только исходя из целостного представления о личности Новалиса и имея в виду, что это высказывания больного человека. С мая 1798 года в письмах и записках вновь и вновь заходит речь о переменах в его здоровье. То, что нашло выражение в письмах Шлегелю, было признаком депрессии. Периоды латентной слабости могли даже вызвать сомнение в возможности брака. Осенью 1799 года Гарденберг извлек из медицинских журналов целый ряд рецептов в качестве средства против *слабости половых органов*, «*Impotentia virilis*»* и болезней половых органов.²⁹¹

---

* Мужская импотенция (лат.).

Как раз слабость тела, однако, и побуждала его намного более чутко реагировать на мир в себе и вокруг себя. *Страх, рассеянность*, старое беспокойство, таким образом, посещали его вновь и вновь, особенно во времена телесных и духовных кризисов, и все силы его духа не в состоянии были их победить. Так, вплоть до самой смерти Новалиса не покидало ощущение глубокого противоречия между возвышенным миром, который он конструировал в своем уме, и реальностью века, которая достигала его во фрейбергских копях и на вайсенфельсском соляном производстве, в поместьях саксонского дворянства или в резиденциях немецких князей. Разумеется, его отдаленной целью было устранить эти противоречия в себе и вокруг себя, растворить их в гармонии, в *мире и любви*. Но ясный и трезвый разум философа вновь и вновь приводил его к мысли, что при попытке силой духа преобразить действительность последняя оказывается совершенно неподатливым материалом. Фридрих фон Гарденберг не был прекраснодушным мечтателем и, несмотря на надежду одолеть действительность, сильно страдал от противоречивости своего характера, как и от противоречий окружающего мира. Таким образом, неудивительно, что ему, принимая во внимание особенности его развития, смерть должна была казаться пожалуй единственной твердой и неколебимой инстанцией, способной открыть двери к свободному от противоречий существованию. Как раз там, где действительность подступала к нему со своими притязаниями, которые были ему не по силам, соблазн подобного разрешения должен был являться ему с особенной силой.

Из этого не следует делать вывод о том, что Новалис якобы безудержно мечтал о смерти или вел тихое двойное

существование между небесной и земной невестами. Ибо последнее означало бы душевную неверность, на которую Новалис был не способен. София сделалась в его представлениях лишенной телесности, мифическим посредником; кроме того, она в своей детскости еще и не могла быть той спутницей, к которой его привязывала бы любовь, проистекающая из глубокого взаимного познания и в силу этого остающаяся незыблемой. Но в июле перед ним предстала девушка двадцати двух лет, наряду с образованием, зрелостью, человечностью, готовностью к пониманию обладавшая всеми теми качествами, которые вообще являются предпосылками для подлинного союза. Разумеется, при возникновении глубокой склонности к Юлии могло сыграть роль сочувствие к больной, подобно тому как это было в случае с Софией, но то, что привело Новалиса к новой помолвке, в основе своей было сильной телесной и духовной потребностью в *брачной ночи, супружестве и потомстве*. Конечно, не следует забывать, что, несмотря на все его попытки их преодолеть, в нем оставалось немало внутренних противоречий. Но представление о поэте, который колеблется между небесной и земной любовью, который, избирая любовь земную, больше думает о супружестве как о заботе, не отражает реальной ситуации.

В том же письме, в котором Новалис в первый раз сообщает Фридриху Шлегелю о своей новой помолвке, он жалуется, что в последнее время редко занимался своими литературными замыслами, но все же разработал план, устремленный в будущее: *создание литературного республиканского ордена — который, будучи с политической точки зрения абсолютно лояльным, станет настоящей космополитической ложей*.²⁹²

Была задумана собственная типография, и Йена, Гамбург или Швейцария должны были стать местопребыванием этого бюро. Образцы подобных надгосударственных ассоциаций, впрочем, существовали и прежде в виде повсеместно распространенных масонских лож и филантропических обществ века Просвещения, и даже «Общество Башни» в гётевском романе «Вильгельм Мейстер» могло подтолкнуть к созданию подобного плана. Однако одновременно имелись и многочисленные реальные опасности. Так, прежний издатель «Атенеума» Фивег в Берлине объявил об отказе в своей поддержке, так что некоторое время казалось вполне вероятным, что этот важный рупор идей романтизма замолчит еще прежде, чем появится возможность развернуть *литературные посе́вы* романтической поэзии и философии и разъяснить и оправдать их в глазах широкой общественности, которая по большей части наблюдала за происходящим, покачивая головой. Поэтому все время было ощущение, как писал Новалис, что сидишь в *Comité du salut public universel** и подготавливаешь нечто большее, нежели *лавуазьерскую революцию*²⁹³.

К этому прибавлялись и другие причины, побуждавшие стремиться к независимости и свободе от государственной опеки. На сочинение Фихте «Об основаниях нашей веры в божественный миропорядок», которое появилось вместе со статьей Фридриха Карла Форберга о «развитии понятия религии» в 1798 году в журнале Нитхаммера в Йене, саксонский курфюрст отреагировал рескриптом от девятнадцатого ноября 1798 года, в котором содержалось распоряжение о конфискации этого журна-

---

* Комитет всеобщего общественного спасения.

*Дитрих фон Мильтиц.
Прижизненное
изображение*

ла по причине «атеистических высказываний». Возник так называемый спор об атеизме вокруг Фихте, который в конце концов привел «к совету странствовать», как выразилась в одном письме Каролина фон Гердер. В июле 1799 года Фихте переселился в Берлин.

В «Апелляции к публике» — «сочинении, которое следует прочитать прежде, чем конфисковать», — Фихте выступил в начале 1799 года с нападками на общественность, решительно и настойчиво требуя свободы мысли. Новалис рекомендовал тогда своему другу Дитриху Мильтицу: *Фихтеву «Апелляцию к публике» я тебя прошу внимательно прочесть. Это превосходная статья, и она познакомит тебя с удивительным духом и уди-*

вительными планами нашего правительства и попов, с отчасти уже внедряемыми планами подавления общественного мнения — всякий разумный человек должен следить за такими шагами и извлекать выводы из подобных намерений.²⁹⁴ Становится понятным, что основание интеллектуального рыцарского ордена²⁹⁵, как он назвал свой план во *Всеобщем Brouillon'e*, должно было стать едва ли не главным делом его жизни²⁹⁶. Ибо события, связанные с изгнанием Фихте, отменно характеризовали доходящую до гротеска узколобость и нетерпимость саксонского правительства. Баронское семейство Гарденбергов, благодаря своему постоянному проживанию в Саксонии имевшее место и голос в саксонском ландтаге, и Ганс Георг фон Карлович обратились поэтому к Фридриху фон Гарденбергу с призывом появиться там и вместе с друзьями выступить против «могучего знамени невежества, грубости и эгоизма», которое развернули саксонские дворяне. Один настоятель собора высказался, к примеру, против всякой подготовки учителей на том основании, что «этим парням не нужны ни наука, ни знания». Вместо того чтобы выступать с поправками к правительственной политике, дворянство думало только о том, как бы сохранить свои старые наследственные привилегии и, говоря словами Карловича, «беседовать за чашкой шоколада как аристократические санкюлоты».²⁹⁷

Гарденберг глубоко ненавидел подобные высокомерие и реакционность, и однако его ответ на просьбу друга был, вероятно, отрицательным, так как тот вскоре отвечал на несохранившееся письмо Гарденберга: «Твое представление о сословиях, к сожалению, совершенно справедливо, однако решение никогда не появляться на ланд-

Ганс Георг фон
Карлович.
Портрет работы
Иоганна Генриха
Вильгельма Тишбейна

таге не является патриотичным. Каждый должен делать для благого дела, что он может, и как раз ты мог бы многое. Ты единственный знакомый мне человек, от которого я жду, что он поднимет целое поколение и сможет подавить ненавистные голоса эгоизма, глупости и жестокости; ты единственный мог бы спасти нас от презрения, которого мы заслуживаем». ²⁹⁸

То, что удерживало Новалиса от подобного участия в политической жизни его отечества, не было, конечно же, апатией. Различия между его взглядами и взглядами друзей-аристократов, вероятно, играли большую роль, ибо, как следует из записей во *Всеобщем Brouillon'e*, он предполагал упразднение сословного строя, за который крепко держались в принципе его друзья. Ему самому

*Каролина Шлегель.
Портрет работы
Иоганна Фридриха
Августа Тишбейна*

представлялось иное, гораздо более простое сословное устройство. Двадцать седьмого февраля 1799 года он писал Каролине Шлегель: *Естественный человек и творческий человек суть, собственно говоря, первоначальные сословия. Сословия являются составной частью общества. Брак есть простое общество, как рычаг — простая машина. В браке встречаются два сословия. Ребенок в браке то же, что художник в обществе — не сословие — он есть гарант единства — настоящего удовлетворения обоих сословий.*²⁹⁹ Выказанные здесь мысли отчасти были связаны с чтением романа Фридриха Шлегеля «Люцинда», который Новалис как раз тогда получил, а отчасти основывались также на более ранних его представлениях о центральной роли семьи

как самого естественного института, являющегося к тому же символическим прообразом идеальной гармонии.

От реформы сословных отношений, которая в конечном счете сохраняла феодальные привилегии, действительно нечего было ожидать в смысле большей либеральности в политике и хозяйствовании. То же, что преподносилось Новалису в качестве альтернативы, была его старая идея об изменении и совершенствовании общества с помощью сознания. И здесь идеальным представлялся ему *творческий человек*, который должен сочетать в себе всестороннее развитие, принадлежность к обоим мирам и тягу к становлению в качестве *мессии природы*³⁰⁰. Это выражение, встречающееся во *Всеобщем Brouillon'e*, соседствовало с фразой: *Высшая философия имеет дело с союзом природы и духа*.³⁰¹ «Возвышенным» философам и романтическим художникам, объединенным в *ложи космополитов* — рыцарей духа, с помощью волшебной силы сочетающих конечное и бесконечное, предстояло стать теми, кто приблизит *прекрасное общество, мировую семью* и великую «гармонию миров».

Впрочем, всякое государство, не только саксонское курфюршество, отставало от таких ожиданий. Но подобные мысли, как бы утопичны они ни были, имели определенное право на существование, как и любые другие надежды на свободное гуманное общество. Они, впрочем, показывали, что фрондирование в саксонском ландтаге должно было представляться Новалису бесплодным. Можно это порицать, но его решение держаться подальше отнюдь не выражало презрения по отношению к практической деятельности. Напротив, с января 1799 года Гарденберг с особенной интенсивностью отдается своим фрейбергским занятиям. *Теперь он много времени прово-*

дит под землей, а наверху озабочен разными практическими штудиями³⁰², как следует из писем этого периода. И в другом месте: *Я теперь целиком погружен в технику, поскольку годы моего учения подходят к концу и гражданская жизнь со всеми ее притязаниями подступает все ближе.*³⁰³ Он обдумывает, не следует ли ему взяться за чтение лекций во Фрейберге, и подчеркивает: *У меня все было задумано в церковном стиле — или в стиле дорического храма... Теперь у меня бюргерская архитектура.*³⁰⁴ Это обращение к практике было не только обязанностью будущего чиновника саксонского соляного производства, который вновь намеревался создать семью, — это было также выражением нетерпения перед лицом очевидной косности окружающего мира. В деятельности, пусть и ограниченной, но приносящей пользу обществу, Новалис предполагал отыскать стимулы для своей цели постепенного освобождения человека от многообразных форм притеснения и возвышения его посредством тесной связи с природой. Истинное понимание сути *внутреннего зачатия* более высокого существования гораздо скорее можно найти в *мастерских ремесленников и художников и там, где люди находятся в многообразных отношениях и споре с природой, как это имеет место при обработке земли, в корабельном деле, при разведении скота, на рудниках и во многих других занятиях*³⁰⁵, говорится в эпилоге *Учеников в Саусе*, которые примерно в это время были доведены автором до своего нынешнего состояния. Таким образом, отнюдь не смирением вызвано его решение заняться практической деятельностью.

В это же время в Новалисе росло понимание того, что самой подходящей формой для воплощения его надежд и

*Жан-Поль.
Литография
С. Бендиксена
по оригиналу
К. Фогеля, 1822*

идей в конечном счете должна была стать сама поэзия. Каролине Шлегель в феврале 1799 года он сообщал, что собирается написать роман, который, впрочем, в отличие от шлегелевской «Люцинды» и в противоположность великому прототипу, гётевскому «Мейстеру», должен содержать *годы учения нации*. Это означает — *само выражение годы учения неверно* — поскольку оно выражает определенное направление. У меня это должно будет означать не что иное, как *годы перехода от бесконечного к конечному*. Я надеюсь тем самым од-

новременно удовлетворить мое историческое и философское томление.³⁰⁶ Имеется в виду здесь, по-видимому, в первую очередь продолжение *Учеников в Саусе*, которые, однако, так и остались без движения; лишь *Генрих фон Офтердинген* представил позднее подходящий материал для таких планов и намерений.

Где-то в июне 1798 года Новалис впервые лично познакомился с Жан-Полем. Он показался ему *прирожденным voluptuoso*, и мысли относительно его поэтической фантазии побуждали к обобщенным наблюдениям: *Я знаю, что фантазия больше всего любит безнравственное, духовно-животное — Между тем я знаю также, насколько сильно все фантазии подобны сну, который любит ночь, бесчувственность и одиночество — Сон и фантазия суть самое основное — они предназначены самое большее для двух, отнюдь не для множества людей. Сон и фантазия должны забываться — не следует на них сосредоточиваться — менее всего следует их у в е к о в е ч и в а т ь — Только мимолетность сна оправдывает дерзость его существования. Быть может, опьянение чувств является принадлежностью любви, как сон является принадлежностью жизни — это не самая благородная часть того и другого — и здоровый человек скорее предпочтет бодрствовать, нежели спать. И я не могу избежать с н а — но я радуюсь бодрствованию и в т а й н е желаю б о д р с т в о в а т ь всегда.³⁰⁷ Ибо романтическая поэзия способна преобразовать мир, если она этому миру ведет учет. В том же письме Каролине Шлегель говорится: *Я так близок к полудню, что тени имеют величину предметов — и, таким образом, причуды моей фантазии в большой степени соответствуют реальному миру.* Такое состояние относительной гармо-*

нии сопутствовало окончанию обучения Гарденберга во Фрейберге, оставшиеся недели были заняты практикой. В середине мая, на Троицу, он окончательно вернулся в Вайсенфельс.

Дружба романтиков

Сразу же по приезде в Вайсенфельс Фридриха фон Гарденберга ожидали обширные служебные обязанности. Двадцатого мая 1799 года приехал в Вайсенфельс для инспекции саксонского соляного производства Юлиус Вильгельм фон Оппель, который в качестве члена тайной финансовой коллегии в Дрездене был ответственным за горное, металлургическое и соляное ведомства. Целью инспекции было добиться удешевления и роста соляного производства и прежде всего исследовать возможность более интенсивного использования бурых углей для выпаривания соли, поскольку применение дров оказалось слишком дорогостоящим. Старший Гарденберг показал себя как раз в этом пункте в высшей степени консервативным. Фридрих фон Гарденберг сопровождал Оппеля в последующие недели на соляное производство в Кезен, Дюрренберг и Артерн в качестве протоколиста. Ежедневная совместная работа должна была повести к дружескому сближению между двумя мужчинами. Для Гарденберга расположение Оппеля, бывшего старше его шестью годами, имело особое значение. Самому ему было двадцать семь лет, у него были планы женитьбы и еще не было твердого дохода. Однако он упустил случай во время совместной работы представить свое положение Оппелю. Его удерживал от этого не только такт, но и нежелание

говорить о планах женитьбы в окружении отца. Лишь после отъезда Оппеля Новалис письменно сообщил своему начальнику, что он в настоящее время всерьез желал бы получить *место при соляном производстве*, и заверял его *наперед* в своей *пожизненной признательности, готовности к услугам и служебном рвении*³⁰⁸. Оппель сделал, что мог, хвалил в Гарденберге в одном из отчетов «значительность его теоретических познаний в прикладных науках», «хорошее начало, которое он положил в сфере практической», и в особенности «его превосходные способности и его неутомимое усердие»³⁰⁹. Он рекомендовал назначение на должность асессора соляного производства, и это ходатайство, после долгих хождений по лабиринту служебных инстанций, седьмого декабря 1799 года увенчалось успехом. Жалованье составило четыреста талеров, — сумма, которая, впрочем, была на сто талеров меньше ожидаемой и приблизительно соответствовала жалованью веймарского придворного повара.

Тем не менее благодаря этим деньгам, а также — и прежде всего — благодаря скромному семейному владению перед Новалисом открылась возможность самостоятельного вступления в гражданскую жизнь. Кроме того, следует упомянуть еще об одной статье дохода. *Я не хочу жить лучше, чем столь многие порядочные и достойные люди*, пишет он Оппелю, *я уже познакомился с ценами и потребностями — и могу, доверяю это только вам, использовать мои досуги для приносящих дополнительный доход литературных занятий*.³¹⁰ Фраза показательная, ибо романтический писатель Новалис был единственным среди друзей, кто имел постоянную службу и кому его поэтические и философские труды служили лишь побочным занятием. *Писательство — побочное дело*, подчер-

*Вид на Вайсенфельс
из замка Нейаугустенбург.
Гравюра на меди, около 1800*

кивает он в письме к Рахели Юст. Вы оцениваете меня, возможно, невысоко по главному делу — практической жизни. Если я добр, полезен, деятелен — полон любви, верности — вы должны простить мне бесполезное, недоброе и резкое слово. Писания незначительных людей не могут причинить вреда — так как они мало кем чита-

ются и о них скоро забывают. Я рассматриваю мое писательство как средство самообразования — я учусь уметь обдумывать и обрабатывать мысли — это все, к чему я стремлюсь. Если к этому добавится одобрение умного друга, то мои ожидания более чем исполнены. По моему мнению, для завершения образования нужно

*пройти ряд ступеней. Домашнему учителю, профессору, ремесленнику, как и писателю, необходимо время для становления. Даже ремеслу лакея нужно учиться — зато профессия актера вызывает много сомнений.*³¹¹ Это удивительное признание, которое к тому же может быть оценено лишь на фоне постоянной борьбы Гарденберга за самопознание и жизненное предназначение. Высокое искусство *стать человеком*³¹² и вести примерную жизнь было его подлинной целью. Это объясняет, впрочем, также и его замечание об актерской профессии: протеевская способность к перевоплощению, которая тут необходима, должна была с особой силой напоминать ему об опасности утраты самого себя, — и трагическое смешение роли и жизни становится затем также особой темой немецкой романтической литературы, как, например, в «Ночных бдениях Бонавентуры» и в образе Рокероля в жанполевском «Титане».

Таким образом, и здесь речь не идет ни о каком раздвоении Гарденберга между профессией и призванием, так как только благодаря интенсивному приобщению к разнообразнейшим сферам реального мира *образы фантазии смогли сохранить масштабы предметов.* Значительнейшие поэтические произведения Новалиса возникали каждый раз в связи с крупными профессиональными начинаниями, и сама его деятельность вблизи родительского дома, доставляя известную независимость в мелочах, одновременно воспринималась им очень серьезно и исполнялась со всевозможной компетентностью. Большое количество докладов, протоколов и других актов, написанных его рукой, свидетельствует об этом. Да и совместная работа с отцом, казалось, шла лучше, чем можно было ожидать, хотя сыну, очевидно, зачастую приходи-

лось сглаживать противоречия внутри состоявшегося из четырех членов директората, особенно вследствие постоянной оппозиции отца *новым предложениям* и имея в виду *его медлительность и осторожность в коммуникациях, решениях и отчетах, его опасливую бдительность в отношении строгого ведения домашнего хозяйства и точности счетов, его аскетическую строгость и недоверие к нижестоящим*³¹³, как пишет Новалис в одном из воспоминаний.

Между тем наступало время новых, решающих для его внутреннего развития встреч. В июле 1799 года в Йене он познакомился с Людвигом Тиком, «Народные сказки» которого, а также роман «Странствия Франца Штернбальда» и «Фантазии об искусстве для друзей искусства» произвели на него глубокое впечатление. Первая же встреча стала основой полного энтузиазма дружеского союза, и простое описание его, как думал Новалис, явилось бы *очаровательным романтическим фрагментом*³¹⁴.

В Веймаре новые друзья посетили Гердера, а двадцать первого июля 1799 года, вместе с Августом Вильгельмом Шлегелем, также и Гёте, который, однако, по-видимому, заметил главным образом одного Тика. Тик сопровождал Гарденберга затем и в родительский дом в Вайсенфельсе, а Гарденберг, со своей стороны, совершил поездку вместе с ним в замок Гибихенштейн на Заале, где жил в своем имени зять Тика, берлинский композитор, капельмейстер и издатель журналов Иоганн Фридрих Рейхардт. Дружеские признания Гарденберга в адрес Тика после этих гармонических летних дней были полны воодушевления: *Знакомство с тобой открывает новую книгу в моей жизни — В тебе я нашел много такого — что я до сих пор по отдельности находил среди моих знакомых —*

Людвиг Тик. Около 1799

Подобно тому как моя Юлия представляется мне обладательницей всего самого лучшего, так и ты, как мне кажется, соприкасаешься и находишься в родстве со всем лучшим в момент его цветения. Ты произвел на меня глубоко чарующее впечатление — Еще никто не захватывал меня так тихо и, однако, так полно, как ты. Я полностью улавливаю смысл каждого твоего слова. Не чувствую нигде никакой, даже отдаленной, помехи. Ничто человеческое тебе не чуждо — ты во всем принимаешь участие — и распространяешь себя, как легкий аромат, равно над всеми предметами, и охотнее всего паришь над цветами.³¹⁵ Так новая дружба укрепила внутреннее равновесие, которое Новалис ощутил в себе в полдень своей жизни и которое теперь позволило в нем вновь сказаться поэту, ибо, по свидетельству Тика, он тогда уже сочинил, вероятно, некоторые из своих духовных песен. Тогда же он читал своему новому другу *Учеников в Саусе* и некоторые фрагменты³¹⁶.

К этому добавилось существенное для религиозного мировоззрения Гарденберга впечатление. Осенью 1799 года появилось сочинение Фридриха Даниэля Эрнста Шлейермахера «О религии. Речи к образованным людям среди ее презирающих». Правда, Новалис не знал автора лично, но Фридрих Шлегель уже *Цветочную пыльцу* пересыпал некоторыми фрагментами берлинского проповедника, а упоминания в письмах должны были вызвать его особый интерес к этому сочинению. В середине сентября он через посыльного заказал себе эту книгу, которая тогда еще не поступила в продажу, у берлинского издателя Унгера и немедленно изучил ее. Шлегель, который видел Гарденберга в это время, сообщал Шлейермахеру, что тот «совершенно захвачен ею, воодушевлен

Фридрих Шлейермахер. Гравюра Генриха Липса, около 1799

и восхищен» и хотел бы сам что-нибудь написать об этой книге, а также сочинить «Статью о католицизме».³¹⁷ Что особенно должно было привлечь Новалиса в идеях Шлейермахера, так это представление последнего о религии как об инстанции, которая видит «в людях, как и во всем отдельном и конечном, бесконечное», должна «стать отпечатком и отображением» этого бесконечного³¹⁸ и основывается на чувстве сопричастности более высокому миру, на чувстве, ускользающем от всякой драматиче-

ской определенности. Но как раз это соответствовало тому, что Новалис и сам познал на своем *собственном пути к истокам*: а именно — что *учение христианской религии было символическим проектом всеобщей мировой религии, способной принять любой образ — чистейшим образцом религии как исторического явления вообще.*³¹⁹ В *Офтердингене* позднее встречаем: *Что такое религия, как не бесконечное понимание, как не вечное объединение любящих сердец?*³²⁰

Гарденберг отнюдь не был неkritичен по отношению к Шлейермахеру, ибо многое в толковании последним ре-

Шлебен близ Йены. Акварель М. фон Гарденберга

лигии должно было показаться ему слишком абстрактным и слишком мало проникнутым личностной жизнью. Однако только поглощенность Новалиса речами теолога делает понятным, почему в последующие месяцы христианство и религия вообще оказываются в центре его раздумий. Извлекая многообразные мысли из разных набросков, он развивал их дальше, и недели, последовавшие за чтением работы Шлейермахера, увенчались рождением статьи *Христианство или Европа*, сочинением некоторых новых духовных песен, а также возникновением, накануне Нового года, *Гимнов к ночи*.

К стимулам, исходившим от сочинения Шлейермахе-

*Доротея Фейт.
Анонимный
карандашный
рисунок, 1798*

ра, добавилось для Новалиса, впрочем, еще одно событие, которое сообщило его поэтической склонности решающий импульс. Это была «встреча романтиков» в начале ноября 1799 года в Йене, воистину ставшая кульминацией раннего романтического движения в его первой стадии. Десятого ноября Новалис присутствовал на свадьбе своей сестры Каролины с Фридрихом фон Рейхенбергом в наследственном имении Шлебен; на другой день он прибыл в Йену, сопровождаемый братом Карлом. Фридрих Шлегель был там с начала сентября. Собрание его фрагментов «Идеи» Гарденберг только что прокомментировал, в заключение ответив на шлегелевское признание в дружбе «К Новалису» («Ты не колеблешься на границе

поэзии и философии, но духом своим проникаешь ту и другую. Что ты думал, думаю и я; что я думал, будешь думать ты, либо уже подумал»): *Ты будешь Павлом новой религии, которая начинается повсюду — одним из первенцев новой эры — религиозной. С этой религии начинается новая мировая история... Великолепное чувство овладевает мною при мысли, что ты мой друг и что эти проникновенные слова обращены ко мне.*³²¹

Спутница жизни Шлегеля Доротея Фейт последовала за ним из Берлина. В Йене в качестве профессора жил также Август Вильгельм Шлегель; его жена Каролина, впрочем, чувствовала уже склонность к юному двадцатитрехлетнему Шеллингу, за год до того получившему там место экстраординарного профессора и позднее женившемуся на этой женщине, которая была старше его на двенадцать лет. «Шеллинг? — спрашивает Доротея в письме к Шлейермахеру. — Я знаю о нем еще не много, говорит он мало; но его внешность такова, как и ожидаешь, — сильная, упрямая, грубоватая и благородная. Он, собственно, должен был бы быть французским генералом...»³²² Приехали в Йену и Тик с женой, уже после того как они во время поездки посетили Гарденбергов в Вайсенфельсе.

В этот кружок вошел, наконец, и молодой физик Иоганн Вильгельм Риттер, который, будучи в основном самоучкой, жил в Йене в весьма стесненных обстоятельствах. Новалис встретил его здесь в первый раз. Он прочитал его книгу о гальванизме и писал Каролине Шлегель об авторе: *Риттер — рыцарь*, а мы только оруженосцы. Сам Баадер — только его поэт.*³²³ Во введении к

---

* Игра слов: «Риттер» по-немецки — «рыцарь».

*Иоганн Вильгельм Риттер.
Миниатюра неизвестного автора*

своим «Фрагментам из наследия молодого физика» Риттер расскажет потом в третьем лице об этой первой встрече: «Часто он потом с заметным волнением вспоминал о первом визите к нему Н о в а л и с а. Он жил тогда в большой уединенности на боковой улочке в бедно обставленной комнате, которую порой не покидал по четыре не-

дели краю: в основном потому, что не знал, зачем и для чего это нужно... Но несмотря на такое одиночество и несмотря на то, что наш друг, разумеется, не предполагал, чтобы кто-нибудь мог найти причину проявить к нему интерес, случилось, что однажды в его комнату вошел человек, который внешне мог бы показаться весьма незначительным, но едва он начинал говорить, как казался всякому старым знакомцем, который все знает и с которым не нужны никакие церемонии... Но в а л и с и наш друг вмиг поняли друг друга; поначалу не было ничего знаменательного в их встрече; Риттеру показалось, что он вдруг заговорил сам с собою». ³²⁴ Но в а л и с в свою очередь, называл Риттера *по духу и сердцу превосходнейшим человеком в мире*³²⁵ и позднее, памятуя о его стесненном материальном положении, оказывал ему финансовую поддержку. То обстоятельство, что Риттер с помощью своих гальванических электрических экспериментов искал *собственную мировую душу природы* и одновременно *хотел сделать постижимыми все внешние процессы как символы и последние результаты внутренних процессов*³²⁶, должно было сблизить обоих. Гальванизм сделался поэтому также одной из значительных тем для оживленной дискуссии тех дней, ведь в этом феномене химические и электрические явления сочетались в единство, в котором, в конечном счете, хотели видеть посредствующий элемент между телом и душой.

Две другие большие темы составляли религия и поэзия. «Гарденберг здесь на несколько дней, — пишет Доротея Шлейермахеру. — Вы должны его увидеть; ибо даже если вы прочитаете тридцать его книг, вы его не поймете так хорошо, как если один раз попьете с ним чаю. Я говорю о чисто внешнем, у меня до разговора с ним

дело не дошло, но я думаю, он сам уклонился; он настолько поглощен Тиком, что ни для чего другого не находит места. Наконец, и он меня еще не покорил. Он выглядит, однако, как духовидец и весьма своеобразен, этого не приходится отрицать. Христианство здесь à l'ordre du jour*; но эти господа несколько увлекаются. Тик трактует религию, как Шиллер судьбу; Гарденберг думает, что Тик полностью придерживается его мнения; я же готова поспорить, что они не понимают ни себя, ни друг друга». ³²⁷ И Фридрих Шлегель сообщает Шлейермахеру: «Ты легко можешь представить, что получается, когда пытаются соединить двух таких извергающих огонь и воду людей, как Гарденберг и Тик. На первого ты (ты твоих речей) произвел невероятное впечатление. Он прочитал нам статью о художестве и отдал ее для «Атенеума». Ты получишь ее следующей почтой сам, и потому я ничего не буду о ней говорить; я думаю, однако, что ты то и дело будешь удивляться его удивлению. Он читал нам и христианские песни; они — самое божественное из того, что он когда-либо делал. Их поэзия не имеет равных, ее можно сравнить разве что с самыми проникновенными и глубокими из ранних стихотворений Гёте. Я велю их для тебя переписать и пришлю... Ирония состоит в том, что Тик, которому не сочинить подобных песен, даже если он срубит миллионы внутренних деревьев, именно такие песни и хотел бы писать; затем они добавят немного проповеди и велят напечатать, а Гарденберг намерен всё вместе надписать для тебя». ³²⁸

Сам Тик описывал Новалиса так: «Его речь была оживленной и громкой, жесты широкими, я никогда не

---

* На повестке дня (фр.).

видел его уставшим; даже если наша беседа затягивалась далеко за полночь, он прерывал ее лишь произвольно, чтобы отдохнуть, и потом еще, прежде чем заснуть, читал вслух. Скуки он не ведал даже в самом заурядном обществе, среди посредственностей, потому что он, разумеется, находил какого-нибудь человека, который сообщал ему новые сведения, полезные при всей их ограниченности. Его дружелюбие, открытость, общительность приводят к тому, что все его любят, а виртуозность в обхождении с людьми так велика, что посредственности и не догадываются, насколько он их превосходит». ³²⁹

То, с чем Новалис выступал перед кружком восторженно-критичных друзей, были некоторые из его духовных песен, которые он сочинил в течение прошедших месяцев и в особенности после чтения речей Шлейермахера «О религии», а также его «статья о христианстве» *Христианство или Европа*, содержащая поэтическую апологию христианства в *истинно католические времена*³³⁰ и одновременно провозглашавшая надежду на новое папство и на религию как гаранта мира, так что Шеллинг, не сходя с места, прибавил к своему шутивому «Эпикурейскому исповеданию веры Хайнца Видерпорстена»:

*А потому религия нужна нам
(Хотя могу прожить и без нее),
От прочих всех отличная такая,
А значит католическая, та,
Какою в старину она была
И прежде все раздоры примиряла,
Когда все жили как с вареньем пироги,
Не помышляли о чужих краях опасных,
Не плялились на небо понапрасну,*

*Как обезьяны Бога, простодушны,
Считали землю центром мирозданья,
Земли же центром объявили Рим.
В нем восседает сам Петра наместник
И скиптром управляет всей землей.
Купались люди темные с попами
В молочных реках средь кисельных берегов.³³¹*

До опубликования обоих противоположных сочинений — Гарденберга и Шеллинга — дело, впрочем, не дошло. Решение в дружеском кругу принято не было, и согласились наконец призвать арбитра. Ибо в то время как молодые головы были взбудоражены гальванизмом, религией и поэзией, всего несколькими домами дальше в гостях у Шиллера находился Гёте. Однако, как писала Доротея, «к Шиллеру просто так не заявишься; итак, я побываю в Риме, не поцеловав туфлю папе»³³². Тем не менее она все же встретила «папу»: «Слушайте же! Вчера в обед я была вместе со Шлегелями, Каролиной, Шеллингом, Гарденбергом и его братом, лейтенантом Гарденбергом, в Парадизе (так называется здесь променад), и кто же спустился к нам сверху? Не кто другой, как его старое божественное превосходительство, Гёте собственной персоной. Он видит большое общество и несколько теряется, мы делаем удачный маневр, половина общества отстает, а Шлегели вместе со мной идут прямо ему навстречу. Вильгельм ведет меня. Фридрих и лейтенант следуют за нами. Вильгельм представляет меня, Гёте делает мне отличный комплимент, разворачивается форменным образом вместе с нами и идет снова назад и еще раз вверх вместе с нами и ведет себя дружески и любезно и непринужденно и внимательно по отношению к вашей покорной слуге... Я все смотрела на него и думала о всех его

стихотворениях; больше всего он похож сейчас на Вильгельма Мейстера. Вы бы умерли со смеху, если бы могли видеть, каково было мне идти между Гёте и Шлегелем». ³³³

И к его превосходительству в конце концов обратились с просьбой быть судьей в споре о «христианстве». Гёте дал совет то и другое, то есть исповедание веры и опровержение, оставить в «хламе ненапечатанного», как выразился Фридрих Шлегель ³³⁴, и совет был принят. Гёте мог исходить из соображений дипломатического и государственного порядка, потому что официальный и интеллектуальный Саксен-Веймар был тогда как раз взбудоражен спором об атеизме в связи с Фихте. К тому же это касалось и самого Гёте. Он был занят завершением своей обработки вольтеровского «Магомета», в котором подвергался осуждению квазирелигиозный фанатизм. И, наконец, уже чтение речей Шлейермахера закончилось для него «веселым и радостным отрицанием». ³³⁵

Август Вильгельм Шлегель хвалил основательность и отеческую манеру, каковые проявил Гёте, будучи посредником в этом деле. По словам Шлегеля, совет Гёте заслуживал всяческого уважения, «в особенности потому, что он имеет большой опыт в этой области, к которой, по его словам, он, милостью божией, уже лет тридцать находится в оппозиции» ³³⁶.

Пятнадцатого ноября Новалис и Тик отправились с кратким визитом в Веймар, где они встретили Жан-Поля. После этого автора *Христианства* опять ожидала прозаическая деятельность на соляном производстве в Кезене, Дюрренберге и Артерне. Здесь и в эти именно дни Новалис начал также работу над своим *Генрихом фон Офтердингеном*.

Поэтическое христианство

Статья *Христианство или Европа* появилась только спустя двадцать лет после смерти Новалиса, в то время, когда раннеромантический энтузиазм уже давно отзвучал и почти не были понятны многочисленные настроения того периода, которыми намеревался руководить автор статьи. Таким образом, работа была воспринята и сейчас воспринимается как род политического манифеста Священного союза, о котором в 1799 году в действительности еще не могло быть и речи. Во всяком случае, и среди ближайших друзей Новалиса статью поняли лишь немногие, и то — лишь до известной степени. Трудности, здесь возникавшие, напоминали те, что явились камнем преткновения в случае с *Верой и любовью*. Ибо в *Христианстве* он пользовался в основном *языком тропов и загадок*, который сначала — чтобы в качестве *посвященного* постичь подлинный смысл — нужно было расшифровать. Такое понимание, однако, было затруднено тем, что мысли здесь облачены в одежды реальных исторических событий. Впрочем, в намерения Новалиса не входило создание какого-то исторического фрагмента. Он предполагал развернуть перед читателем триединый процесс человеческого самосознания, как в абстрактно-философском ключе говорит о нем Фихте и как он сам постиг его на своем собственном опыте. Такой процесс должен был охватывать все человечество, и последнее следовало доказать на исторических примерах.

Структура статьи в высшей степени проста. Для правильного понимания — прямо-таки опасно проста. *Это были прекрасные, блистательные времена, когда*

*Европа была христианской страной, когда одни христиане населяли эту христианскую часть мира. Один великий общий интерес соединял отдаленнейшие духовные провинции этого обширного духовного царства. Один не имеющий соперников властитель объединял великие мировые владения и управлял ими. Эта прекрасная, детски веселая гармония исчезла, священный смысл связи конечного и вечного был утрачен, так как человечество еще не созрело для этого прекрасного царства, оно не было достаточно подготовлено для него³³⁷. Со времен средневековья начался процесс постепенного распада этого первоначального единства. Вера и любовь были отвергнуты, и на их место пришла другая «религия»: *знать и иметь*.³³⁸ Умаление духовности, подъем протестантизма и, наконец, триумф идей Просвещения, когда мир превращается в *настоящий перпетуум мобиле, самое себя мельющую мельницу*³³⁹, — вот ступени такого распада. И финал его — кровавое господство Французской революции. Но истинная анархия является созидательным элементом религии. Из гибели всего положительного она поднимает свою увенчанную славой главу в качестве новой зиждительницы мира.³⁴⁰ Новый Иерусалим, новый золотой, священный век, священное время вечного мира, новая, более долговременная церковь³⁴¹ приблизятся, когда люди одумаются, когда они поймут то, что понял сам автор: *Все ваши опоры слишком слабы, если ваше государство сохраняет приверженность земному. Но если силой высокого томления соединить его с небесными высотами, если связать его со всей вселенной, тогда вы найдете в нем безотказную пружину и ваши усилия будут щедро вознаграждены. Я отсылаю вас к истории, исследуйте ее поучительные**

*сцепления, найдите сходные исторические моменты и воспользуйтесь волшебным жезлом аналогий.*³⁴²

Этим волшебным жезлом аналогий Новалис здесь коснулся истории, как прежде, в своем проекте энциклопедии, — естественных наук. И история, благодаря такому магическому прикосновению, должна была открыть за любыми отдельными явлениями великие законы. Для Новалиса, таким образом, речь шла о том, чтобы наглядно продемонстрировать: не с помощью политических действий, но только силой осознавшего свое высокое происхождение духа можно повлиять на обновление мира. Тысячелетнее царство должно начаться *с завершением воспитания в духе разума*, записал он уже несколько лет назад в своих конспектах по Фихте. Теперь, когда границы его собственного трансцендентального опыта раздвинулись, а понятие религии благодаря знакомству с речами Шлейермахера обрело более широкий спектр значений, конкретизировалась его надежда на обновление мира с помощью веры, в особенности христианской.

Не следует упускать из виду, что именно в эти годы в Европе существовала вполне реальная потребность в мире. Вторая война коалиции против Франции началась в 1799 году. Наполеон, возвращаясь из Египта, высадился девятого октября 1799 года у Фрежюса и 9 ноября, восемнадцатого брюмера, сверг правительство Директории. Папа, изгнанный из Рима, умер двадцать девятого августа 1799 года в заключении во Франции, а новый еще не был избран, как того требовали французы. Таким образом, призыв Новалиса к учреждению *новой, долговечной церкви*, поскольку *старое папство лежит в гробу*³⁴³, имел скорее весьма злободневный смысл объединения христианских церквей, а не восстановления конфессии-

нального или тем более средневекового католицизма. Кроме того, Новалис мог сослаться на Канта и Шлейермахера, которые требовали создания «объединяющей навечно всех людей церкви»³⁴⁴, универсальной «истинной церкви»³⁴⁵. Вообще казалось — и здесь Новалис возвращается к своим прежним идеям, — что Германия в этом отношении опередила другие нации. Идеал «вечного мира» Кант выдвинул уже в 1795 году, после Базельского мира. Программное сочинение Лессинга «Воспитание человеческого рода», относящееся к 1780 году, с его надеждой на «время нового вечного Евангелия», Новалис цитирует в конце своей статьи даже буквально. Он намекает также на Гёте, поэта-естествоиспытателя, а под конец и на Шлейермахера, *брата*, образ которого символизирует *биение сердца нового времени* и который своим новым всеохватным толкованием религии *создал новое покрывало для святыни*³⁴⁶. Актуальностью обладали и другие высказывания Новалиса, впрочем, не утратившие своего значения и сейчас (разве что намного расширилось поле их применения). Вот одно из них: *Кровь будет потоками литься в Европе, пока приверженные своему ужасному безумию, которое гонит их по кругу, нации, усмиренные прикосновениями священной музыки, не придут в пестром смешении к прежним алтарям и не станут праздновать пир примирения и любви как праздник мира — на специально выбранных площадях и обливаясь горячими слезами.*³⁴⁷

Несмотря ни на что, однако, недоразумение было неизбежно. Новалис хотел показать, что возможность гуманистической регенерации всегда присутствует в истории. *То, что не будет закончено сейчас, достигнет завершения при последующих опытах.*³⁴⁸ Но опасность выбрать

для демонстрации неподходящий пример была здесь еще большей, нежели в его сочинении о прусском короле и королеве. Ибо реальные исторические функции отдельных событий и фигур все же заметно расходились с теми, кои приписывал им Новалис в своих поэтически-поучительных очерках *более высокого* движения истории. Это касается и оценки им протестантизма, как и ордена иезуитов, в котором он чувствовал *органическое стремление к бесконечному расширению и вечному существованию*³⁴⁹, то есть в основе своей прообраз того духовного *рыцарского ордена и ложи космополитов*, которые он сам мечтал основать; и это касается, естественно, также его оценки Просвещения и Французской революции. Как сказано, для него речь шла не о том, чтобы написать историческое сочинение, но о том, чтобы использовать исторические события как камни мозаики, из которых он хотел бы составить свою собственную картину рождения вечного мира из силы духа и веры, но он должен был тем самым взять на себя риск вызвать смятение и даже быть непонятым. И наконец, каждому, кому не были известны вся его жизненная история и внутреннее развитие, а также его мысли о посредничестве, многие суждения Новалиса должны были казаться безответственным пустым мистицизмом, например, как в случае, когда он, говоря о гении нового великого времени примирения и о том, чем он будет для верующих среди других бесчисленных образов, уподобляет его присутствию хлебу и вину, насыщающим нас, объятию любимого человека, воздуху, коим дышат, слову и песне, коим внимают, смерти, которой открываются с небесным вожделием посреди высших страданий любви в глубине бушующего тела³⁵⁰. Но при всех оговорках одного нельзя не заметить: о возврате в

прошлое у Новалиса никогда и нигде речь не заходит. Уже в одном из фрагментов *Цветочной пыльцы* сказано: *Ничто не является более поэтичным, чем воспоминание и предчувствие или предвидение будущего. Представления о далеком прошлом влекут нас к смерти, к исчезновению. Представления о будущем побуждают нас к жизни, к воплощению, к ассимилирующей продуктивности. Поэтому все воспоминания печальны, все предчувствия радостны.*³⁵¹ Жизнь — только мгновение между двумя полюсами, и только символ, если напряжение между ними было осознанным и стимулировало развитие способности к росту, к превращению в гармоническое, поэтическое, миролюбивое единство. Насколько Новалис был настроен на практическую, направленную на будущее продуктивность, показывают и его дальнейшие планы: так как статья не могла появиться в «Атенеуме», он хотел отпечатать ее вместе с другими «публичными речами», например, *К Бонапарту, К князьям, К народу Европы, За поэзию, Против старой морали, К новому столетию*³⁵².

С пониманием его *духовных песен* Новалису было легче, так как здесь он мог представить в гораздо более личной и непосредственной поэтической форме то, что в *Христианстве или Европе* хотел изобразить в виде исторических примеров. Если в *Христианстве* он пытался создать собственную историческую мифологию, то здесь он ограничился доступной всякому мифологией христианства.

Духовные песни были созданы не в виде законченного цикла, как они представлены в большинстве изданий. То, что Новалис читал в Йене, были, в лучшем случае, первые шесть (*Что бы я был без тебя, Далеко на востоке*

светлеет, Кто один сидит в своей каморке, Среди тысячи радостных часов, Если б я только имел и Когда все изменяют) и еще, может быть, две или три иные, в то время как остальные возникли в другое время и по другим поводам, частью даже как ролевая лирика для романа *Генрих фон Офтердинген*. Сам Новалис вовсе не компоновал песни в том виде, в каком они по большей части публикуются сейчас.

Совершенно вне связи с особым религиозным воодушевлением раннеромантического кружка сочинение духовных песен было тогда само собой понятным и более распространенным поэтическим занятием, чем в позднейшие времена. Достаточно напомнить о религиозной поэзии Геллerta, Клопштока, Клаудиуса и Лафатера*. К тому же времени относятся различные попытки реформировать и преобразовать протестантские книги псалмов. Лишь на Рождество 1796 года была упразднена в Лейпциге старая, напичканная многочисленными безвкусными гимнами книга псалмов начала века, и по княжескому приказанию была назначена комиссия для обновления книг псалмов. Таким образом, план Новалиса в связи с *новой духовной книгой псалмов* соответствовал всеобщей тенденции времени, и в особенности непосредственно в его отечестве, и вскоре его песни нашли путь во многие лютеранские сборники. Стихотворения

---

* Геллерт, Христиан Фюрхтегот (1715—1769) получил известность как автор «Духовных од и песен», сочинял также басни, комедии; автор одного из первых немецких сентиментальных романов «Шведская графиня фон Г.» (1746). Клаудиус, Матиас (1740—1815) — лирик и публицист эпохи «Бури и натиска» и «классики»; его творчество характеризовалось чертами народности, демократически окрашенной религиозности, позднее — мистицизмом. Лафатер, Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель и лирик религиозного направления, более известный своими «Физиогномическими фрагментами».

этого жанра должны были, во всяком случае в соответствии с его представлением, носить особый характер. В песнях Лафатера, к примеру, он находил еще слишком много земного: *Песни должны быть намного живее, искреннее, обобщеннее и мистичнее.*³⁵³ По своей сути духовные песни Новалиса являются поэтому не чем иным, как свободным отображением его внутренних личных убеждений о существовании более высокого трансцендентного мира, само знание о котором может быть для человечества умиротворяющим и целящим. Это, впрочем, не означает, что Новалис не чувствовал себя христианином, но догматике какой-либо христианской конфессии эти песни отвечали так же мало, как мало *Христианство или Европа* отвечало специфике учебников по истории. Пропуски или изменения в принадлежащих Новалису духовных гимнах в отдельных книгах псалмов подтверждают недоверие церкви к свободной романтической религиозности, которая здесь отразилась.

Все песни могут быть разделены на две группы: на те, которые показывают пробуждение поэта к осознанию более высокого мира, и на такие, цель которых миссионерски-апостольское объединение общины. Призывы вроде:

*О! Выйдите на все пути,
Сюда ведите тех, кто слеп,*³⁵⁴

или:

*Тебя, меня, обоих нас утешит существо,
Что искренне любило нас, страдало и ушло;
За тех, что больше всех ему страданий принесли,
С тем большей радостью оно на смерть свою пошло*³⁵⁵ —

характеризуют миссионерский дух. Типичной для песен, в которых преобладает мотив личного пробуждения, является следующая:

*Средь тысяч радостных часов,
Что в мире я провел,
Один лишь час был верен мне.
В тот час я сердцем вял,
Пройдя чрез бездну мук,
Кто принял смерть за нас.*

*Разбит на части был мой мир,
Червь источил мне грудь,
Увяло сердце, что цвело,
Все, чем я был богат,
Чего желал,— все в гробе спит,
Для мук я только здесь.*

*Страдал я так в молчанье,
Лил слезы, прочь стремился
От ужаса и бреда,
Как вдруг рукою свыше
Подъят могильный камень —
Открылася душа.*

*Кто, не спрашивай, был мною
Узнан по руке чудесной.
Вечно будет пред глазами.
И из всех часов, что прожил,
Этот, как отверсты раны,
Вечно будет мне открыт.³⁵⁶*

Ясно, что здесь звучит биографическое, что подразумеваются *Христос и София*. Лишь благодаря персональному опыту, сделавшему для Гарденберга реальным тот факт, что уже умершие продолжают существовать,

подтвердилась его философская интуиция относительно того, что все любимое навсегда остается с нами. Могильный камень, однако, прикрывал внутреннее: могила находилась в самом человеке. Таким образом, Новалис вновь говорит здесь *на языке тропов и загадок*, как, например, в одной, быть может, самой известной духовной песне:

*Если б я имел его
Мир бы весь был мой
Блажен, как божий сын
Что девы держит плат
В созерцанье погружен
Не страшен мир земной.*³⁵⁷

Здесь наряду с образом Христа одновременно отчетливо возникает перед глазами образ «Сикстинской мадонны», и материнское и девственное сплетаются в манифестацию любви вообще.

Подобная образность, не просто отсылающая к биографическому, но ставящая внутреннее и внешнее в новые речевые отношения, препятствует в особенности пониманию единственного самодовлеющего поэтического произведения Новалиса — *Гимнов к ночи*. Было бы несправедливо, если бы в них стали искать биографическую и историческую реальность и ее преобразование с помощью поэтических символов. Скорее Новалис нашел здесь язык, который, напротив, в своих образах, знаках и понятиях становится посредником между *бесконечным и конечным*. Правда, в образном языке *Гимнов* смешиваются сферы религиозного и эротического, исторического и биографического, и многое в таком смешении уже предвещалось прежде, особенно в хорошо знакомом Новалису эзотерическом словарном запасе пиетизма, но ему уда-

лось преобразить все разрозненные компоненты в собственное, единственное в своем роде и чудесное поэтическое единство.

Гимны к ночи были написаны под новый, 1800 год на четырех больших листах folio. Можно предположить, что этой рукописи предшествовали другие редакции, но однозначные доказательства пока что отсутствуют. В печати они появились еще при жизни Новалиса в шестом, и последнем, номере «Атенеума» в августе 1800 года. Первая редакция, впрочем, имела целый ряд в основном небольших поправок, и переход в свободный стих был при печатании повсеместно устранен. Согласно воле Новалиса произведение должно было носить заглавие «К ночи». *Скажи Фридриху*, писал он 23 февраля 1800 года Людвигу Тику, что было бы лучше, если бы он убрал слово «гимны». ³⁵⁸

Из всех произведений Гарденберга *Гимны к ночи* — наиболее интимное, так как в них буквально названо видение при гробе Софии, о котором он оставил свидетельство в своем дневнике от 13 мая 1797 года. *Гимны*, однако, были сочинены в тот момент, когда женитьба на Юлии фон Шарпантье казалась делом почти решенным и Гарденберг как раз получил назначение на пост ассессора соляного производства, что обещало ему финансовые возможности для создания семьи. Во время работы над поэтическим произведением он послал одновременно целый ряд благодарственных писем членам саксонского правительства и придворным чинам.

Кажущееся противоречие разъяснится, если *Гимны к ночи* рассматривать не как «переживание», но как поэтическую сумму внутреннего развития поэта вплоть до встречи романтиков в Йене. *Гимны* начинаются не с жа-

лобы, а с похвалы Свету, который один открывает *чудеса земного мира*. Свет почитался до сих пор в качестве бесспорного *царя земной природы*³⁵⁹. Его противоположность, ночь, была, однако, только отсутствием света, темнотой. Но когда поэту, пораженному болью разлуки и смерти, ночь приносит пророческое видение утраченной возлюбленной, он осознает самодостаточную красоту и власть этого сокровенного царства: *Слава царице мира, высокой провозвестнице священных миров, покровительнице блаженной любви*.³⁶⁰ Свет обнаруживает красоты земного мира, освещая и позволяя различать, в то же время он разделяет; ночь окутывает предметный мир и устраняет все границы. Это диалектическая игра «против и вместе», которая опирается на синтез и воссоединение, подобно тому как король и королева лишь вместе являются символом гармонии. Перед лицом Господа воссияет когда-нибудь высший свет:

*Дана любви свобода,
И больше нет препон.
Бушует жизни море,
Безбрежный океан.
Лишь ночь одна блаженства —
Поэма без конца —
Нам всем сияет солнце —
Явление Творца.*³⁶¹

Это основная мысль замечательного поэтического творения, которое, таким образом, не столь односторонне направлено на ночное и темное, как это кажется при поверхностном рассмотрении.

В нем Новалис, вводя два параллельных повествовательных потока, описывает свое личное пробуждение к

пониманию такого высокого синтеза и — опять же символически — возможный процесс пробуждения всего человечества. В этой связи в *Гимнах* еще раз будет использовано одно место из дневника от 13 мая 1797 года, хотя и с некоторыми изменениями: *Тут явился из голубых далей, с вершин моего прежнего блаженства, сумеречный ужас — и разом разрешил связь рождения, путы света. Туда понеслось земное великолепие и моя печаль вместе с ним — и одновременно полилась тоска в новый, неведомый мир — ты, ночное очарование, небесный ужас, проходишь сквозь меня — вся окружность вздымается ввысь; над нею парит мой освобожденный новорожденный дух. Пыльным облаком становится холм — сквозь облако вижу я преображенные черты возлюбленной. В ее глазах лежит вечность — я беру ее руки в свои, и слезы становятся сверкающими неразрывными узлами. Тысячелетия тянутся в даль, словно тучи. В их горле выплакиваю я восторженные слезы новой жизни.*³⁶² Пуповина, которая прочно привязывала его к господствующему над земным миром свету, разорвана, и новорождение делает его отныне гражданином двух миров. Через посредство мертвой возлюбленной ему становится внятными существование трансцендентального универсума, но одновременно он понимает также и то, что уже здесь может принадлежать ему. Такое понимание равнозначно поручению от *матери*, ночи, *освятить* этот земной мир с *помощью любви*³⁶³. И как бы сильно ни был он привержен миру иному, более высокому, все же его желание *усердно рук касаться, быть повсюду*³⁶⁴, где свет, царь дня, имеет в нем нужду, остается неизменным. Таким образом, собственная жизненная проблематика Новалиса находит здесь поэтическое воплощение и тем самым разрешение.

Великий неотменимый факт смерти не противопоставляется жизни; с помощью его правильного понимания человек лишь становится более способным к *новой жизни*, существованию, достойному его собственной духовной сущности.

Такие раздумья над феноменом смерти имеют также и историческое значение. Ибо посредством них может проясниться смысл христианской заповеди о «небесном отечестве», для понимания которой необходим соответствующий внутренний опыт. Здесь, однако, существует опасность впасть в солипсизм, следствием чего может стать ощущение себя посторонним миру и Богу. И именно жертвами богооставленности станут потом другие романтики, часть из которых сможет преодолеть это состояние лишь с помощью нового союза с церковью... Но, с другой стороны, через соприкосновение с опытом смерти было расширено представление о глубинах человеческой души.

Тогда как в первых четырех гимнах говорится о пробуждении поэта, в пятом гимне речь идет уже о пробуждении всеобщем. Если для поэта посредницей в постижении более высокого существования была возлюбленная, то Христос исполняет подобную роль для всего человечества. Чтобы представить это, Новалис использует, как в *Христианстве или Европе*, картины истории. Мы можем обнаружить намеки на античность и иудейство, Ренессанс и Просвещение, но то, что Новалис делает зримым с помощью исторических зарисовок, является в основе своей внутренним процессом, ступенями которого человечество в состоянии пройти в любое время. Разумеется, подобный процесс в отдельном человеке необходимым образом совершается во времени, но в целом золотой

век всегда с нами, лишь бы только мы захотели протянуть руку, лишь бы только пожелали его наступления всеми силами души.

Итак, вот то, о чем Новалис хотел поведать своей поэзией и для чего он выбрал поэтический образ преодоления смерти. В этом смысле следует понимать и последний гимн из числа «Гимнов к ночи», который носит название *Томление по смерти* и соединяет в одно обе сферы: сферу индивидуального поэтического проживания жизни и сферу, относящуюся к истории человечества:

*Спускайся к сладостной невесте,
К Иисусу вселюбимому.
Свет сумерек вечерних шлет
Усладу бедным, любящим.
Сон разорвет оковы прочь,
В объятья примет нас Господь.³⁶⁵*

Было бы несправедливым по отношению к этим строкам навязывать буквальный смысл каждому слову. Смерть, о которой здесь говорится, не является пресечением физического существования, но мистическим переходом в более высокое. К Иисусу, невесте, небесам, наконец, к самому Господу поэт *спускается*, нисходя в глубины собственного «Я», откуда он должен вновь подняться, как Орфей, чтобы сообщить другим о том *вечном стихотворении*, которое раскрылось для него *перед лицом Бога*. И подобное понимание всемирной миссии поэта повело затем Фридриха фон Гарденберга к образу Генриха фон Офтердингена.

Генрих фон Офтердинген

Из Артерна, расположенного у края Золотой долины и поблизости от Кифхойзера, Фридрих фон Гарденберг сообщал финансовому советнику фон Оппелю в начале декабря 1799 года о своей работе по разведке «земельных углей». То, что он ему не написал об этом раньше, Гарденберг извиняет *разными небольшими поездками и заботами*³⁶⁶. В действительности как раз в эти дни и в этих самых местах он начал свою работу над *Генрихом фон Офтердингеном*. При этом ему оказалась полезной библиотека Карла Вильгельма Фердинанда фон Функа, биографа императора Фридриха II, поскольку легендарный певец принадлежал к миру этого последнего великого германского князя средневековья. Но означало ли это реабилитацию средневековья, как то можно было вычитать уже из статьи *Христианство или Европа?* Вряд ли. Местный колорит романа Новалис крайне беден, и сюжет атрибутируется тринадцатым столетием лишь благодаря нескольким именам и упоминанию о крестовых походах. И о чудесном единстве средневекового христианства речь не идет, а крестоносцы предстают, скорее, как несколько подозрительные рубаки.

В действительности Новалис имел иную цель, нежели создать исторический рассказ или вызвать ностальгию по прошедшим временам. Уже давно вынашивал он мысль написать роман. Гётевский «Вильгельм Мейстер» дал необходимый толчок, Тик и Шлегель незадолго до этого явились общественности с «Штернбальдом» и «Люциндой», и хотя его собственные *Ученики в Саусе* не двинулись дальше, он чувствовал, что только роман может быть подходящей формой для выражения того, что его

Соляное производство в Артерне. Гравюра, 1829

волновало. Потому что роман как таковой не содержит какого-либо определенного результата — он не является образом и осуществлением некоего тезиса. Он является наглядной реализацией некоей идеи. Но идея не может быть схвачена в одном тезисе. Идея есть бесконечный ряд тезисов.³⁶⁷ Эта мысль, записанная в 1798 году, объясняет не только особый интерес Новалиса к роману, но также показывает, каковыми — в свернутом виде — были его представления о том, чем должен быть роман. Подлежащая воплощению идея уже созрела в его голове: она была связана с его жадной пронизать «я» и «мир» сознанием существования бесконечного царства любви, мира и согласия. Роль миссионера

при этом падала на жреца-поэта, а именно на романтического поэта. Ни одна форма не могла быть более естественной для осуществления такой поэтической задачи, нежели именно роман, который, согласно теоретическим выкладкам Новалиса и Фридриха Шлегеля, должен был заключать в себе эпические, драматические и лирические элементы, тем самым оказываясь наиболее подходящим инструментом для воплощения «прогрессивной универсальной поэзии». Ибо об изображении универсального, о реализации бесконечного, а не об идеализации конечного шла, собственно, речь у Новалиса: его роман должен был вместить *годы перехода от бесконечного к единичному*, как он уже раньше написал Каролине Шлегель.

Но, чтобы сделать и поэтически очевидной всемирную миссию поэзии, необходим был «мир». Ни раздробленная на множество отдельных государств Германия, ни пришедшая благодаря войне и революции в состояние необозримых перемен Европа его времени не были подходящей сценой для постановки такого спектакля, в то время как средневековье с его интернациональностью открывало себя для этого больше всего и позволяло поэту найти масштабы, которые сама Европа не могла предложить.

Со всем тем Новалис находился в известном противоречии с Гёте. *Гёте будет и должен быть превзойден — но только так, как могут быть превзойдены древние, то есть по содержанию и силе, по многогранности и в глубинном смысле, но не как художник*³⁶⁸, писал он в 1798 году. Теперь, во время работы над *Генрихом фон Офтердингеном*, он еще раз интенсивно принялся за «Вильгельма Мейстера» и пришел к той кажущейся уничтожающей критике, которая, будучи слишком часто цитируемой вне контекста, симулировала враждебность,

в таком объеме не существовавшую. Даже если Новалис не имел непосредственных причин быть лично благодарным или преданным Гёте, то его критика все же имела место на фоне принципиального, если и не высказанного здесь, почитания. В записной книжке от 11 февраля 1800 года говорится: *Против «Годов учения Вильгельма Мейстера». Это в основе своей фатальная и нелепая книга — такая претенциозная и прециозная — неэтическая в высшей степени в том, что касается духа — настолько же поэтическая в изображении. Это сатира на поэзию, религию. ...Целое представляет собой облагороженный роман «Годы учения Вильгельма Мейстера, или Паломничество за дворянским дипломом». Вильгельм Мейстер, собственно, Кандид, направленный против поэзии. Поэзия есть Арлекин во всем этом фарсе. В принципе дворянству плохо приходится оттого, что он его предназначает для поэзии, а поэзии — оттого, что он заставляет дворянство выступать в качестве ее представителей... Авантюристы, комедианты, метрессы, торгаши и филистеры суть составные части этого романа. Тот, кто его принял близко к сердцу, не станет больше читать романов.*³⁶⁹ Критика Гарденберга будет понятна, если измерять ее масштабами его собственных идей относительно миссии поэта. В этом случае книга Гёте действительно могла быть воспринята как жалкий компромисс с несовершенной действительностью. О возвышении человека над самим собой, о движении к высшей симпатии и совместной активности, о проникновенной общности конечного и бесконечного речь здесь не шла. Впрочем, Новалис, с его пронзительным интеллектом и его склонностью к самокритике, будь ему даровано время, несомненно, еще обрел бы по-

нимание того, что согласие в сфере ограниченного часто действует глубже и интенсивнее, чем непосредственный прорыв к высшему и абсолютному.

Несмотря на свои отдаленные и возвышенные цели, *Офтердинген* одновременно стал также книгой лично о Новалисе, хотя это вовсе не роман «с ключом» и тот, кто ищет в нем непосредственные следы жизни Гарденберга, будет иметь лишь весьма ограниченный результат. Упомянуты Тюрингия, Золотая долина, Кифхойзер, старый рудокоп носит имя Вернер, золото в недрах земли он в первый раз видит 16 марта — это день рождения Юлии фон Шарпантье.³⁷⁰ Но за пределы этих и некоторых других мелочей биографические подробности не выходят. Более тесно связанной с судьбой поэта представляется фабула романа. Молодой человек, сын эйзенахского мастера-ювелира, встречает странника, который пробуждает в нем тоску по голубому цветку. Он уезжает из родительского дома, узнает, что рожден быть поэтом, и находит в Аугсбурге — в нежной Матильде, дочери поэта Клингзора, — свою первую любовь. Но Матильда умирает, и в начале второй части романа мы обнаруживаем поэта блуждающим в чуждом и преобразившемся мире. Молодая девушка Циана — имя намекает на греческое слово, обозначающее голубой василек, — присоединяется к нему и сопровождает его к Сильвестру, старому врачу и мудрецу, с которым у него завязывается разговор. На этом роман обрывается, так как *Генрих фон Офтердинген*, как и другой роман Новалиса, *Ученики в Саусе*, не был закончен, и заметки о продолжении не дают достаточной информации относительно действительных намерений автора. Но и эта сухая схема событий содержит лишь поверхностные и очень прозрачные параллели

к жизни поэта. К тому же остались несущественными и незначительными многочисленными вставки — сказки и стихотворения, которые, собственно, и должны были придать роману его полноту. Личность Новалиса, поиски жизненного предназначения, его борьба за самопознание, его попытка с помощью духа победить тело отражаются в этой книге значительно более утонченно.

Известнейший поэтический образ всего романа — это голубой цветок. Пришелец пробудил в Генрихе страсть к цветку, а благодаря сновидению он впервые видит его воочию. В этом сне сновидец карабкается в скалистом ущелье по *замшелым камням*, попадает в подземную пещеру, стены которой покрыты блестящей жидкостью, и входит, освободившись от одежды, в бассейн. *Волны нежной влаги ласкают его, словно нежные женские груди. Из потока являются обольстительные девушки, которые мгновенно превращаются в юношей, и небесное ощущение охватывает все его существо.* Потом им овладевает что-то вроде *сладкой дремоты*, и тут перед ним возникает во сне, который он видит во сне, *высокий пронизанный светом голубой цветок, который рос у источника и касался его своими широкими блестящими листьями. Вокруг стояли бесчисленные цветы всех оттенков, и восхитительный аромат наполнял воздух. Но он не видел ничего, кроме голубого цветка, и долго разглядывал его с невыразимой нежностью. Наконец ему захотелось приблизиться к цветку, как вдруг цветок начал двигаться и изменяться; листья стали более блестящими и прижались к растущему стеблю, цветок склонился к нему, и лепестки образовали голубой широкий ободок, в котором плавало нежное лицо.*³⁷¹ В этот момент Генриха разбудила его мать, они обнялись, а отец назвал сына соней.

Сон Генриха — образцовый случай для психоаналитика; сексуальная символика здесь лежит на поверхности. Фантастические картины родов связываются с подобными же картинами новорождения, и когда возлюбленная наклоняется к сновидцу, появляется мать. Знаменателен и дальнейший ход действия, в частности, потому что последующий разговор между отцом, матерью и сыном полностью направлен на то, чтобы унижить первого в глазах последних. И отец когда-то видел во сне таинственный цветок, но не испытал глубокого влечения и даже забыл его цвет. Поэтому он так и остался славным, скромным, но ограниченным ремесленником. Мать же близка сыну, и когда он теперь, *сделавшись двадцатилетним*³⁷², пускается в свое большое «образовательное путешествие», то делает это в сопровождении матери, что вряд ли пришло бы в голову Вильгельму Мейстеру. Более того, целью поездки является Аугсбург, родина матери. И тут в романе с его вставными эпизодами, историями и сказками, которые узнает по дороге юный Генрих, обнаруживается совершенно удивительная закономерность. Нигде больше не появляется какой-либо другой матери. В большой сказке о короле Атлантиды королева *рано умерла*³⁷³. Принцесса становится супругой молодого мужчины, который живет у своего отца. Рудокоп женится на дочери старого горного мастера в Эйле; его мать даже не упомянута. Генрих прибывает со своей матерью в Аугсбург, в дом деда; о бабушке — мертвой или живой — не сказано ни слова. Клингзор-поэт появляется в сопровождении дочери, и она, первая возлюбленная Генриха, упоминает в краткой истории своей жизни, что ее мать умерла сразу после ее рождения. Еще более странные вещи находим в большой сказке, которую Клингзор рас-

сказывает в конце первой части. Там не только король и его дочь Фрейя вступают в тесные отношения, в то время как о Софии как о супруге и матери в этом смысле нигде, собственно, не сказано; не только отец-месяц и дочь Джиннистан образуют еще одну лишнюю матери пару, но прежде всего Джиннистан-фантазия соблазняет героя сказки юного Эроса в образе его собственной матери, в то время как сама мать подвергается сожжению на костре, и приготовленным из ее пепла напитком причащают всех участников великого спасения. *Великая тайна открывается всем и тем не менее остается вечно непостижимой. Из страданий рождается новый мир, и в слезах пепел превращается в напиток вечной жизни. В каждом живет небесная мать, чтобы вечно рождать каждого ребенка. Чувствуете ли вы сладость рождения в биении вашей груди?*³⁷⁴

Нет никакого сомнения, что Фридрих фон Гарденберг имел сильнейшую привязанность к своей матери с самой ранней своей юности, и в фантастическом мире его поэзии это и доводило его до инцестуальных представлений. Но до какой степени выбор девушки-ребенка в качестве первой невесты и обручение с Юлией фон Шарпантье в то время, когда она была больна и нуждалась в помощи, могут быть поставлены в связь с подобными обстоятельствами, должно остаться под вопросом. Точно так же в *Офтердингене* очевидна критика собственного отца, и в сказке Клингзора отцу героя даже приписываются незаконные отношения с Джиннистан, позднейшей возлюбленной сына, — так что отец представляется, собственно, недостойным матери.

Насколько сильно было давление сексуального на Новалиса, обнаружил его дневник, который он вел пос-

ле смерти Софии; и *Гимны к ночи*, как и некоторые из его медицинских занятий, также являются красноречивыми свидетельствами этого; и, однако, именно потому следует оценить по достоинству то напряжение духа, с которым Новалис попытался подобное воздействие преобразовать и сублимировать. Этот процесс преобразования особенно заметен в *Генрихе фон Офтердингене*: образ матери получает здесь свое значение лишь благодаря тому, что становится символом бесконечной любовной силы сердца, которая преобразует мир. Поэтому она дается только однажды, и поэтому она в вечерней трапезе сказки распространяется символически среди всех. И образы девушек, которые окружают поэта, являются, подобно возлюбленной в *Гимнах к ночи*, ее посланцами. Матильда и Генрих впервые целуются: «*Добрая Матильда!*» — «*Милый Генрих!*» — это было все, что они могли сказать друг другу. Она пожала его руку и ушла вместе с другими. Генрих стоял как блаженный. Мать подошла к нему. Он обратил на нее всю свою нежность.³⁷⁵ А в связи с васильком говорится: *Кто тебе сказал обо мне? — спросил пилигрим. — Наша мать. — Кто твоя мать? — Матерь божия. — Давно ли ты здесь? — С тех пор, как я восстал из гроба. — Ты уже однажды умер? — Как бы я мог тогда жить? — Ты живешь здесь совсем один? — Старый человек в доме, и вообще я знаю многих, которые жили. — Тебе хочется остаться со мной? — Ты мне нравишься. — Откуда ты меня знаешь? — О! С давних времен; и кроме того, мне рассказывала о тебе постоянно моя прежняя мать. — У тебя есть еще одна мать? — Да, но это, собственно, одна и та же. — Как ее зовут? — Мария. — Кто был твой отец? — Граф фон Гогенцоллерн. — Я его тоже*

знаю. — Ты должен его знать, ведь он и твой отец. — Куда мы идем? — Неизменно домой.³⁷⁶

И вся связующая власть любви проявляется, таким образом, в двух тесно переплетенных интимнейших формах: в любви между мужчиной и женщиной и между матерью и ребенком. Отдельные земные манифестации несущественны, случайны и обманчивы. Границы расплываются, и *Мария фон Гогенцоллерн*³⁷⁷ оказывается также Марией, христианским прообразом девы и матери; образы посредника, которые, как василек, *собирают заблудших* в небесное отечество, многообразны и, однако, одни и те же. Как прообраз матери остается неизменным, так и *все люди суть только вариации одного совершенного индивида*³⁷⁸.

Это верно также и для других образов в *Офтердингене*. Те, кто окружают Генриха, помимо матери и двух возлюбленных, это, как ни странно, не друзья-сверстники — таких в *Офтердингене* нет, — но учителя, так сказать, высшие отцы, которые открывают ему понимание великой связи, *единства универсума*³⁷⁹, как сказано в *Brouillon'e*, и показывают ему его миссию в качестве романтического, то есть примиряющего и несущего мир, поэта. Так, купцы, в обществе которых Генрих и его мать совершают путешествие в Аугсбург, рассказывают легенду о поэте Арионе, силой своего пения заставившем дельфина его спасти, когда жестокосердые пираты, залепив себе уши, чтобы не соблазниться сладкими звуками, бросили его в море. Ибо в старые времена существовали поэты, *которые с помощью удивительных звуков чудесных инструментов будили тайную жизнь лесов, которые пробуждали спрятанных в стволах духов, в пустынных местностях возбуждали мертвое семя растений и вызы-*

вали цветущие сады, умирляли страшных зверей и одичавших людей приучали к порядку и морали, рождали в них мягкие нравы и обучали их мирным искусствам, бурные реки превращали в спокойные потоки и даже мертвейшие камни заставляли срываться в ритмичных танцевальных движениях. Они должны были быть одновременно предсказателями и жрецами, законодателями и врачами, поскольку даже высшие существа благодаря их волшебному искусству спускались вниз и обучали их тайнам будущего, соразмерности и естественному устройству всех вещей, а также внутренним добродетелям и врачующей силе чисел, растений и всех существ.³⁸⁰ Образ поэта-жреца, наделенного орфической силой, проступает уже в *Цветочной пылице*. В *Вере и любви* на поэта ложится еще и определенная политическая миссия. Этот мотив получает развитие и в последнем романе Новалиса, в частности в сказке, которую рассказывают купцы о короле Атлантиды. Единственная дочь короля покинула двор и связала свою жизнь с юношей, который, удалясь от мира, проводит свои дни вместе с учителем-отцом на лоне природы, стремясь постичь ее тайны. Принцесса узнает от него, как благодаря чудесной симпатии возник мир, в то время как он овладевает благодаря ей сладостным искусством музыки, так что вскоре оказывается способен исполнять чудесные песни³⁸¹. Затем, вместе с их общим ребенком, который был зачат в пещере и явился на свет в подземных покоех³⁸², считавшаяся пропавшей принцесса и ее супруг появляются перед одиноким королем и его народом, и после того как юноша берет своих слушателей в плен песней о возвращении вечного золотого века³⁸³, он начинает балладу о певце, который нашел во дворце то, что тщетно искал в хижине:

*Земной наградой будешь ты увенчан,
Твой трудный путь окончился почти;
Венок из мирта будь тебе короной,
Его наденет верная рука.
Полно созвучий, сердце наготове
Восчюять славу царственной хвалы;
Поэт восходит по ступеням грубым,
Теперь он будет сыном короля.³⁸⁴*

Этот ответ на гётевскую балладу о певце в «Вильгельме Мейстере» и одновременно pendant* *Вере и любви*: лишь при условии, что дух и власть так связаны, возникает *поэтическое государство*, прекрасное общество.

Таким образом, будучи слушателем, Генрих все больше и больше постигает смысл своих задач в качестве поэта. *Все, что он видел и слышал, казалось, снимало все новые и новые запоры в нем самом и открывало все новые окна.*³⁸⁵ Ему было показано, как все в мире присоединяется к той великой гармонии, которая всегда ощутима в песне поэта. События романа неуклонно подчиняются этой великой цели, — и это относится как к вставным стихотворениям, сказкам, так и к самому главному действию, а потому привычного развития сюжет не получает. Роман, таким образом, как бы всегда у цели, и Генрих даже в пещере отшельника открывает таинственную книгу, в которой видит записанной собственную жизнь, *отсутствует, как кажется, только конец книги*³⁸⁶. Так ему становится постепенно внятно таинственное взаимопроникновение воспоминания и предчувствия, прошлого и будущего, между которыми протянуты моменты человеческого существования.

---

* параллель, аналогия

Старый рудокоп объясняет ему единство, которое господствует в природе, — только оно должно быть сначала понято человеком, чтобы он мог стать *мессией природы*. Отшельник, граф фон Гогенцоллерн, показывает ему, что ход истории должен вести к вечному миру; пафос статьи *Христианство или Европа* получает здесь поддержку. Клингзор, поэт, учит Генриха тому, чего Новалис сам пытался достигнуть в полной усилий борьбе против своей собственной мечтательной природы: *Ничто не является столь необходимым для поэта, как проникновение в природу всякого дела, знакомство со средствами достижения любой цели и присутствие духа, чтобы выбрать наиболее подходящее в зависимости от времени и обстоятельств. Воодушевление без понимания бесполезно и опасно, и поэт сможет сделать мало чудесного, если он сам удивляется чуду. Не дикий жар сердца больного*³⁸⁷, но истинная осмотрительность нужна поэту, чтобы завершить свое чудесное творение. Наконец, Сильвестр, врач, появляющийся во второй, незавершенной части романа, открывает Генриху высшее, тот «моральный орган», о котором шла речь у Гемстергейса и который здесь называется совесть, так как она является *врожденным посредником всякого человека, она заступает место бога на земле и живет во многих в качестве высшего и последнего. Но как далека была прежняя наука, которая называлась учением о добродетелях и нравах, от чистого образа этой возвышенной, всеохватной сущности. Совесть есть собственная сущность человека в полном его просветлении, небесный прачеловек.*³⁸⁸ Для таких последних откровений поэт созревает лишь тогда, когда Матильда, первая возлюбленная, оказывается похищенной у него смертью, и он вступает на другую сторону *ужасного, таинственного потока*³⁸⁹, который погло-

тил ее, вступает как чужой в преображенную для его глаз и органов чувств страну.

*Мой роман в полном разгаре. Двенадцать печатных листов почти готовы. Весь план в довольно подробном виде находится в моей голове. Должны быть два тома — первый, надо надеяться, будет готов в три недели. Он содержит указание и основу для второй части. Целое должно быть апофеозом поэзии. Генрих фон Офтердинген созревает в первой части как поэт — и во второй части как поэт просветленный³⁹⁰, — писал Гарденберг 23 февраля 1800 года Людвигу Тику. До окончания книги дело так и не дошло, и оставшиеся планы дают лишь неясную картину путешествия Генриха через большой мир и его возвращения в Кифхойзер и к голубому цветку. Однако смысл целого Новалис спрессовал в странно запутанной сказке, которую Клингзор рассказывает в конце первой части романа и для которой в равной степени послужили образцом как сказка Гёте из «Разговоров немецких беженцев» (1795), так и «фейные сказки» восемнадцатого века. Это миф о спасении мира через власть поэзии, большая fuga, которая резюмирует цикл вариаций на эту тему в романе. Эрос, любовь, сходится далеко на севере с миром, Фрейей, дочерью короля Арктура. *Благородная, богоравная София*³⁹¹, — спутница Арктура, заводит механизм спасения, спускаясь к людям, чтобы открыть им понимание остающегося и длящегося. К примеру, многое из того, что писец, *окаменелый разум*³⁹², переносит в больших количествах на бумагу, исчезает, когда бумага погружается Софией в сосуд со святой водой, в то время как каждое слово Сказки выдерживает такое испытание блистательно и без всякого ущерба. Сказка становится подлинной учредительницей великого ис-*

в этой сказке. София, равная жрецам, несколько обескровленный и схематично-отвлеченный образ, — всегда здесь. В конце, когда король перед всем народом впервые обнимает на брачном ложе *зардевшуюся возлюбленную*³⁹⁵, она объявляет: мертвая мать *среди нас, ее присутствие вечно будет делать нас счастливыми*. Сексуальное и политическое смешаны, библейские представления о свадьбе агнца, о новых небесах и новой земле сливаются с потребностями дня. *Король и королева как таковые могут и должны воплощать принцип общественного мнения*³⁹⁶, говорится в *Вере и любви*. Образ небесно-земной возлюбленной, мадонны, и теософский и алхимический образ Софии как Христовой невесты проникают друг в друга. Эрос, античное, соединяется с Фрейей, северным началом. Гальванизм становится пробуждающей жизнь душевной силой. Арктур — собственно говоря, звезда, словно бы увенчанная северной короной, — напоминает о прежних мыслях относительно *моральной астрономии*. Короче, все познанное, пережитое и изученное Новалис соединяет здесь в собственное мифологическое представление о спасении мира, который больше уже не может быть познан в своих частностях или не может быть разложен на части. Однако является ли он цельным?

В пятом номере «Атенеума», который появился в апреле 1800 года, в «Разговоре о поэзии» Фридриха Шлегеля присутствовала «речь о мифологии», в которой он утверждал, что современному поэтическому искусству не хватает сердцевины, «каковой была мифология для древних». Современному поэту, который все должен «вырабатывать из своего внутреннего мира», не хватает «твердой опоры», «материнской почвы». Поэтому-то он и нуждается в новом центре, в новой мифологии. Но она должна

быть создана на пути, противоположном пути к древним, — из «глубочайших глубин духа; это должно быть самое искусственное из всех произведений искусства, потому что оно должно охватывать все другие, быть новым руслом и сосудом для старого вечного источника поэзии и даже бесконечной поэмой, которая обтекает побеги всех других стихотворений»³⁹⁷. То, к чему звал Шлегель, его друг в это же время попытался воплотить в своей сказке в духе истинной *симорганизации и симэволюции*. Опираясь на силу поэтического воображения, дух, согласно Новалису, должен «искусственнейшим» образом создать свой собственный мир, чтобы в едином и новом поэтическом образе соединить обломки действительности, лишённые опоры. Таким образом, перед нами чаемый переход из *бесконечного в конечное*, новая форма поэтической выразительности, которая не имела больше ничего общего с изображением, углублением переживаний или манифестацией общественных чувств и ощущений, но несла свой закон в себе и пыталась подчинить мир этому закону. Ей предстояло соединить в одно поэзию и религию, и перед лицом такой «универсальной поэзии» не только традиционные литературные формы могли показаться недостаточными, но и прежние религии должны были представляться лишь несовершенными подобиями того великого целого, которое получало здесь свою завершенность. Поэтому для продолжения *Офтердингена* Новалис совершенно сознательно стремился к совмещению *удаленнейших и разнороднейших легенд и событий*³⁹⁸, к примирению *христианской религии и языческой*³⁹⁹ и вообще к созданию *чудесной мифологии*⁴⁰⁰.

Это была попытка, которая отвечала глубочайшим устремлениям Новалиса. Жажда распространить себя

на множество предметов и одновременно пробиться к сердцевине всецело соответствовала полярности его натуры. Подобная полярность нашла свое предметное выражение в сказке Клингзора, а если бы поэт завершил *Офтердингена*, то, возможно, мы обнаружили бы ее печать и на второй части романа. Но одновременно достаточно очевидно, что именно эта полярность не позволила поэту добиться действительного синтеза. Целое, правда, больше, чем его части, но рожденная из «глубочайших глубин духа» мифология спотыкается все же о балласт присутствующей в ней реальности. Возможно, что легче всего это заметить в связи с образом возвышающегося над всем романом голубого цветка. В нем должно сойтись все, что движет человеческим стремлением к любви и миру. Лепестки имеют цвет неба, корни уходят в царство земли. Девушка многообещающе кивает томящемуся юноше, и происходит именно то, что в сказке случилось с Эросом, который, лежа в чашечке цветка, грезит *о мечтательно склонившейся над ним прекрасной девушке, заключающей его в объятия. Маленький цветок сомкнулся вокруг обоих, так что они, начиная от чресел, превратились в один цветок.*⁴⁰¹ Тюрингские сказочные мотивы, индийская символика лотоса, алхимическая андрогинная мистика и многое другое образуют материнскую почву для этого таинственного растения, которое, будучи своеобразнейшим символом, все же лишено скромной убедительности библейского голубя. И тем не менее этот цветок, совершенно эфирное создание формирующего духа, сохраняет своеобразное очарование, точно так же, как очарование остается присутствующим и самому роману с его искусно-ясным и скромным языком, за которым, как и хотел Новалис, мерцают

*благоговение и изумление*⁴⁰². Впрочем, нужно обладать особым зрением, чтобы это увидеть.

Пятого апреля 1800 года Фридрих фон Гарденберг сообщил своим друзьям, Фридриху Шлегелю и Людвигу Тику, о готовности первой части своего романа. Шлегелю он пишет: *Я был бы глубоко рад, если бы вы получили удовольствие от этого первого опыта. В печатном виде он будет состоять примерно из двадцати — двадцати двух листов — однако прежде я хотел бы знать, пройдет ли он вашу апробацию. План достаточно внятно изложен, а материя очень подходящая. Выбор удался — об исполнении я не хотел бы ничего говорить, потому что легко сбиться на ошибочные представления. Полное название:*

Генрих фон Офтердинген

Роман

Новалиса

Первая часть

Ожидание

*Мне было бы приятно, если бы вы заметили, что роман и сказка удачно перемешаны, а первая часть предсказывает еще более тесное смешение во второй части. Роман должен постепенно перейти в сказку.*⁴⁰³ Название *Офтердинген* было впервые введено для посмертного издания романа. В письме к Тику счастливый Новалис прибавил: *В течение многих лет мне не удавалось терпеливо осуществить значительный план, и теперь я с удовлетворением вижу, что эта трудная задача осталась позади. Собственно работа дает больше, чем повторное чтение. Когда сам берешься за дело, видишь трудности и выучиваешься ценить искусство.*⁴⁰⁴

Он выступил навстречу жизни с возросшими силами и высокими ожиданиями. Голова была полна *идеями романов и комедий*⁴⁰⁵; новые, все более обширные профессиональные обязанности ждали его; предстояла женитьба на Юлии. В Иванов день *Офтердинген* начал свой жизненный путь, в Иванов день и сам Новалис должен был найти свой голубой цветок. В письме к Шлегелю от пятого апреля, однако, встречаем фразу: *Мне, очевидно, скоро предстоит радостный конец. В Иванов день я думаю уже быть в раю.*⁴⁰⁶ О каком рае думал он при этом?

Последний год

Фридрих фон Гарденберг не был свободен от служебных обязанностей даже во время работы над своим романом; дороги вели его во Фрейберг, Дрезден и на соляное производство. Но многое из того, что в творческой лихорадке было отложено, теперь, когда трудности с осуществлением *значительного плана* были преодолены, предстояло наверстать. И в первую очередь следовало обеспечить свой доход, дабы он выходил за пределы скудного жалованья ассессора, ибо бракосочетание с Юлией было намечено на этот год. Двадцать четвертого марта 1800 года Гарденберг обращается к Вернеру. Он пишет, что желает себе *положения, которое привело бы меня к соседству с вами. Я часто думал, что в вашем обществе мог бы вести более привлекательную жизнь.*⁴⁰⁷ При этом подразумевалась, очевидно, должность при главном горном управлении, но прежде чем из этого что-либо смогло выйти, для Гарденберга открылась возможность другой, более выигрышной позиции. Оказалось вакантным место

der Handelsbank zu besorgen. Altein
Kaufhall im Kaufhaus zu Darmstadt gab mir
sich vor einigen Jahren Gelegenheit mit mehreren
Verhältnissen des hiesigen Feinhandels in der
vorstehenden Zeit des Kaufmanns, fürstl.,
bekannt zu werden, und überließ mir den lieblichsten
Anspruch, mit der Zeit auch an der Angelegenheit
den meisten verdienstlichen Gewinn zu
erlangen. Der fürstl. Durchl. hatten
ein höchstes Gnade mich im vorigen Jahre, als die
Kaufhall bei der Local. Administration anzustellen
und ich sah mich nunmehr durch die glücklichsten
Ansprüche in einem Feinhandels, und zu hiesigen
Ansprüchen durch seine Gnade verpflichtet. Der
jährt glücklichste Malle bei der hiesigen Feinhandels,
Gnadenverwaltung hat zum Glück genommen,
und ich war der fürstl. Durchl. mit der
meist zu billigen, bei der hiesigen Malle zum
ersten Anblick auch mich zu erkennen. Alsdenn
mehrere hiesigen Anträge sind befreit die
Kaufhall, welche die zeitlichen Anträge

княжеского саксонского начальника ведомства для Тюрингского округа с должностными обязанностями в Вайсенфельсе, Хельдрунгене и Заксенбурге, и Гарденберг ходатайствовал об этой должности, заверяя курфюрста, что должностные обязанности лежат *в радиусе моих теперешних служебных поездок и, следовательно, не будут отвлекать меня от моей нынешней службы*⁴⁰⁸.

Трудно решить, был ли Гарденберг склонён к этому намерению практическими соображениями или здесь сыграли роль надежды на осуществление той или иной миссионерской идеи. В записной книжке как раз под датой 18 апреля 1800 года он жалуется на узость и ограниченность *в наших городах... Великие и всеобщие связи никого не интересуют и вызывают скуку*. Только в республиках это должно обстоять лучше, поскольку каждый отдельный человек *чувствует причастность своей жизни к могучей жизни всех и таким образом, касаясь великих вещей, расширяет свою фантазию и свое сознание и должен научиться почти произвольно забывать свое «Я» ради огромного целого*⁴⁰⁹. Возможно, что Гарденберг надеялся в качестве начальника ведомства привнести в свой округ нечто от подобного «республиканского» духа, ибо во время так называемого «Retablissements»* саксонской административной системы после Семилетней войны и особенно в восьмидесятые и девяностые годы на подобные должности действительно возлагались большие надежды, прежде всего в хозяйственном и социальном отношениях. Возможность самостоятельного действия была тем самым уже заложена — в пусть и весьма узких границах камеральной системы — политикой, проводимой государством.

---

* Оздоровление (фр.).

Итак, устремления поэта и государственного служащего не обязательно должны были противоречить друг другу. Колебания между тоской и надеждой, воспоминаниями и предчувствиями, разочарованиями и томлениями, характерные для душевной жизни Новалиса и накладывающие свой отпечаток на толкование им истории человечества, вели его и в практической деятельности к гуманному образу мыслей. Так, в написанном месяц спустя после завершения первой части *Офтердингена* отчете о неудачном опыте арендатора производства квасцов мы читаем: *Меня бы обрадовало, если бы он был пожалован единовременным денежным пособием, которое облегчило бы последние дни его трудной и неверной жизни и улучшило его жалкие обстоятельства, чего ему тем более следует пожелать, что он производит впечатление славного, честного человека, который при самых неблагоприятных обстоятельствах сохранил мужество и доверие к своей науке, но, к сожалению, в свои преклонные годы вследствие горестных результатов многих неудавшихся начинаний имеет полные забот виды на остаток своей жизни.*⁴¹⁰ Фридрих фон Гарденберг знал нужды своего времени. Полный неодобрения, наблюдал он, в частности, за тем, как эксплуатируют рабочих в буроугольных шахтах. *Эта работа тоже в высшей степени тяжелая, грязная и нездоровая. Заболевания кожи и подагра очень часты среди этих людей*⁴¹¹, жалуется он Вернеру двадцать восьмого апреля 1800 года в большом отчете о наличии буроугольных запасов в окрестностях соляного производства. Сам отчет был написан в связи с другим заданием, которое ему теперь предстояло. По ходатайству Вернера и Оппеля он получил из Дрездена поручение принять участие в геологическом обследовании Саксо-

нии на предмет отыскания «горючих ископаемых». Это «геогностическое обследование страны», предпринятое поначалу из экономических соображений, постепенно превратилось под руководством Вернера в научное предприятие, которое повело к геологическому картографированию Саксонии, первому крупному достижению подобного рода. Гарденбергу был выделен округ между Лейпцигом, Цейцем и Борной. Первого июня 1800 года на Троицу он встретился в Цейце с Фридрихом Трауготом Михаэлем Гауптом, студентом фрейбергской Горной академии, которому предстояло его сопровождать. Вдвоем они прошли в последующие дни долину Эльстера вверх, затем спустились в Альтенбургскую область и подошли к Лейпцигу. Просыпались часа в четыре утра; маршрут, в соответствии с указаниями Вернера, поначалу должен был пролегать через долины, затем следовало подниматься для обозрения на возвышенности. Послеобеденное время и вечер посвящались записям, собиранию образцов пород и разговорам с местными жителями, которые могли дать разъяснения об использовании полезных ископаемых. Восемнадцатого июня Гарденберг вновь прибыл в Вайсенфельс. Вернер воздал высокую похвалу его работе; окончательный отчет Гаупт составил, впрочем, лишь после смерти Гарденберга. А сама экспедиция создала почву для открытия одного из богатейших бурогольных месторождений в Германии.

Благодаря такой повышенной активности Гарденберга возникает впечатление, что тело, находящееся на грани своего распада, еще раз должно было и смогло сконцентрировать все свои силы, ибо и как философ, и как поэт Новалис создал в эти недели и месяцы значительные вещи. Уже во время работы над *Офтердингеном*

он начал проникать в своеобразный *микрокосм* герлицкого мистика Якоба Бёме, и символом его собственных надежд на новое столетие явилась *могучая весна с ее набухающими, бродящими, творящими и смешивающими силами*, которые в произведениях Бёме, в особенности в его пророческом сочинении «Аврора, или Наступающая заря», *порождает мир изнутри*⁴¹². И некоторые стихотворения Новалиса этого периода с их внешней формальной простотой замечательно свидетельствуют о том, как перемешиваются между собой, проникают друг в друга и соединяются воедино его желания и мысли, его любовь к земле, а также вера в сотворение мира и в новорождение *изнутри*:

*Быть может, рождается новое царство —
Становится порослью пыль придорожная,
К звериным повадкам склоняется дерево,
А зверь превратится вот-вот в человека.
Я даже не знаю, как все это случилось
И как получилось все то, что я вижу.*

*Когда стоял я, чувством полный,
Во мне порыв начался бурный.
Явилась дева пред глазами
И в плен взяла меня навеки.
Я даже не знаю, как все это случилось
И как получилось все то, что я вижу.*

*Прошла она мимо — я слово ей молвил,
Она улыбнулась — того не забуду,
Мне б надо схватить ее нежную руку,
Она бы охотно ее протянула.
Я даже не знаю, как все это случилось
И как получилось все то, что я вижу.*

*Лес скрыл нас обоих от яркого света.
Ах, это весна,— я подумал внезапно,
И ясно увидел я вдруг, что повсюду
Должны стать богами все люди земные.
Я даже не знаю, как все это случилось
И как получилось все то, что я вижу.*⁴¹³

Он заверял свою Юлию:

*Не нужно мне другого счастья,
Чем вместе жизни путь пройти*⁴¹⁴,—

и в эту пышную весну и лето возникла фрагментарная вторая часть *Генриха фон Офтердингена*, а также планы продолжения романа и стихи к нему: *Бракосочетание времен года*, возвещавшее окончание всех противоречий, две песни *Марии* и таинственные строфы, которые вошли в издания его сочинений под названием *Песнь мертвых*. *Блаженны лишь мертвые* — такой эпиграф предпослал Новалис своему видению более высокого мира, видению, изложенному языком, который позволял соответствующим образом запечатлеть нисхождение от *бесконечного к конечному* и который Бёме, пиетизм и романтическая религиозность в лице Шлейермахера считали единственно пригодным для выявления — посредством внешних понятий и поэтических образов — сквозного ощущения гармонического и одновременно в высшей степени живого всеединства:

*В любовной жажды океан
Погружены мы неизменно,
С тех пор как мрачная звезда
Тот мир прекрасный погасила;*

«Песнь мертвых». Начало первой редакции

*С тех пор закрылась та вершина,
И воспылал костер ужасный,
И по душе опустошенной
Тлетворный дух земной разлился.*

*Волшебство воспоминаний,
Сладкий ужас и тоска
Нас насквозь теперь пронзают,
Остужают жар в крови.
Эти раны вечно ноют —
То небесная тоска
В нашем сердце не смолкает,
Нас в одно соединяет.*

*И едины в том потоке,
Мы таинственно стремимся
В океане жизни бурной
К Богу в глубину;
И, из Бога вытекая,
Мы назад к себе вернемся,
И высокий дух стремлений
В нашей жизни вновь всплывет.⁴¹⁵*

В те же самые дни Фридрих фон Гарденберг сочинил на шестнадцати листах folio свою квалификационную работу для получения места начальника управления в Тюрингском округе — «Отчет по делу Мартина, наследственного судьи в Хермсдорфе, против налогового ведомства», предшественники которого в 1626 году поменяли свое право варить пиво на свободу от налогов.⁴¹⁶ В конце сентября он отправил работу в Дрезден. Тик увидел его только в конце июня: «Я нашел его здоровым и веселым, и его внешность не изменилась, хотя его родственники были несколько озабочены и замечали в нем бледность, а также усиливающуюся худобу. Он сам был еще более

внимателен к своей диете, чем прежде, мало пил вина, почти не ел мясного и насыщал себя главным образом молоком и овощами. Мы ежедневно гуляли пешком или верхом, и при быстром подъеме на гору, при каком-либо усилии я не мог заметить в нем никакой слабости в груди или прерывистого дыхания и поэтому пытался оспорить его привычки, считая, что его отказ от вина и более сытной пищи вызван ошибочными и ложными опасениями. Он был воодушевлен планами своего будущего счастья; его квартира была уже обставлена, потому что уже в августе он намеревался отпраздновать свой союз с невестой; точно так же охотно говорил он о скором окончании *Офтердингена* и других книг; жизнь его, казалось, делалась шире благодаря разносторонней деятельности и любви. Когда я с ним прощался, я не мог и предполагать, что больше его не увижу». ⁴¹⁷ Ибо тело отказывалось служить, и физический распад наступил очень скоро.

Трудно сказать что-либо определенное о той роли, которую болезнь сыграла в жизни Новалиса. Еще и сорок лет спустя после смерти друга Тик предполагал, что Гарденберг был «здоровейший, жизнерадостнейший человек, отважнейший наездник, неутомимый горнолаз и странник», который, «однако ... неожиданно скончался от чахотки». ⁴¹⁸ Фридерика фон Мандельсло, сестра Софии фон Кюн, напротив, писала примерно в то же самое время: Новалис «во все времена был болезненным, и его раннюю смерть можно было предсказать» ⁴¹⁹. В обоих случаях, вероятно, время поработало над той картиной, которую пережившие хотят составить из кусочков воспоминаний.

В действительности Фридрих фон Гарденберг должен был бороться против своей слабой телесной конституции.

Кроме того, болезни были в семействе Гарденбергов отнюдь не редкостью, и Каролина Шлегель позднее однажды обмолвилась о «весьма распатанном доме»⁴²⁰. После смерти Софии у Новалиса умножились упоминания о симптомах болезней. *С тех пор как ты уехал — я долгое время был совершенно бездеятелен, совсем болен — и некоторое время, напротив, вполне дееспособен, вполне здоров*⁴²¹, писал он пятого сентября 1797 года Фридриху Шлегелю, но должно оставаться открытым, в какой степени наблюдения над функциями собственного тела приобретали чрезмерное значение и стимулировали известную склонность к ипохондрии.

О более серьезном заболевании речь заходит лишь ранним летом 1798 года, вскоре после смерти Жанетты Данкур, француженки-гувернантки Софии Кюн. *После новой потери, на сей раз старой приятельницы, воспитательницы моей Софи, я тоже болен и должен ехать в Теплиц*⁴²². Пройдя лечение, он писал отцу, что его приступы сделались *реже и слабее. К пирмонтеру* у меня нет ни малейшей охоты*⁴²³, однако подаренного ему отцом коня он охотно желал бы использовать для лечебных прогулок верхом. Все эти замечания указывают на то, что врачи здесь поначалу диагностировали легочный туберкулез, ибо обильные движения и в особенности верховая езда играли тогда в терапии легочных заболеваний такую же роль, как и целебные воды. Надворный советник Штарк в Йене, который также пользовал Софию фон Кюн, а позднее Гарденберга, предписал, к примеру, Шиллеру ежедневно по восемнадцать бокалов карлсбадской воды. Теплицкие или пирмонтские источники должны

---

* Минеральная вода.

были, очевидно, в случае Новалиса служить наподобие медикаментов. Кроме того, современные медицинские исследования установили связь между туберкулезными заболеваниями и душевными депрессиями.

С этих пор в письмах Новалиса, как и в его учебных тетрадях, множатся замечания о неустойчивом состоянии его здоровья и о страхе заболеть всерьез. Одновременно он начинает интенсивно заниматься медицинскими вопросами. Страницами делает он выписки из медицинских статей и сообщений, чтобы лучше понять то, что происходит в нем самом, а отчасти, быть может, побуждаемый к этому все новыми столкновениями с феноменом болезни в своем собственном доме, а затем у Софии и у Юлии. Интерес к медицинским вопросам был тогда, впрочем, очень распространен и среди профанов, и повсеместно в переписке и разговорах болезни играли значительную роль. Получали известность новые медицинские теории, и прежде всего теория шотландского врача Джона Брауна, с которой Новалис основательно познакомился. После появления немецкого перевода «Системы врачевания» Брауна в 1796 году его учение начало оказывать сильное воздействие на некоторых медиков, близких натурфилософским позициям, вроде Андреаса Решлауба и Карла Августа Эшенмайера, благодаря трудам которых Новалис затем с ним и познакомился. Значение Брауна для Новалиса состояло в том, что толкование шотландским медиком всех болезней, опиравшееся на представления о полярности, давало возможность такой философской интерпретации болезней и здоровья, которая глубочайшим образом отвечала сокровенным мыслям Гарденберга, направленным на синтез противоположностей.

Согласно учению Брауна, каждый человек получает при рождении определенное количество возбудимости. Последняя реагирует на внешние раздражения, и взаимодействие между обоими продуцирует возбуждение, которое и есть основа жизни. Равновесие между раздражением и возбудимостью означает здоровье, недостаточная возбудимость — состояние астении, или слабости, слишком сильное возбуждение — так называемую стению. Лечение, в зависимости от диагноза, осуществляется с помощью усиления или сокращения раздражения; к примеру, в результате таких воззрений среди современников Новалиса вошло в моду употребление опиума. Немецкие брауншвейгцы различали к тому же два вида возбуждения: возбуждение мускулов, которое они называли ирритабельностью, и возбуждение нервной системы, которое они называли сенсительностью. Новалис опирался на эту теорию, чтобы развить собственную философию болезни, которая, возникнув в последние месяцы его жизни, относится к глубочайшему и самому волнующему из того, что он обдумал и написал.

Как нервная система и разум господствуют над мускулами и телом, так и сенсительность является более высокой формой проявления жизни. И болезни, *нарушающие сенсительность*⁴²⁴, это что-то специфически человеческое. *Болезни отличают людей от животных и растений — человек рожден страдать.*⁴²⁵ Это замечание, впрочем, подразумевает не состояние болезни вообще, но болезнь в качестве воспринятых сознанием страданий. *Вероятно, они являются наиболее интересным раздражителем и материей наших размышлений и нашей деятельности.*⁴²⁶ Болезнь, *преходящая, хрупкость являются признаками природы, связанной с духом*⁴²⁷, и тем

самым также инструментами для уточнения человеческого бытия в целом. Все наши болезни есть феномен повышенной сенсительности, следствие жажды обрести более высокий приют. Как только человек хочет стать Богом, он совершает грех.⁴²⁸

Примечательным образом Новалис приходит здесь к понятию греха, от которого он прежде дистанцировался как от *старой, тяжелой навязчивой идеи*⁴²⁹. Однако слово «грех» принимает теперь у него другое, более развернутое значение: лишь дух действительно превращает человека в человека, однако тем самым, обретая возможность самопознания, человек одновременно изгоняется из рая своего природного существования и получает импульс к существованию более высокому. Платой за наследственный грех свободы пожелавшего уподобиться Богу человека становится болезнь. Но это еще не самое последнее. *Болезни, в особенности длительные, являются годами учения искусству жизни и душевного становления. Нужно пытаться использовать их с помощью ежедневных наблюдений. Разве жизнь образованного человека не является постоянным побуждением к учению? Образованный человек вообще живет для будущего. Его жизнь — борьба; ее содержание и ее цель — наука и искусство. Чем больше научаются жить не для сиюминутного, а для длительной перспективы, тем становятся благородней. Суеуловное беспокойство, мелочные заботы духа переходят в большую, спокойную, простую, емкую деятельность, и появляется величественное терпение. Все более победительными становятся религия и нравственность, основа нашего бытия.*⁴³⁰ Высшее, таким образом, в конечном счете заключается в том, что человек, который расплачивается болезнью, получает так-

же средство преодолеть пороки освобождающегося духа и пробиться к истинно возвышенному, к продуктивной свободе и божественности⁴³¹. И это «средство» Новалис описывает понятиями «религия» и «нравственность»: *Нравственность, борющаяся сила, энергия интеллектуального существа и религиозность не только неотделимы от болезни, но также и благодетельны, причем более, чем что-либо другое.*⁴³²

Отсюда вытекают два наблюдения, характеризующие личность Новалиса. Во-первых, мы с очевидностью обнаруживаем, что как раз вследствие понимания своей физической слабости он пришел к осознанию долга и обрел непреодолимую волю к нравственному, гуманному деянию. Все замечания относительно мнимой болезненности его духа отпадают сами собой перед лицом этого факта: *Идеал нравственности не имеет другого, более опасного соперника, нежели идеал высшей силы — полной сил жизни, ибо это максимум варварства — и, к сожалению, в наше время культурного одичания у него есть слишком много последователей среди величайших слабаков. Человек благодаря этому превращается в одушевленного зверя.*⁴³³

Во-вторых, мы можем вести речь о новооткрытии Новалисом христианства не только как религии смерти и бесконечной любви, но и как религии страдания и нравственных обязанностей. Без понимания природы греха и связанной с ним нравственной воли, совести (как это в *Офтердингене* формулирует врач Сильвестр), которая заступает на земле место Бога, человек не может понять ни себя самого, ни мир и по сути своей остается одушевленным животным. *Без этого понимания нельзя разделить заслугу Христа — невозможно принять участие в этом втором, более высоком, сотворении человека.*⁴³⁴

Еще дважды в эти недели, когда его жизнь отчетливо склонялась к концу, Новалис доверил своему дневнику борения с самим собой. Первого сентября 1800 года он записывает: *Сегодня у меня был в высшей степени благословенный день. Только рано утром небольшие приступы страха. После этого весь день невыразимо спокойно, сильно, мужественно и легко. Я от всего сердца благодарил Бога.*⁴³⁵ И девятого октября: *О! Если бы я имел ощущения мученика. Разве не я выбрал сам свою судьбу, начиная с незапамятных времен? Всякая мрачная мысль есть мысль переходящая, земная, мысль страха. Всякое мрачное расположение духа — и л л ю з и я.*⁴³⁶ Таким образом, еще раз, как после смерти Софии, Фридрих фон Гарденберг с помощью строгого самонаблюдения попытался преодолеть чувство страха и физическое беспокойство. Одновременно, впрочем, ясно также, что это осталось попытками и что все время существовала опасность утратить завоеванное. Было бы поэтому несправедливо видеть в подобных его религиозных заклинаниях предвестие обращения к строго конфессиональным контактам, как и предвестие религиозного обращения некоторых поздних романтиков, ибо и в своих последних записях Новалис называет существенной целью любого человека его свободное возвышение над самим собой, чему и должна способствовать всякая религия. И в последних тетрадах находим заметки о христианстве как *исключительно исторической религии*⁴³⁷, — только ее миф страдания и спасения в его состоянии должен был оставаться особенно близок.

Невозможно сказать точно, когда болезнь Новалиса из скрытой перешла в острую стадию. Геологическое обследование страны в начале июня должно было потребо-

вать напряжения всех его сил и не могло быть выполнено физически больным человеком. По свидетельству Тика, в это время не было заметно следов пошатнувшегося здоровья. В дневниковых заметках Гарденберга первые упоминания о болезни, страхе, беспокойстве приходится на конец июля, и примерно в это же время в учебных тетрадях появляются новые рассуждения о феномене болезни. В августе, как сообщает брат Карл, обнаружилось «небольшое кровохарканье», «что врачи сочли незначительным геморроидальным недомоганием»⁴³⁸. И Гарденберг в своем дневнике утешал себя: *Это должно скоро пройти.*⁴³⁹ Однако болезнь имела продолжение. Надворный советник Штарк в Йене принял на себя заботы о лечении, хотя поэт думал о консультации с другими врачами, в особенности сторонниками брауновского учения. Документом даже в период нарастающей слабости продолжающейся работы Новалиса над собой и свидетельством почти трагикомического планирования жизни является последняя дневниковая запись от шестнадцатого октября 1800 года. Сначала происходит восхваление молитвы в качестве *универсального медицинского средства*, а затем идет буквально следующее: *Теперь в первую очередь я должен продумать два возможных варианта:*

1. *на случай, если я женюсь,*
2. *на случай, если я не женюсь.*

Я обстоятельно, если сначала поговорю с Вейгелем (мейсенский врач), напишу Р е ш л а у б у, чтобы он приобрел опиум и миндальную воду.—

ad 1) все пройдет само. Тогда я должен буду просить о решимости и чувстве долга, а также о работе и рассеянии.

*ad 2) я должен буду снабдить себя чтением.*⁴⁴⁰

*Курфюрст Фридрих
Август III
Саксонский.
Портрет работы
Фогеля фон
Фогельштейна*

И за этим следует список различных исторических трудов. Заходит речь и о путешествии. Вскоре Новалису предстояло переселиться в Дрезден. Может быть, он хотел быть в большей близости к Фрейбергу, может быть, все затевалось ради консультаций у Вейгеля в находящемся поблизости Мейсене, может быть, он возлагал надежды на смену воздуха и общества.

Двадцать восьмого октября тринадцатилетний брат Бернгард бросился в Заале; «не известно никакой причины, которую бы можно было назвать, и в нем никогда не замечалось ничего особенного, кроме отвращения ко всякому учению»⁴⁴¹, — писала Каролина Шлегель. Сообщение о смерти брата вызвало у Новалиса новое сильное кровотечение. Позвали родителей. «Я прожила в Дрездене восемь тяжких дней. Фриц снова выезжает, дважды в день, и даже хочет ездить верхом, однако он слаб, очень

истощен, и кровохарканье не прекращается»⁴⁴², — писала мать в конце ноября дочери Сидонии. Шестого декабря курфюрст одобрил назначение на должность сверхштатного начальника ведомства в Тюрингском округе; от «обязанного присутствовать фон Гарденберга»⁴⁴³ требовалось только, чтобы он обязался действительно проживать в своем служебном округе. Неверной рукой двадцатого декабря он подписал этот последний сохранившийся документ его профессиональной деятельности.

Тику в преддверии нового, 1801 года Новалис сообщил, что *длительная болезнь нижней части тела и груди полностью вывела его из строя... Работать я совсем не могу, но много занимаюсь поэзией в мыслях и при чтении... Что меня очень удручает, так это то, что я не могу много говорить, а у меня это почти неотделимо от мышления.*⁴⁴⁴ Брат Карл и Юлия фон Шарпантье были в это время постоянно при нем. Карл говорит о себе, что сам «живет теперь в печальнейших предчувствиях»⁴⁴⁵. И Шарлотта Эрнст сообщает Августу Вильгельму Шлегелю, что Гарденберг — «одна лишь тень, ты пришел бы в отчаяние при виде этого молодого человека, очень мало надежд на его выздоровление, он совсем ослаб, так что его не узнать, я вижу его почти ежедневно с его невестой, это очень меня волнует, он редко вмешивается в разговор, только слушает, говорить ему очень трудно, и он часто засыпает, так что совсем похож на мертвеца»⁴⁴⁶.

В середине января отец вновь приехал в Дрезден. Он попытался письменно утешить мать, что внешний вид сына с ноября не изменился к худшему, «только кашель и короткое дыхание — вот что скверно... Ежедневно он по четыре часа прогуливается в экипаже и пьет минеральную воду и ослиное молоко».⁴⁴⁷ Обильное использование

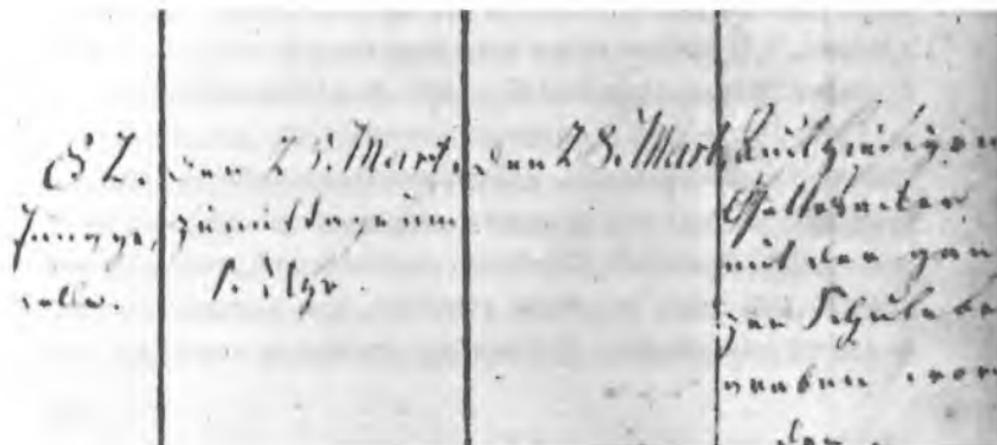
ослиного молока, начиная с античности и вплоть до девятнадцатого века, считалось особенно действенным средством против туберкулеза; длительные выезды по среди зимы и более здоровые натуры переносили с трудом. Поскольку оба лечащих врача в Дрездене сами были больны, отец настоял на возвращении в Вайсенфельс. Юлия сопровождала своего жениха. Тронулись в путь двадцатого января. Поездка из Дрездена в Лейпциг, на которую курьерской почтой требовалось тогда примерно двадцать часов, длилась три дня. Двадцать четвертого Новалис снова был в Вайсенфельсе. Там ему стало сначала несколько лучше. *С писанием дело идет пока еще плохо, но читать, думать и понимать я снова в состоянии*⁴⁴⁸, дает он знать амтману Юсту. Но улучшение было мимолетным. «С Фрицем дело обстоит неважно; перспективы с каждым днем все мрачнее; если бы его страдания не усиливались; пока что они еще выносимы»⁴⁴⁹, — пишет Карл пятнадцатого февраля Тику. И четыре дня спустя — Дитриху фон Мильтицу: «Тяжелые симптомы увеличиваются, и силы падают. Однако ему кажется, что теперь ему лучше»⁴⁵⁰. И в своей биографии Карл цитирует фразу, которую Новалис якобы произнес за несколько дней до смерти: *Если бы мне снова стало лучше, вот тогда вы бы узнали, что такое поэзия, у меня в голове чудные стихи и песни.*⁴⁵¹ В эти же дни у него возник совершенно новый проект для продолжения *Генриха фон Офтердингена*.

Ганс Георг фон Карлович посетил его двадцатого — двадцать первого марта, призванный самим больным, потому что «все врачи обещают ему всего несколько дней жизни»⁴⁵². Фридрих Шлегель, прибывший тремя днями позже, напротив, полагал: «Он сам, как кажется, не видит всей опасности... Гарденберг настроен очень друже-

любно и любовно, только крайне утомлен. У него опухли ноги и лицо, и потому он несколько изменился». ⁴⁵³ И вскоре после этого Шлегель еще раз заверяет, что Новалис не имел понятия о своей близкой смерти. Противоречия можно объяснить характерной формой эйфории при легочных заболеваниях, которую надворный советник Штарк сам однажды описал так: «Малейший проблеск облегчения уже подает им полную надежду. Они как угасающий огонь, когда одна капля масла вновь заставляет его вспыхивать, однако потом он тем скорее гаснет». ⁴⁵⁴

Двадцать пятого марта 1801 года брат Карл занес в свой дневник: «Фриц сносно спал, но был очень утомлен. Около восьми часов пришел доктор и заверил, что сегодня должен наступить конец». Примерно в девять часов Новалис попросил Карла что-нибудь сыграть ему на фортепиано и заснул под музыку. «Сейчас около половины одиннадцатого, он глубоко спит, хрипит, и дыхание надсадное; он просыпается только на мгновение и говорит невнятно; только по временам он приходит в себя, но вообще спокоен и, судя по внешнему виду, совсем не стра-

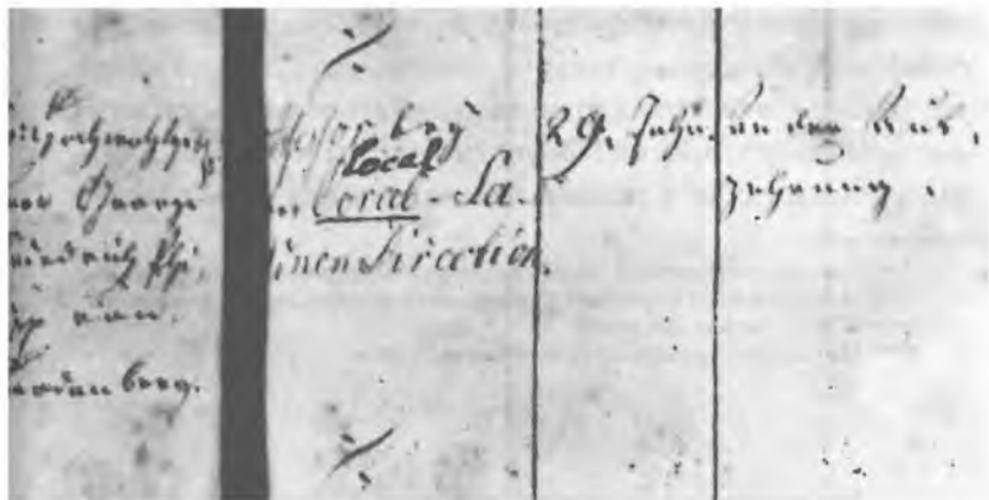
Запись о регистрации смерти в церковной книге Вайсенфельса

дает. ...Около половины первого он умер тихо и без всяких движений». ⁴⁵⁵ Брат и Фридрих Шлегель, друг, были при нем.

Спустя годы, когда уже пала империя Наполеона и прусский канцлер Карл Август фон Гарденберг вместе с Меттернихом заседал на Венском конгрессе, Генрик Стеффенс в письме к Людвигу Тику еще раз оглянулся на то, к чему так пылко и страстно стремились в краткий период симфилозофского и симпоэтического воодушевления в кружке Новалиса и Шлегелей. Он назвал это «духовной Вавилонской башней», «которую все умы должны видеть издалека. Но смешение языков погребло это творение гордыни под его собственными обломками». И хотя «всякого рода ростков было много», «в целом во всем этом было нечто гадкое» ⁴⁵⁶.

Творчество Фридриха фон Гарденберга — чистейшее выражение того времени, потому что оно полностью в нем заключено, тогда как его друзья имели для нового творчества еще десятилетия. Последующий мир, впрочем,

me. Seiner Hütte gewiß mehr Anspruch auf unsterblichen Ruhm, als der, durch dessen Schatz diese Pflanz unter den Menschen, wenn auch nicht aufgehoben, doch gemindert würde. Däter, den 29ten März 1801. Fernb. Lehr. Neufmann, Am. Zeit.

Unsere Freunden und Verwandten mache ich hierdurch bekannt, daß mein ältester Sohn, Herr Philipp Friedrich von Hardenberg, Assessor bey der Local-Calculationdirection, am 25ten dieses an 30 Anzählung im 29sten Jahre seines Alters gestorben ist, und verbitte alle Beyleidsversicherungen. Hofensich, den 30. März 1801. Heinrich Ulrich Erasmus von Hardenberg.

Der am 27. März Abends erfolgte glückliche Niederkunft meiner Frau mit einem Sohne, wech ich hierdurch meinen werthen Verwandten und Freunden erachtend bekaunt, und verbitte, übermorgen werden allerseitigen freundschaftlichen Theilnahme, alle Befehle, die ich zu diesem Behuf, den 28ten

Извещение о смерти в «Лейпцигской газете» от 1 апреля 1801

по большей части лишь иногда обращается к тем или иным идеям Новалиса: либо по обилию ростков, либо из-за этого «гадкого». При этом почитатели зачастую приносят больше вреда, нежели критики, которые ему по временам были роднее, когда они признавали его или хотя бы понимали. К Новалису не следует относиться как к идолу. Ультрамонтанские* имитаторы так называемого «новализма» в начале девятнадцатого века, так же как «перелетные птицы»**, распевавшие песни о голубом цветке под звуки цитры, религиозные мечтатели, как и мистагоги*** всякого калибра, притязали на него без достаточных оснований.

Но и там, где с добрыми намерениями в его произведениях выискивают тот или иной «фрагмент», который бы позволил считать его предтечей экзистенциальной философии или экспериментальной поэзии, упускают из виду внутреннюю связь этих произведений и вложенных в них автором представлений. Мышление не было для Новалиса самоцелью, да и поэзия оставалась для него всегда

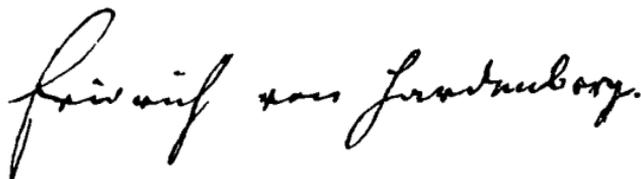
* Ультрамонтанство — радикальное течение в католицизме.

** Молодежное спортивно-туристическое движение в Германии в конце XIX — начале XX века.

*** Мистагог — руководитель таинств, жрец.

только средством, пусть высшим, утонченнейшим, сильнейшим, на пути к еще более высокой цели — *возвышению человека над самим собой*.

Разумеется, в такой претензии есть нечто рискованное, нечто «гадкое». Незрелым было многое и в проекте романтической «универсальной поэзии». Мир, который поэту следовало привести к единству с помощью своего чувства⁴⁵⁷, далеко еще не был пронцаем в своей сложности, и те противоречия, в которые Новалис был втянут своим временем и своею личностью, еще не могли быть полностью разрешены. Сомнения редко оставляли его. Но он попытался не дать им себя обескуражить. Для Новалиса речь шла о внутренней и внешней свободе, об устранении унижающих противоречий, о регенерации человеческого. Подобную мечту рассматривают скептически, но она, к счастью, неистребима.

A handwritten signature in black ink, reading "Friedrich von Schlegel". The script is cursive and elegant, with a large initial 'F' and a long, sweeping underline.

Могила в Вайсенфельсе

Примечания

При ссылках на источники используются следующие сокращения:

- Athenaeum — «Athenaeum. Eine Zeitschrift von August Wilhelm Schlegel und Friedrich Schlegel». [Атенеум. Журнал, издаваемый Августом Вильгельмом Шлегелем и Фридрихом Шлегелем.] Berlin 1798—1800. Новое издание: 3 Bde. Stuttgart 1960.
- НКА — Historisch-kritische Ausgabe [Историко-критическое издание], Bd. 1: 1960, 2 Aufl. 1977; Bd. 2: 1965, 2 Aufl. 1981; Bd. 3: 1968, 2 Aufl. 1983; Bd. 4: 1975; Bd. 5: 1988. Указанные в примечаниях данные относятся к соответствующим тому и странице.
- Nachlese — Sophie von Hardenberg: «Friedrich von Hardenberg (gen. Novalis). Eine Nachlese aus den Quellen des Familienarchivs» [София фон Гарденберг: «Фридрих фон Гарденберг (собств. Новалис). Собрание малоизвестных произведений из семейного архива»]. 2 Aufl. 1883.
- WdF — Wege der Forschung [Пути исследования] Bd. CCXLVIII: G. Schulz (Hg.): «Novalis. Beiträge zu Werke und Persönlichkeit Friedrich von Hardenbergs». Darmstadt 1986. Цит. по: Samuel, Ahnentafel (S. 106—131), Schulz, Berufslaufbahn (S. 283—356).

1 НКА 4, 558

2 НКА 4, 566

3 НКА 1, 209

4 WdF, S. 113

5	Nachlese, S. 5	32	HKA 4, 94
6	Nachlese, S. 5	33	HKA 4, 95
7	HKA 4, 566	34	HKA 4, 102
8	HKA 4, 632f	35	HKA 4, 98f
9	HKA 4, 86f	36	Nationalausgabe [Национальное (государственное) издание], Bd. 22, S. 247 und 256
10	HKA 4, 531		
11	HKA 4, 568		
12	HKA 4, 308f		
13	WdF, S. 285	37	HKA 4, 101
14	HKA 4, 79	38	HKA 4, 97
15	HKA 4, 531	39	HKA 4, 92
16	HKA 4, 309	40	HKA 4, 310
17	HKA 4, 309	41	HKA 4, 571f
18	HKA 1, 492	42	HKA 4, 572
19	HKA 1, 515	43	HKA 4, 572
20	HKA 1, 483	44	HKA 4, 572
21	Цит. по: H.-J. Mähl: «Die Idee des goldenen Zeitalters im Werk des Novalis». Heidelberg 1965, S. 453	45	HKA 4, 573
		46	HKA 4, 575f
22	HKA 4, 72	47	HKA 4, 573
23	HKA 4, 72	48	HKA 4, 352f
24	HKA 1, 24	49	HKA 4, 104
25	Nationalausgabe [Национальное (государственное) издание], Bd. 22, S. 254 und 246	50	HKA 4, 105
26	HKA 4, 94	51	HKA 4, 106
27	HKA 2, 25	52	HKA 4, 107
28	Karoline von Wolzogen: «Schillers Leben». Stuttgart o.J., S. 645	53	HKA 4, 108
		54	HKA 4, 110
29	HKA 1, 538f; Wielands Nachschrift, S. 645	55	HKA 4, 109f
		56	HKA 4, 113
30	HKA 4, 570	57	Цит. по: H. Eberhard: «Goethes Umwelt». Weimar 1951
31	HKA 4, 90		
		58	HKA 4, 136
		59	HKA 4, 123
		60	HKA 4, 354
		61	HKA 4, 124
		62	HKA 4, 359
		63	HKA 4, 117

- 64 НКА 4, 120
65 НКА 4, 369
66 НКА 4, 140
67 НКА 4, 140f
68 НКА 4, 146
69 НКА 4, 578
70 НКА 4, 368
71 НКА 1, 385
72 НКА 2, 494
73 НКА 4, 121
74 НКА 4, 540
75 НКА 4, 145
76 НКА 4, 147
77 Werke und Schriften.
Stuttgart 1957, Bd. 2,
S. 1026f
78 НКА 4, 367
79 НКА 4, 210
80 НКА 4, 532
81 НКА 4, 365
82 НКА 4, 367f
83 НКА 4, 389
84 НКА 4, 587
85 НКА 4, 152
86 НКА 1, 393
87 НКА 1, 387
88 НКА 4, 24f
89 НКА 4, 25
90 НКА 4, 160
91 НКА 4, 159
92 НКА 4, 572
93 J. L. Döderlein: «Neue
Hegel-Dokumente». См.
журнал по истории ре-
лигии и духовного раз-
вития: Zs. f. Religions
und Geistesgeschichte 1
(1948), S. 7
94 Цит. по: F. Medicus:
«Fichtes Leben». См.:
Fichtes Werke. Leipzig
o.J. Bd. 1, S. 73
95 Athenaeum, Bd. 1, S. 232
96 НКА 4, 230
97 НКА 2, 157
98 НКА 2, 155
99 НКА 2, 155
100 НКА 2, 281
101 НКА 2, 291
102 НКА 2, 291
103 НКА 2, 237
104 НКА 2, 248f
105 НКА 4, 172
106 НКА 4, 176
107 НКА 4, 188
108 НКА 4, 598f
109 НКА 4, 629
110 НКА 4, 286
111 НКА 4, 163
112 НКА 4, 169f
113 НКА 4, 170
114 НКА 4, 155
115 НКА 2, 235
116 НКА 2, 258
117 НКА 2, 257
118 НКА 4, 193
119 НКА 4, 161
120 НКА 4, 594
121 НКА 4, 448
122 НКА 4, 190
123 НКА 4, 191
124 НКА 4, 449
125 НКА 4, 453
126 НКА 4, 452

- 127 HKA 4, 457
 128 HKA 4, 458
 129 HKA 4, 462
 130 HKA 4, 467
 131 HKA 4, 471
 132 HKA 4, 204
 133 HKA 4, 201
 134 HKA 4, 204, 207f
 135 HKA 4, 206
 136 HKA 4, 209, 211
 137 «Die unsichtbare Loge»,
 25. Sektor, Extrablatt
 138 HKA 4, 213
 139 HKA 4, 406
 140 HKA 4, 209f
 141 HKA 4, 38
 142 HKA 4, 30, 33, 49
 143 HKA 4, 38
 144 HKA 4, 34
 145 HKA 4, 31
 146 HKA 4, 29, 30, 34
 147 HKA 4, 30, 35, 36, 40
 148 HKA 4, 38
 149 HKA 4, 45
 150 HKA 4, 29 u.ö.
 151 HKA 4, 32
 152 HKA 4, 30
 153 HKA 4, 36f
 154 HKA 4, 33
 155 HKA 4, 35
 156 HKA 4, 35
 157 HKA 4, 35f
 158 HKA 4, 36
 159 R. Unger: «Jean Paul und
 Novalis». См.: Gesammelte
 Studien. Berlin 1929,
 Bd. 2, особенно S. 113ff
 160 HKA 4, 40
 161 HKA 4, 222
 162 HKA 4, 48 (wörtlich: «Xstus
 und Sophie»)
 163 HKA 4, 31
 164 HKA 4, 48
 165 HKA 4, 32
 166 HKA 4, 39
 167 HKA 4, 44
 168 HKA 4, 39
 169 HKA 4, 607
 170 HKA 4, 38
 171 HKA 4, 41
 172 HKA 4, 229
 173 HKA 4, 45
 174 HKA 4, 202f
 175 HKA 4, 204
 176 HKA 4, 215
 177 HKA 4, 219f
 178 HKA 4, 204
 179 HKA 4, 481
 180 HKA 4, 230
 181 HKA 4, 49
 182 HKA 4, 608
 183 HKA 4, 235f
 184 WdF, S. 297
 185 HKA 4, 236
 186 HKA 2, 374
 187 HKA 2, 374
 188 HKA 2, 395
 189 HKA 4, 237
 190 HKA 4, 240
 191 HKA 4, 243
 192 HKA 4, 298
 193 HKA 4, 287
 194 HKA 4, 298
 195 HKA 4, 613

- 196 Bergmännischer Kalender für das Jahr 1791 [Календарь горных работ на 1791 год]. Freyberg 1791, S. 119
- 197 HKA 1, 399
- 198 HKA 1, 400
- 199 HKA 1, 400
- 200 O. Walzel: «Friedrich Schlegels Briefe an seinen Bruder August Wilhelm». Berlin 1890, S. 316
- 201 HKA 4, 251
- 202 Nationalausgabe [Национальное (государственное) издание], Bd. 34. I, S. 96
- 203 HKA 4, 242
- 204 HKA 4, 491
- 205 Athenaeum, Bd.1, S. 230
- 206 HKA 4, 242
- 207 D. Feibiger: «Dreizehn Briefe Wielands». См.: Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft 11 (1925), S. 263
- 208 K.A. Böttiger: «Literarische Zustände und Zeitgenossen». Leipzig 1838, Bd. 2, S. 180
- 209 HKA 4, 506
- 210 HKA 4, 252
- 211 HKA 4, 270f
- 212 HKA 2, 417/419
- 213 HKA 2, 423
- 214 HKA 2, 455
- 215 HKA 2, 421
- 216 HKA 2, 443
- 217 HKA 2, 447/449
- 218 HKA 2, 427
- 219 HKA 2, 441
- 220 HKA 2, 525f
- 221 HKA 2, 372
- 222 HKA 2, 468
- 223 HKA 2, 437
- 224 HKA 2, 459
- 225 HKA 2, 459
- 226 HKA 2, 463
- 227 Weimarer Ausgabe [Веймарское издание], III 2, S. 203
- 228 Henrik Steffens: «Was ich erlebte». München 1956, S. 78
- 229 HKA 4, 256f
- 230 HKA 2, 640
- 231 Steffens, a.a. O., S. 116
- 232 HKA 4, 253
- 233 HKA 4, 253
- 234 HKA 2, 485
- 235 HKA 2, 494
- 236 HKA 2, 495
- 237 HKA 2, 486
- 238 HKA 2, 487
- 239 HKA 2, 489
- 240 HKA 2, 490
- 241 HKA 2, 494
- 242 HKA 2, 498
- 243 HKA 4, 497
- 244 HKA 2, 479
- 245 HKA 4, 499
- 246 HKA 4, 494
- 247 HKA 2, 497
- 248 HKA 2, 492

- 249 HKA 4, 254
 250 HKA 2, 545
 251 Athenaeum, Bd. 1, S. 204
 252 HKA 2, 535
 253 HKA 4, 251
 254 J.W.Ritter: «Beweis, dass ein beständiger Galvanismus den Lebensprocess in dem Thierreich begleite». Weimar 1798, S. 171
 255 HKA 1, 404
 256 HKA 2, 584
 257 HKA 4, 254
 258 HKA 2, 651
 259 HKA 3, 316
 260 HKA 2, 541
 261 HKA 2, 548
 262 HKA 2, 546
 263 HKA 2, 546f
 264 HKA 2, 547
 265 HKA 3, 358
 266 HKA 3, 358
 267 HKA 3, 305
 268 HKA 3, 311
 269 HKA 3, 448
 270 HKA 3, 301
 271 HKA 4, 255
 272 HKA 4, 262f
 273 HKA 3, 475
 274 G.L. Plitt: «Aus Schellings Leben». Leipzig 1869, Bd. 1, S. 432
 275 L.Jonas und W. Dilthey: «Aus Schleiermacher's Leben». Berlin 1858—1863, Bd. 3, S. 76f
 276 J.Körner: «Krisenjahre der Frühromantik». Bern/München, 2. Aufl. 1969, Bd. 1, S. 7
 277 HKA 4, 255
 278 HKA 4, 260
 279 HKA 4, 263
 280 HKA 4, 269
 281 HKA 3, 280
 282 HKA 4, 258
 283 HKA 4, 249f
 284 HKA 4, 312f
 285 HKA 4, 313
 286 HKA 4, 268
 287 HKA 4, 273
 288 HKA 4, 518
 289 HKA 4, 311
 290 HKA 4, 267
 291 HKA 3, 613ff
 292 HKA 4, 268f
 293 HKA 4, 262
 294 HKA 4, 277
 295 HKA 3, 464
 296 HKA 4, 268
 297 HKA 4, 516
 298 HKA 4, 520
 299 HKA 4, 279
 300 HKA 3, 248
 301 HKA 3, 247
 302 HKA 4, 276
 303 HKA 4, 275
 304 HKA 4, 281
 305 HKA 1, 108
 306 HKA 4, 281
 307 HKA 4, 280
 308 HKA 4, 288
 309 HKA 4, 634 und «Beruf-

- slaufbahn» WdF, S. 337
 310 HKA 4, 314
 311 HKA 4, 266
 312 HKA 2, 559
 313 HKA 3, 758f
 314 HKA 4, 293
 315 HKA 4, 293f
 316 HKA 4, 555
 317 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 128f
 318 Schleiermacher: «Über die
 Religion». Berlin 1799,
 S. 51
 319 HKA 4, 272
 320 HKA 1, 288
 321 HKA 3, 493
 322 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 128f
 323 HKA 4, 275
 324 J.W.Ritter: «Fragmente
 aus dem Nachlasse eines
 jungen Physikers». Hei-
 delberg 1810, Bd. 1,
 S.XVIIIf
 325 HKA 4, 319
 326 HKA 3, 655
 327 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 132
 328 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 134
 329 HKA 4, 558
 330 HKA 3, 509
 331 Цит. по: Deutsche Litera-
 tur. Reihe Romantik, Bd. 9:
 Satiren und Parodien.
 Leipzig 1935, S. 179f
 332 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 127
 333 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 132f
 334 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 139
 335 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 125
 336 Jonas/Dilthey, Bd. 3,
 S. 143
 337 HKA 3, 507ff
 338 HKA 3, 510
 339 HKA 3, 515
 340 HKA 3, 517
 341 HKA 3, 524
 342 HKA 3, 517f
 343 HKA 3, 524
 344 I.Kant: «Die Religion
 innerhalb der Grenzen
 der bloßen Vernunft».
 См.: Werke. Berlin 1922—
 1923, Bd. 6, S. 278
 345 Schleiermacher, a.a.O.,
 S. 199ff
 346 HKA 3, 521
 347 HKA 3, 523
 348 HKA 3, 510
 349 HKA 3, 513
 350 HKA 3, 519f
 351 HKA 2, 461
 352 HKA 4, 317f
 353 HKA 3, 588
 354 HKA 1, 160
 355 HKA 1, 163
 356 HKA 1, 164
 357 HKA 1, 165
 358 HKA 4, 323
 359 HKA 1, 131

- 360 HKA 1, 133
361 HKA 1, 153
362 HKA 1, 135
363 HKA 1, 139
364 HKA 1, 137
365 HKA 1, 157
366 HKA 4, 297
367 HKA 2, 570
368 HKA 2, 642
369 HKA 3, 646f
370 HKA 1, 242
371 HKA 1, 196f
372 HKA 1, 203
373 HKA 1, 213
374 HKA 1, 312
375 HKA 1, 276
376 HKA 1, 325
377 HKA 1, 257
378 HKA 2, 564
379 HKA 3, 248
380 HKA 1, 211
381 HKA 1, 220f
382 HKA 1, 222
383 HKA 1, 225
384 HKA 1, 227
385 HKA 1, 268
386 HKA 1, 265
387 HKA 1, 281
388 HKA 1, 332
389 HKA 1, 320
390 HKA 4, 322
391 HKA 1, 294
392 HKA 4, 333
393 HKA 1, 312
394 HKA 1, 314f
395 HKA 1, 315
396 HKA 2, 492
397 Athenaeum, Bd. 3, S. 95f
398 HKA 1, 345
399 HKA 1, 347
400 HKA 1, 343
401 HKA 1, 300
402 HKA 3, 654
403 HKA 4, 329f
404 HKA 4, 328
405 HKA 4, 322, сравн. так-
же HKA 3, 682f
406 HKA 4, 331
407 HKA 4, 325
408 HKA 4, 149
409 HKA 3, 652f
410 HKA 3, 793
411 HKA 3, 787
412 HKA 4, 322
413 HKA 1, 414
414 HKA 1, 418
415 HKA 1, 363f
416 vgl. HKA 5, 51ff
417 HKA 4, 556
418 HKA 4, 560
419 HKA 4, 605
420 E. Schmidt: «Caroline».
Leipzig 1913, Bd. 2,
S. 160.
421 HKA 4, 235
422 HKA 4, 312
423 HKA 4, 258
424 HKA 3, 659
425 HKA 3, 667
426 HKA 3, 667
427 HKA 3, 658
428 HKA 3, 662f
429 HKA 1, 160
430 HKA 3, 686f

- 431 HKA 3, 669
432 HKA 3, 661f
433 HKA 2, 576
434 HKA 3, 684
435 HKA 4, 56
436 HKA 4, 58
437 HKA 3, 667
438 HKA 4, 534
439 HKA 4, 57
440 HKA 4, 59
441 Schmidt, a.a. O., Bd. 2,
S. 160
442 HKA 4, 666
443 «Berufslaufbahn», WdF,
S. 353
444 HKA 4, 343
445 HKA 4, 670
446 HKA 4, 670
447 HKA 4, 672
448 HKA 4, 344
449 HKA 4, 676
450 HKA 4, 676
451 HKA 4, 535
452 HKA 4, 678
453 HKA 4, 679
454 Цит. по: Fischer: «Die
Krankheitsauffassung
Friedrich von Harden-
bergs». См.: Arzt und Hu-
manismus. Zürich/Stutt-
gart 1962, S. 269
455 HKA 4, 679f
456 K. v. Holtei: «Briefe an
Ludwig Tieck». Breslau
1864, Bd. 4, S. 65
457 HKA 3, 686

Хронологическая таблица

- 1772 2 мая: Георг Филипп Фридрих фон Гарденберг родился в Обервидерштедте
Родители: Генрих Ульрих Эразм фон Гарденберг (1738—1814) и Августа Бернардина, урожд. фон Бельциг (1749—1818)
Старшая сестра: Каролина (1771—1801)
- 1774 9 августа: родился брат Эразм (ум. 1797)
- 1776 13 марта: родился брат Карл (ум. 1813)
- 1779 16 мая: родилась сестра Сидония (ум. 1801)
- 1780 Тяжелая дизентерия
- 1781 28 июля: родился брат Георг Антон (ум. 1825)
- 1783 1 апреля: родилась сестра Августа (ум. 1804). Как следствие — тяжелая физическая и душевная болезнь матери
Пребывание в замке Луклум у дяди Готлоба Фридриха Вильгельма фон Гарденберга (1728—1800)
- 1784 18 декабря: назначение Генриха Ульриха Эразма фон Гарденберга директором саксонского соляного производства в Дюрренберге, Кезене и Артерне
- 1785 Переезд семьи из Обервидерштедта в Вайсенфельс
- 1787 5 февраля: родился брат Бернгард (ум. 1800)

- 1788 Первые стихи
- 1789 май: встреча с Готфридом Августом Бюргером в Лангендорфе близ Вайсенфельса
Стихи, стихотворные рассказы и переводы
- 1790 июнь—октябрь: посещение Лютеровской гимназии в Эйслебене
23 октября: поступление в Йенский университет
- 1791 Отношения с Фридрихом Шиллером
апрель: первая публикация: стихотворение *Жалобы юноши* в «Новом Немецком Меркурии»
24 октября: поступление в Лейпцигский университет
26 ноября: родился брат Петер Вильгельм (ум. 1811)
- 1792 январь: первая встреча с Фридрихом Шлегелем в Лейпциге
- 1793 апрель: переход в Виттенбергский университет
27 мая: запись в студенты
19 августа: родилась сестра Амалия (ум. 1814)
- 1794 14 июня: сдан экзамен по праву в Виттенберге
конец июня—октябрь: в Вайсенфельсе
25 октября: переезд в Теннштедт
8 ноября: поступление на службу в качестве актуариуса при окружном управлении в Теннштедте
17 ноября: первая встреча с Софией фон Кюн (род. 17 марта 1782) в Грюнингене близ Теннштедта

- 19 декабря: родился брат Ганс Кристоф (ум. 1816)
- 1795 15 марта: неофициальная помолвка с Софией фон Кюн
лето: встреча с Иоганном Готлибом Фихте и Фридрихом Гёльдерлином у Фридриха Иммануила Нитхаммера в Йене
осень: начало изучения Фихте. — Светские стихи
ноябрь: болезнь Софии фон Кюн
30 декабря: назначение ассессором при дирекции соляного производства в Вайсенфельсе
- 1796 январь: двухнедельный курс химии у Иоганна Христиана Виглеба в Лангензальца
февраль: начало службы в Вайсенфельсе
май: посещение замка Гарденберг близ Нертена
5 июля: первая операция Софии фон Кюн в Йене
начало августа: визит Фридриха Шлегеля в Вайсенфельс. Последующие взаимные визиты в Йене и Вайсенфельсе
декабрь: возвращение Софии фон Кюн в Грюнинген
- 1797 1—10 марта: последнее при жизни Софии посещение Грюнингена
19 марта: смерть Софии фон Кюн
12 апреля—31 мая: в Теннштедте и Грюнингене
14 апреля: смерть Эразма фон Гарденберга
16 апреля: Пасхальное воскресенье. Пер-

вое посещение могилы Софии
18 апреля: начало ведения *Журнала*
лето: встреча в Йене с Августом Вильгельмом и Каролиной Шлегель
сентябрь: решение продолжить образование в Горной академии во Фрейберге
октябрь—ноябрь: изучение трудов Гемстергейса
1 декабря: первая встреча с Фридрихом Вильгельмом Йозефом Шеллингом в Лейпциге
Начало учения во Фрейберге
Во Фрейберге: отношения с Абрагамом Готлобом Вернером и семейством Шарпантье
Поездка в Дрезден и Зибенэйхен
22 января: стихотворение *Посторонний*
29 марта: с Августом Вильгельмом Шлегелем в Йене у Гёте, вечером — у Шиллера
апрель: появление первого номера «Атенеума» с *Цветочной пылью* (под псевдонимом «Новалис»). Работа над *Учениками в Саусе*
июнь—июль: *Цветы и Вера и любовь* Новалиса вышли в свет
Другие фрагментарные заметки о романтической философии и поэзии; *Диалоги и Монолог*. Начало естественнонаучных занятий
15 июля — середина августа: лечение в Теплице
25—26 августа: посещение Дрезденской галереи с Шеллингом, братьями Шлегель и др.
сентябрь: начало *Всеобщего Brouillon'a*

- октябрь: первая встреча с Жан-Полем
декабрь: помолвка с Юлией фон Шарпан-
тье (16 марта 1776 — 2 сентября 1811)
- 1799 середина мая: возвращение в Вайсенфельс
20 мая — 15 июня: в качестве секретаря
Юлиуса Вильгельма фон Оппеля на ин-
спектировании соляного производства
17 июля: первая встреча с Людвигом
Тиком в Йене. Посещение Гердера
21 июля: второй визит к Гёте в Веймаре
Возникновение первых *духовных песен*
начало августа: встреча с Генриком Стеф-
фенсом во Фрейберге
конец августа: поездка в Оберлаузиц к бу-
дущему зятю Фридриху фон Рехенбергу
сентябрь—октябрь: изучение «Речей о ре-
лигии» Шлейермахера и пометы на полях
«Идей» Фридриха Шлегеля
октябрь—ноябрь: *Христианство или Ев-
ропа*, дальнейшие *духовные песни*
11—14 ноября: встреча романтиков в Йене
(братья Шлегель, Тик, Шеллинг, Риттер)
конец ноября: в Артерне. Начало работы
над *Генрихом фон Офтердингеном*
7 декабря: назначение на должность асес-
сора соляного производства
- 1800 январь: завершение рукописной редакции
Гимнов к ночи
Интенсивное изучение трудов Якоба Бёме
5 апреля: окончание работы над первой
частью *Генриха фон Офтердингена*
10 апреля: ходатайство о назначении на

должность начальника ведомства в Тюрингском округе

1—16 июня: геологическое обследование территории между Цейцем, Герой, Борной и Лейпцигом совместно со студентом горного дела Фридрихом Трауготом Михаэлем Гауптом

20—22 июля: Людвиг Тик в Вайсенфельсе
июль—сентябрь: планы продолжения *Генриха фон Офтердингена*; стихотворения к нему, среди них *Песнь мертвых*.— Заметки по медицинским, религиозным и поэтическим проблемам

август: *Гимны к ночи* Новалиса опубликованы в пересмотренной редакции в шестом номере «Атенеума»

Ухудшение состояния здоровья

28 сентября: отправка реферата для соискания места начальника ведомства

октябрь: поездка в Зибенэйхен, Мейсен и Дрезден

28 октября: смерть брата Бернгарда

6 декабря: назначение на должность сверхштатного начальника ведомства в Тюрингском округе

1801

20—24 января: возвращение из Дрездена в Вайсенфельс

20 марта: Ганс Георг фон Карлович в Вайсенфельсе

23 марта: Фридрих Шлегель приезжает в Вайсенфельс

25 марта: смерть Фридриха фон Гарденберга

Свидетельства

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ

Дружественные слова «симпатичный мечтатель», «поэтический сновидец» так же легко сказать или написать, как и недружелюбные «немецкий мистик» или «безумный рапсод»; но они в данном случае мало что говорят. Если мы не слишком заблуждаемся, Новалис не может быть зачислен ни в одну из этих категорий; гораздо больше он принадлежит к более высокой и менее известной, значение которой, впрочем, точно так же заслуживает изучения и которая открывается нам также лишь после продолжительных усилий...

Мы могли бы сказать, что наиболее выдающееся из того, что мы заметили в Новалисе, та воистину чудесная утонченность его интеллекта есть его способность к предельной абстракции, его способность своим острым зрением преследовать глубочайшие и тончайшие мысли в тысячах их ответвлений и проникать вплоть до границ человеческого мышления.

Новалис. 1829

РИКАРДА ХУХ

Он сам определял философию как тоску по дому, как жажду повсюду быть дома. Новалис был рожден таким философом. Его стремление, рассматривая вещи, продвигаться от причины к причине и затем, как по веревочной лестнице, спускаться вглубь, и создает истинного фило-

софа. Оставаться на внешней стороне вещей было для него совершенно невозможно; будучи эфирным телом, его дух углублялся в самую суть. Так что он был философом всегда, в любое мгновение, всеми теми силами, которыми он обладал как человек, вследствие чего с ним не могло случиться, чтобы он защищал какую-то теорию, а в жизни действовал вопреки ей. Его философия, как и его поэзия, была его жизнью: воспринятое из жизни и в ней же находящее применение.

Время расцвета романтизма. 1899

КРИСТОФЕР БРЕННАН

Вершина его творчества — *Песнь мертвых*. Это не только его шедевр, это одно из тех совершенных произведений искусства, которые и в жизни великого поэта случаются лишь однажды, это один из шедевров мировой литературы, чудо неземной музыки и совершенной адекватности выражения. Невозможно его перевести; для этого нужно было бы жить собственной жизнью поэта, пройти через все его переживания и одновременно самому испытать мельчайшие из его впечатлений. Одной уникальной и удивительной игры ритмами довольно, чтобы отнять у переводчиков мужество. Я мог бы только отослать всех, кто знает немецкий, к оригиналу, а всем прочим посоветовать как можно скорее выучить язык, чтобы иметь возможность прочитать это.

Новалис. 1904

ГЕОРГ ЛУКАЧ

Новалис — единственный настоящий поэт романтической школы, только в нем вся душа романтизма стала песней, и только в нем именно она. Другие, если они вооб-

ще были поэтами, были просто романтическими поэтами; просто романтика дала им новые мотивы, просто изменила направление их развития или обогатила их, но они уже были поэтами, прежде чем распознали в себе эти новые чувства, и оставались таковыми и после того, как отвернулись от всякой романтики. Жизнь и произведения Новалиса образуют — ничего не поделаешь, это общее место является единственно точной формулировкой — неразрывное единство, и в качестве такого единства они являются символом всей романтики; кажется, что брошенная в жизнь и там заплутавшая романтическая поэзия была спасена самой его жизнью, вновь став поэзией прозрачно-чистой и подлинной.

Новалис. 1907

ГЕОРГ ТРАКЛЬ

Новалису

*В темной земле покоится чуждый пришелец,
Жалобу нежных уст воспринял Господь,
Ибо в цветенье поник.
Голубой цветок,
Продолжает жить его песнь в ночном
приюте страданий.*

Около 1912

ТОМАС МАНН

Новалис произнес глубокое, биологически-моральное слово, нагруженное знанием радости и нравственности, свободы и формы. Послушаем: «Стремление наших элементов направлено на дезоксидацию. Жизнь есть принудительная оксидация». Здесь смерть постигнута как вос-

хитительная загадка и как обольщение, порыв наших элементов к свободе, бесформенности и к хаосу, жизнь же — как синоним долга. Не это ли повело мечтавшего о брачной ночи чахоточного юношу к его идеям о государстве и прекрасном человеческом обществе?

О немецкой республике. 1922

ГЕРМАН ГЕССЕ

Он оставил самое удивительное и таинственное творение, какое только знала история немецкого духа. Точно так же как его короткая, внешне лишенная поступков жизнь производит впечатление удивительной полноты, как каждое чувственное проявление и проявление духовное кажутся исчерпанными, так и руны этого творчества скрывают под игривой, обольстительно цветистой поверхностью все бездны духа, обожествление через дух и отчаяние в духе. Свою собственную судьбу Новалис пережил, сознавая и веруя, отдавая себе отчет в ее трагизме и все же превозмогая его, потому что творческое благочестие позволило ему мало почитать смерть.

*Послесловие к книге «Новалис.
Документы его жизни и смерти». 1924*

Библиография

Библиография дает представление о наиболее существенных изданиях Новалиса и предлагает представительную подборку трудов о поэте.

Для ряда названий используются сокращения:

- DVJ = Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte
GRM = Germanisch-Romanische Monatsschrift (N. F. = Neue Folge)
JEGP = Journal of English and Germanic Philology
PMLA = Publications of the Modern Language Association of America
WdF = Schulz, Gerhard (Hg.): Novalis. Beiträge zu Werk und Persönlichkeit Friedrich von Hardenbergs. 2., erw. Aufl. Darmstadt, 1986 (Wege der Forschung).

1. Библиографические указатели и вспомогательные источники

- HAUSSMANN, J. F.: German Estimates of Novalis from 1800 to 1850. In: *Modern Philology* 9 (1911—1912), S. 399—415
HAUSSMANN, J. F.: Die deutsche Kritik über Novalis von 1850—1900. In: *JEGP* 12 (1913), S. 211—244
SAMUEL, RICHARD: Novalis (Friedrich Freiherr von Hardenberg). Der handschriftliche Nachlaß des Dichters. Auktionskatalog mit beschreibendem Verzeichnis. Berlin 1930; Neudruck: Hildesheim, 1973

Раздел дан в сокращенном виде.

- MULLER-SEIDEL, WALTER: Probleme neuerer Novalisforschung. In: GRM N.F. 3 (1953), S. 274—292
- SAMUEL, RICHARD: Zur Geschichte des Nachlasses Friedrich von Hardenbergs (Novalis). In: Jb. der deutschen Schillergesellschaft 2 (1958), S. 301—347
- SCHULZ, GERHARD (Hg.): Novalis. Beiträge zu Werk und Persönlichkeit Friedrich von Hardenbergs. Darmstadt 1986 (siehe Abk.: WdF)
- UERLINGS, HERBERT: Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis. Werk und Forschung. Stuttgart 1991

2. Первоиздания, относящиеся ко времени жизни Новалиса

- Klagen eines Jünglings. In: Der Neue Teutsche Merkur vom Jahre 1791. Hg. von C. M. WIELAND. Erster Band. Weimar 1791. S. 410—413
- Blüthenstaub. In: Athenaeum. Eine Zeitschrift von AUGUST WILHELM SCHLEGEL und FRIEDRICH SCHLEGEL. Ersten Bandes Erstes Stück. Berlin 1798. S. 70—106
- Blumen. In: Jahrbücher der Preußischen Monarchie unter der Regierung von Friedrich Wilhelm III. Hg. von F. E. RAMBACH. Bd. II. Berlin 1798. S. 184 f.
- Glauben und Liebe oder der König und die Königin. In: Jahrbücher der Preußischen Monarchie unter der Regierung von Friedrich Wilhelm III. Hg. von F. E. RAMBACH. Bd. II. Berlin 1798. S. 269—286
- Hymnen an die Nacht. In: Athenaeum. Eine Zeitschrift von AUGUST WILHELM SCHLEGEL und FRIEDRICH SCHLEGEL. Dritten Bandes Zweites Stück. Berlin 1800. S. 188—204

3. Издания сочинений Новалиса

- Novalis. Schriften. Hg. von FRIEDRICH SCHLEGEL und LUDWIG TIECK. 2 Theile. Berlin 1802—2. Aufl. 1805; 3. Aufl. 1815; 4. Aufl. 1826; 5. Aufl. 1837

- Novalis. Schriften. Hg. von LUDWIG TIECK und EDUARD VON BULOW. Dritter Theil. Berlin 1846
- Novalis. Schriften. Kritische Neuausgabe auf Grund des handschriftlichen Nachlasses. Hg. von ERNST HEILBORN. 2 Theile in 3 Bänden. Berlin 1901
- Novalis. Schriften. Hg. von JAKOB MINOR. 4 Bde. Jena 1907
- Novalis. Schriften. Im Verein mit RICHARD SAMUEL hg. von PAUL KLUCKHOHN. Nach den Handschriften ergänzte und neugeordnete Ausgabe. 4 Bde. Leipzig 1929
- Novalis. Schriften. Die Werke Friedrich von Hardenbergs. Begründet von PAUL KLUCKHOHN und RICHARD SAMUEL. Hg. von RICHARD SAMUEL (+) in Zusammenarbeit mit HANS-JOACHIM MÄHL und GERHARD SCHULZ. Bd. 1: Das dichterische Werk. Stuttgart 1960, 1977²; Bd. 2: Das philosophische Werk I. Stuttgart 1965, 1981²; Bd. 3: Das philosophische Werk II. Stuttgart 1968, 1983²; Bd. 4: Tagebücher, Briefwechsel, Zeitgenössische Zeugnisse. Stuttgart 1975; Bd. 5: Materialien und Register. Stuttgart 1988
- Novalis. Werke. Hg. und kommentiert von GERHARD SCHULZ. München 1969, 1981²
- Novalis. Werke, Tagebücher und Briefe Friedrich von Hardenbergs. Hg. von HANS-JOACHIM MÄHL und RICHARD SAMUEL. 3 Bde. München 1987 (Bd. 3: Kommentar von Hans Jürgen Balmes)

4. Письма и воспоминания

- HARDENBERG, SOPHIE VON: Friedrich von Hardenberg (genannt Novalis). Eine Nachlese aus den Quellen des Familienarchivs hg. von einem Mitglied der Familie. Gotha 1873—2. Aufl. 1883
- PREITZ, MAX: Friedrich Schlegel und Novalis — Biographie einer Romantikerfreundschaft in ihren Briefen. Darmstadt 1957
- SAMUEL, RICHARD: Ahnentafel des Dichters Friedrich von Hardenberg (genannt Novalis). Ahnentafeln berühmter Deutscher. Leipzig 1929 (in: WdF, S. 106—130)

MAHL, HANS-JOACHIM (Hg.): Novalis. Dichter über ihre Dichtungen Bd. 15. München 1976

5. *Общие работы*

- HARDENBERG, KARL VON: Lebensbeschreibung seines Bruders Philipp Freidrich Freiherr von Hardenberg (Novalis). Murnau 1940 (Des Bücherfreundes Fahrten ins Blaue. 30) — Kritisch abgedruckt von R. Samuel in: Euphorion 52 (1958), S. 174—182 = HKA 4, 531—535
- JUST, AUGUST COELESTIN: Freidrich von Hardenberg. In: Nekrolog der Teutschen für das neunzehnte Jahrhundert. Hg. von Friedrich Schlichtegroll. 4 Bd. Gotha 1805. S. 187—261 = HKA 4, 536—550
- TIECK, LUDWIG: Vorrede zur dritten Auflage [von Novalis' Schriften]. Berlin 1815. Bd. 1. S. XI—XXXVIII=HKA 4, 551—560
- CARLYLE, THOMAS: Novalis. In: Foreign Review 1829. No. 7 und in: Carlyle, Essays on the Greater German Poets and Writers. London 1829
- ECHTERMAYER, THEODOR, und ARNOLD RUGE: Novalis. In: Hallische Jahrbücher für deutsche Wissenschaft und Kunst 1839. Sp. 2136—2152 (in: WdF, S. 1—19)
- DILTHEY, WILHELM: Novalis. In: Preußische Jahrbücher 15 (1865), S. 596—650 — Später in: Dilthey, Das Erlebnis und die Dichtung. Leipzig 1905
- SCHUBART, A.: Novalis' Leben, Dichten und Denken. Auf Grund neuerer Publikationen im Zusammenhang dargestellt. Gütersloh 1887
- BING, JUST: Novalis (Friedrich v. Hardenberg). Eine biographische Charakteristik. Hamburg-Leipzig 1893
- HEILBORN, ERNST: Novalis, der Romantiker. Berlin 1901
- BLEI, FRANZ: Novalis. Berlin 1904.
- BRENNAN, CHRISTOPHER: Novalis. [1904] in: The Prose. Sydney 1962. S. 105—131
- SCHLAF, JOHANNES: Novalis und Sophie von Kühn. Eine psychophysiologische Studie. München 1906

- LUKÁCS, GEORG VON: Novalis. [1907] In: Lukács, Die Seele und die Formen. Berlin 1911. S. 93—117 (in: WdF, S. 20—35)
- LICHTENBERGER, HENRI: Novalis. Paris 1912
- BALTHASAR, HANS URS VON: Novalis. In: Balthasar, Apokalypse der deutschen Seele. Bd. 1. Salzburg-Leipzig 1937 — 2. Aufl. unter dem Titel: Prometheus. Studien zur Geschichte des deutschen Idealismus. Heidelberg 1947. S. 255—292
- BARTH, KAPL: Novalis. In: Barth, Die protestantische Theologie im 19. Jahrhundert. Zürich 1947 — 3. Aufl. 1960. S. 303—342
- MILTITZ, MONICA VON: Novalis. Romantisches Denken zur Deutung unserer Zeit. Berlin 1948
- HEDERER, EDGAR: Novalis. Wien 1949
- HIEBEL, FRIEDRICH: Novalis. Der Dichter der blauen Blume. München 1951. 2. Aufl. 1972
- HAMBURGER, MICHAEL: Novalis. In: Hamburger, Reason and Energy. Studies in German Literature. London 1957. S. 71—104
- KLUCKHOHN, PAUL: Friedrich von Hardenbergs Entwicklung und Dichtung. Einleitung zu: Novalis. Schriften, Bd. 1. Stuttgart 1960. S. 1—67
- GARNIER, PIERRE: Un tableau synoptique de la vie et des oeuvres de Novalis et des événements artistiques, littéraires et historiques de son époque. Une suite iconographique accompagnée d'un commentaire sur Novalis et son temps. Une étude sur l'écrivain. Paris 1962
- RITTER, HEINZ: Der unbekannte Novalis. Friedrich von Hardenberg im Spiegel seiner Dichtungen. Göttingen 1967
- HEFTRICH, ECKARD: Novalis. Vom Logos der Poesie. Frankfurt a. M. 1969
- MAHL, HANS-JOACHIM: Friedrich von Hardenberg (Novalis). In: Deutsche Dichter der Romantik. Hg. von BENNO VON WIESE. Berlin 1971. S. 190—224
- NEUBAUER, JOHN: Novalis. Boston 1980
- KURZKE, H.: Novalis. München 1988

- U E R L I N G S, H E R B E R T: Friedrich von Hardenberg, genannt Novalis. Werk und Forschung. Stuttgart 1991
- R O D E R, F.: Novalis. Die Verwandlung des Menschen. Stuttgart 1992

6. Исследования

- S A M U E L, R I C H A R D: Der berufliche Werdegang Friedrich von Hardenbergs. In: Romantik-Forschungen. Halle 1929. S. 83—112
- S Ä N G E R, E M I L: Das Horoskop des Novalis: Sein Weltbild und seine Liebe. In: Die Astrologische Rundschau 26 (1934). H.3/4, S. 65—69
- S C H U L Z, G E R H A R D: Die Berufslaufbahn Friedrich von Hardenbergs (Novalis). In: Jb. der deutschen Schillergesellschaft 7 (1963), S. 253—312 (in: WdF, S. 283—356)

7. Труды более широкого характера, уделяющие особое внимание Новалису

- A L L E M A N N, B E D A: Ironie und Dichtung. Pfullingen, 1956
- B E N J A M I N, W A L T E R: Der Begriff der Kunstkritik in der deutschen Romantik. In: Benjamin, Schriften. Frankfurt a. M. 1955. Bd. 2. S. 420—528.
- H A Y M, R U D O L F: Die romantische Schule. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes. Berlin 1870—3. Aufl. besorgt von Oskar Walzel. Berlin 1914.
- H U C H, R I C A R D A: Die Blütezeit der Romantik. Leipzig 1899 — Ausbreitung und Verfall der Romantik. Leipzig 1902. Zusammen unter dem Titel: Die Romantik. 2 Bde. 1908 — Neuausgabe unter dem Titel: Die Romantik. Ausbreitung, Blütezeit und Verfall. Tübingen 1951
- K L U C K H O H N, P A U L: Die Auffassung der Liebe in der Literatur des 18. Jahrhunderts und in der deutschen Romantik. Halle, 1922—3. Aufl. Tübingen 1966

- KLUCKHOHN, PAUL: Persönlichkeit und Gemeinschaft. Studien zur Staatsauffassung der deutschen Romantik. Halle 1925
- KORFF, HERMANN AUGUST: Geist der Goethezeit. Versuch einer ideellen Entwicklung der klassisch-romantischen Literaturgeschichte. III. Teil: Frühromantik. Leipzig 1940—3. Aufl. 1956
- REHM, WALTER: Orpheus. Der Dichter und die Toten. Selbstdeutung und Totenkult bei Novalis—Hölderlin—Rilke. Düsseldorf 1950
- STROHSCHNEIDER-KOHRs, INGRID: Die Romantische Ironie in Theorie und Gestaltung. Tübingen 1960
- HANBURGER, KÄTE: Philosophie der Dichter. Novalis. Schiller. Rilke. Stuttgart 1966
- THALMANN, MARIANNE: Zeichensprache der Romantik. Heidelberg 1967
- UNGER, RUDOLF: Heilige Wehmut. Zum geistes- und seelengeschichtlichen Verständnis einer romantischen Begriffsprägung. In: Jb. des Freien Deutschen Hochstifts. Frankfurt a. M. 1940 — Später in: Unger, Gesammelte Studien. Berlin 1944 — Darmstadt 1966. Bd. 3. S. 181—254
- VOERSTER, ERIKA: Märchen und Novellen im klassisch-romantischen Roman. Bonn 1964 [Diss.]
- HEINE, ROLAND: Transzendentalpoesie. Studien zu Friedrich Schlegel, Novalis und E. T. A. Hoffmann. Bonn 1974
- NEUMANN, GERHARD: Ideenparadiese. Untersuchungen zur Aphoristik von Lichtenberg, Novalis, Friedrich Schlegel und Goethe. München 1976
- TIMM, HERMANN: Die Heilige Revolution. Das religiöse Totalitätskonzept der Frühromantik. Schleiermacher—Novalis—Schlegel. Frankfurt a. M. 1978
- SOMMERHAGE, C.: Romantische Aporien. Zur Kontinuität des Romantischen bei Novalis, Eichendorf, Hofmannsthal und Handke. Paderborn—München—Wien—Zürich 1993

Русская библиография

(составитель М. И. Бент)

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии.— Л., 1973.
2. Брандес Г. Литература 19 века в ее главных течениях. Немецкая литература.— Т.1—2.— СПб., 1900.
3. Вайнштейн О. В. Язык романтической мысли: о философском стиле Новалиса и Ф. Шлегеля.— М., 1994.
4. Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма.— М., 1978.
5. Гайм Р. Романтическая школа.— М., 1891.
6. Гейне Г. Романтическая школа//Гейне Г. Собрание сочинений: В 6 т.— Т.4.— М., 1982.
7. Дмитриев А. С. Проблемы иенского романтизма.— М., 1975.
8. Дмитриев А. С. Эстетический идеал Новалиса в романе «Генрих фон Офтердинген»//Вестник МГУ. Сер.10, Филология.— 1973.— № 1.
9. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика.— СПб., 1996.
10. Иванов В. И. О Новалисе//Мировое древо.— 1994. Вып.3.
11. История немецкой литературы: В 5 т.— Т.3.— М., 1966.
12. История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли.— Т.3.— М., 1966.
13. Карлейль Т. Новалис.— М., 1901.
14. Литературная теория немецкого романтизма/Документы под ред., со вступ.ст. и комм. Н. Я. Берковского.— М., 1934.
15. Литературные манифесты западноевропейских романтиков/Собр. текстов, вст. статья и общая редакция А. С. Дмитриева.— М., 1980.
16. Новалис. Генрих фон Офтердинген//Избранная проза нем. романтиков: В 2 т.— Т. 1.— М., 1979.

17. Новалис (Стихотворения) // Европейская поэзия 19 века.— М., 1977 (БВЛ).
18. Новалис. Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. Новалис (Литературный этюд Т. Карлейля)// Евразия.— СПб., 1995.
19. Тураев С. В. Немецкая литература: разд. «Новалис»//История всемирной литературы: В 9 т.— Т.6.— М., 1989.
20. Тураев С. В. От Просвещения к Романтизму.— М., 1983.
21. Ханмурзаев К. Г. Гете и Новалис//Гётевские чтения. 1984.— М., 1986.
22. Ханмурзаев К. Г. К проблеме личности в романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген»//Вестник МГУ. Сер.10, Филология.— 1975.— № 2.
23. Ханмурзаев К. Г. «Ученики в Саисе» Новалиса как натурфилософская повесть//Филологические науки.— М., 1984.— № 1.
24. Эстетика немецких романтиков/Сост., перевод и комм. А. В. Михайлова.— М., 1987.
25. Эткнд Е. Г. Поэзия Новалиса: «Мифологический перевод» Вяч. Иванова//Русская литература.— 1990.— № 3.

Указатель имен

- Андрада э Сильва, Хосе Бонифасио де 119
- Баадер, Франц Ксавер фон 149, 160, 192
- Бельциг, Августа Бернадина фон, см. ниже Августа Бернадина, баронесса фон Гарденберг
- Бёме, Якоб 239, 240
- Бетховен, Людвиг ван 12
- Бишофвердер, Ганс Рудольф фон 141
- Бледау 91
- Боссю, Шарль 160
- Браун, Джон 161, 245, 246
- Брахман, Фридрих 85
- Бренан, Кристоф 276
- Бюргер, Готфрид Август 32, 37, 38, 40, 46, 52
- Вейгель 250, 251
- Вельнер, Иоганн Кристоф фон 141
- Вернер, Абрагам Готлоб 119, 121, 127, 149, 154, 159, 234, 237, 238
- Виглеб, Иоганн Христиан 86
- Виланд, Кристоф Мартин 27, 31, 42
- Гарденберг, Августа Бернадина, баронесса фон 12, 17, 18, 20, 61, 252
- Гарденберг, Антон фон 18
- Гарденберг, Бернгард фон 251
- Гарденберг, Генрих Ульрих Эразм, барон фон 17—19, 21, 26, 43, 53, 61, 90, 123, 162, 180, 184, 252
- Гарденберг, Георг Антон, барон фон 15, 17
- Гарденберг, Готлоб Фридрих Вильгельм фон 21, 26, 27, 30
- Гарденберг, Гюнтер фон 14
- Гарденберг, Дитрих фон 14
- Гарденберг, Карл Август, князь фон 16, 65, 255
- Гарденберг, Карл фон 29, 49, 62, 71, 89, 105, 191, 250, 252—254
- Гарденберг, Каролина фон, см. ниже Каролина фон Рейхенберг
- Гарденберг, Сидония фон 252
- Гарденберг, Эразм фон 27, 57, 59, 60, 70, 72, 76, 79, 85, 87, 89, 98, 107
- Гаупт, Фридрих Траугот Михаэль 238

- Гегель, Георг Вильгельм Фридрих 12
- Гейниц, Фридрих Антон, барон фон 117, 119
- Геллерт, Христиан Фюрхтегот 205
- Гельти Людвиг Кристоф Генрих 32, 34
- Гемстергейс, Франс 51, 113, 115, 116, 131, 136
- Гердер, Август фон 119
- Гердер, Иоганн Готфрид фон 27, 114, 119, 185
- Гердер, Каролина фон 172
- Гессе, Герман 278
- Гельдерлин, Фридрих 12, 47, 64, 79, 81
- Гёте, Иоганн Вольфганг, фон 27, 31, 51, 64, 90, 100, 111, 112, 137, 139, 140, 148, 158, 185, 195, 197, 198, 202, 216, 217, 228
- Глейм, Иоганн Вильгельм Людвиг 32
- Гораций (Квинт Гораций Флакк) 30, 32
- Готтер, Фридрих Вильгельм 32
- Графф, Антон 19
- Гумбольдт, Александр фон 160
- д'Обиссон, Жан Франсуа 119
- Данкур, Жанетта 91, 244
- Жан-Поль (Иоганн Фридрих Рихтер) 97, 101, 105, 179, 198
- Зеверин, Фридрих 34
- Иисус 105, 107, 135, 207, 208, 212, 213, 248
- Иосиф II, император 37
- Калидаса 76
- Кант, Иммануил 41, 51, 202
- Карлейль, Томас 275
- Карлович, Ганс Георг фон 123, 124, 173, 253
- Кернер, Христиан Готфрид 129
- Клаудиус, Матиас 205
- Клопшток, Фридрих Готлиб 31, 32, 34, 49, 205
- Кук, Джеймс 44, 36
- Кюн, София Вильгельмина фон, см. София Вильгельмина фон Рокентин
- Кюн, София фон 62, 70—72, 76—79, 85, 86, 89—91, 94—97, 99, 104, 105, 107—111, 117, 134, 135, 148, 167, 170, 207, 209, 223, 230, 244, 245, 249
- Лавуазье, Антуан-Лоран де 12, 122
- Ламберт, Иоганн Генрих 161
- Лампадиус, Вильгельм Август 121

- Лаура 53
- Лафатер, Иоганн Каспар 205, 206
- Лессинг, Готхольд Эфраим 51, 202
- Луиза Августа Вильгельмина
Амалия, королева Пруссии 63, 141, 143, 145
- Луиза, принцесса фон Мекленбург-Штрелиц, см. Луиза Августа Вильгельмина
Амалия, королева Пруссии
- Лукач, Георг 276
- Мандельсло, Фридерика фон 89, 90, 143
- Манн, Томас 277
- Мантейфель, Иоганна фон 123, 125
- Меттерних, Клеменс Венцель
Николаус Лотар, князь фон 12, 255
- Мильтиц, Дитрих фон 123, 124, 172, 253
- Мурхард, Фридрих 160
- Наполеон I, император французов 12, 201, 204, 255
- Нитхаммер, Фридрих Иммануил 81, 138, 171
- Нюрнбергер, Рахель, см. Рахель Юст
- Оппель, Фридрих Вильгельм фон 118
- Оппель, Юлиус Вильгельм фон 118, 163, 167, 180, 181, 214, 237
- Платон 51, 113
- Пристли, Джозеф 12
- Рамлер, Карл Вильгельм 32, 37
- Рафаэль (Рафаэлло Санти) 159
- Рейнгольд, Карл Леонгард 41, 44, 80, 81
- Рейнхард, Франц Фолькмар 127
- Рейхардт, Иоганн Фридрих 129, 185
- Рейхенберг, Каролина фон 101, 191
- Рейхенберг, Фридрих фон 191
- Решлауб, Андреас 245, 250
- Риттер, Иоганн Вильгельм 149, 192—194
- Рокентин, Иоганн Рудольф фон 68, 70
- Рокентин, София Вильгельмина фон 68, 70, 89, 243
- Спиноза, Барух де 83, 86
- Сталь, мадам де (Анна-Луиза-Жермена, баронесса де Сталь-Гольштейн) 138
- Стеффенс, Генрик 139, 141, 255

- Тидеман, Дитрих 161
- Тик, Людвиг 10—12, 19, 185, 192, 195, 198, 209, 214, 228, 233, 242, 243, 250, 252, 253, 255
- Тильман, Вильгельмина фон 125
- Тильман, Иоганн Адольф фон 125
- Тракль, Георг 277
- Унгер, Иоганн Фридрих 146, 187
- Уц, Иоганн Петер 32
- Фейт, Доротея 192, 194, 197
- Фивег, Ганс Фридрих 171
- Фихте, Иоганн Готлиб 80—85, 87, 95, 101, 109, 110, 111, 152, 171—173, 198, 199, 201
- Форберг, Фридрих Карл 171
- Форстер, Иоганн Георг 14, 76
- Форстер, Иоганн Рейнгольд 14, 36
- Фридерика, королева Пруссии 63
- Фридерика, принцесса фон Мекленбург-Штрелиц 63
- Фридрих II, Великий, король Пруссии 37, 140
- Фридрих II, император 37, 129
- Фридрих Вильгельм I, король Пруссии 143
- Фридрих Вильгельм III, король Пруссии 12, 141, 143, 145
- Функ, Карл Вильгельм Фердинанд фон 129, 214
- Хух, Рикарда 275
- Цинцендорф, Николаус Людвиг, граф фон 86
- Шадов, Иоганн Готфрид 63, 145
- Шамфор де, Никола-Себастьян Рок 130
- Шарпантье, Иоганн Фридрих Вильгельм фон 125, 127, 129
- Шарпантье, Юлия фон 128, 163, 164, 166—168, 170, 187, 209, 218, 221, 234, 240, 245, 252, 253
- Шееле, Карл Вильгельм 12
- Шеллинг, Фридрих Вильгельм Йозеф фон 49, 79, 112, 113, 117, 149, 150, 156, 157, 159, 192, 196, 197
- Шиллер, Фридрих 40—47, 52, 59, 64, 77, 89, 112, 129, 138, 139, 195, 197, 244
- Шлегель, Август Вильгельм 52, 100, 111, 112, 117, 129, 130, 133, 138, 148, 159, 185, 192, 197, 198, 252
- Шлегель, Каролина 111, 159,

- 166, 175, 178, 179, 192,
197, 216, 244, 251
- Шлегель, Фридрих** 11, 12,
51—54, 58, 59, 61, 68, 79,
80, 82, 85, 86, 88, 90, 91,
95, 107, 109—113, 115,
123, 129—131, 141, 142,
146—148, 151, 156, 157,
159, 164, 167, 168, 170,
175, 187, 191, 192, 195,
197, 198, 214, 216, 230,
231, 233, 234, 244, 253—
255
- Шлейермахер, Фридрих Да-
ниэль Эрнст** 79, 129, 133,
157, 187—190, 192, 194—
196, 198, 201, 202, 240
- Шмидт, Карл Христиан Эр-
хард** 43, 68
- Штарк, Иоганн Христиан** 89,
244, 250, 254
- Штольберг-Штольберг, Фридрих Леопольд, граф
цу** 32, 34, 49
- Штольберг-Штольберг, Хрис-
тиан, граф цу** 34, 49
- Эйхендорф, Йозеф Карл Бене-
дикт, барон фон** 68
- Эйхенс, Эдуард** 10, 11
- Энде фон** 91
- Эрнст, Шарлотта** 252
- Эрнст, Людвиг Эммануэль**
123
- Эшенмайер, Карл Август** 245
- Юлия** 53, 54
- Юнг, Эдвард** 101
- Юст, Каролина** 66, 87, 96,
99, 100, 105
- Юст, Рахель** 98, 125, 167,
182
- Юст, Целестин Август** 65—
67, 98, 100, 109, 133, 253
- Якоби, Фридрих Генрих** 114
- Яни, Христиан Давид** 30

ПРИЛОЖЕНИЕ

АФОРИЗМЫ И ФРАГМЕНТЫ

Здесь останавливается философия и должна остановиться, ибо в том именно жизнь и заключается, что не дает себя понять.

Чувство — идеально, рефлексия — реальна, если рассматривать их относительно друг друга. Если же рассматривать их по отдельности, то чувство — реально, а рефлексия — идеальна.

Быть соединенным посредством разделения — время.
Быть отделенным посредством взаимосвязи — пространство.

Мы ощущаем себя частью, именно поэтому мы — целостность.

Нравственность делится на религию и этику.

Почему мы — это мы? Это вопрос, сам на себя отвечающий и в качестве вопроса — сам себя отрицающий.

Всякий петух — господин на своей навозной куче.

Бог ни свободен, ни нравствен.

Люди становятся всё более, а человеческие типы — всё менее разнообразными.

Наше непрерывное говорение — эта болтливость нашего столетия — является его главным пороком и его отличительным признаком.

Человечество зеленеет и цветет, увядает и замирает — в одно и то же время.

Поэт заканчивает соответственно тому, как он начинает движение. Если философ лишь приводит всё в порядок, всё определяет, то поэт сбрасывает все оковы. Его слова — это не общие знаки; нет, это звуки, это волшебные слова, дающие движение вокруг себя прекрасным композициям. Как одежды святых еще продолжают обладать чудесной силой, так иное слово освящает, пробуждая какое-нибудь прекрасное воспоминание, становясь — едва ли не в одиночестве своем — стихотворением. Поэту язык никогда не кажется слишком бедным, но всегда — слишком общим. Нередко ему нужны повторяющиеся, из-за частого употребления сношенные слова. Его мир прост, равно как и его инструмент, однако при этом он неисчерпаемо богат мелодиями.

Ныне дух являет себя лишь кое-где: когда же он будет являть себя во всем? Когда же человечество в массе своей начнет размышлять о себе?

Человек осуществляет себя в правде. Там, где он поступается правдой, он поступается самим собой. Кто предает правду, предает самого себя. Однако речь при этом

идет не о лжи, а о действиях вопреки собственным убеждениям.

Большинство людей сами не знают, как они в действительности интересны, какие в действительности интереснейшие вещи они говорят. Если бы кто-нибудь дал им подлинное представление о самих себе — воспроизвел и прокомментировал их речи, — они пришли бы в глубочайшее изумление от самих себя, что помогло бы им обнаружить в себе совершенно новый мир.

Философствовать — значит определенным способом размышлять над собой — совершать открытие самого себя — вызывать возбуждение реального своего Я посредством Я идеального. Философствование — основа всех других наших откровений. Решение философствовать есть не что иное, как требование к своему реальному Я, чтобы оно опомнилось, проснулось и стало духом. Без философии не может быть подлинно нравственного поведения, равно как без нравственного поведения — философии.

Стать человеком — искусство.

Символы — это мистификации.

Играть — значит экспериментировать со случаем.

Стиль романа не должен быть некой непрерывностью; в каждом из периодов должно свершаться самозавершающееся строительство. Каждый маленький фрагмент должен быть чем-то отдельным, отграниченным, обладающим своей собственной целостностью.

Каждый бесчестный поступок, каждое недостойное чувство — неверность по отношению к любимой; это измена, нарушение супружеской верности.

Мы ищем повсюду чего-то безусловного и абсолютно-го, а находим всегда лишь вещное и условное.

Каждый возлюбленный нами предмет есть средоточие Рая.

Местопребывание души там, где внутренний и внешний миры соприкасаются. Когда они взаимопроникают, душа присутствует в каждой точке этого проникновения.

Впечатление такое, что всякое недовольство — как и некоторые иные пороки — проистекает от недостатка силы.

Потребность в любви уже сама по себе выдает присутствие в нас раздвоенности. Потребность всегда выдает некоторую слабость.

Брак — это высочайшее таинство. У нас же брак — таинство популярнейшее. Плохо, что мы выбираем лишь между браком и одиночеством. Это крайности, но ведь сколь мало людей способно к истинному браку, равно как весьма немногие способны претерпевать одиночество. Существуют разнообразнейшие виды связей. Брак — это бесконечная связь. Является ли женщина целью мужчины и существует ли женщина вне цели?

Бог — это тезис и синтез одновременно. Природа — антитезис.

Чувство, ум, рассудок в какой-то мере пассивны, что явствует уже из их названий, зато сила воображения — это именно сила: действующая, приводящая в движение.

Как может мысль разделить то, что Бог соединил?

В понятии деятельности уже заключено понятие свободы.

Пока живы храбрецы и трусы — будет жить и благородство.

Смерть — романтизированный принцип жизни. <...>
Смертью жизнь укрепляется.

Упражняйся в послушании.

Не осуждай ничего человеческого. Всё есть благо — только не везде, только не всегда, только не для всех.

Со смертью наступает конец лишь эгоизму.

Знание — лишь одна половина. Вера — вторая.

Рассудок и фантазия — это религия. Рассудок и разум — это знание.

Так ли уж необходима речь, чтобы мыслить...

Кто поступает согласно своим принципам, достоин уважения, однако не принципы тому причиной, но лишь то, чем они для него являются — выражением его реаль-

ного образа действия, мысленными формами его существования.

Не нужно искать в мире справедливости для себя.

Всё может стать жизненным средством. Искусством из всего извлекать жизнь. Всё оживлять — цель жизни. Желание — это жизнь. Отвращение — посредник на пути к желанию, как смерть — посредник на пути к жизни.

Вероятно, поэзия — лишь более прихотливое, активное и продуктивное пользование нашими органами; и будь наше мышление чем-то слегка другим, тогда, быть может, мышление и поэзия стали бы в итоге одним и тем же. Ибо когда мы мыслим, наши чувства прилагают богатство своих впечатлений к некоему новому виду впечатлений, — и то, что рождается вследствие этого, мы и называем мыслями.

Иметь соблазны и управлять ими — достойнее, нежели избегать соблазнов.

Чем шире круг понятия, тем уже его содержание.

Будь в мире с самим собой — вот главное условие достижения наивысшей цели: быть, то есть быть свободным.

То, что создано путем революционным, и уничтожено должно быть революционным путем.

Мужчине свойственно желать того, что чувственно, в рассудочной форме; женщине же — желать того, что рассудочно, в формах чувственных.

Второстепенные черты в характере мужском становятся решающими чертами в женском характере.

Наивысшее благо заключено в силе воображения.

Это так, потому что так должно быть. Так должно быть, потому что это так.

Противопоставляя порок добродетели, ему оказывают слишком большую честь.

Ни одно словечко не должно быть лишним.

Дьявол и Бог — крайности, из которых рождается человек. Дьявол — разрушительная, Бог — созидательная сила.

Природа не делает скачков.

Неужели люди ничем не обязаны благородству? Неужели они достаточно созрели, чтобы обходиться без благородства?

Чаемая философская система должна стать свободой и бесконечностью или, выражаясь точнее, — бессистемностью, приведенной в систему. Только такая система может избежать ошибок системы и упреков в несправедливости и анархии.

Едва человек начинает мыслить, как всякое свое волнение он приписывает какому-нибудь другому волнению.

Только совершенный человек способен создать совершенную философию.

Без совершенного понимания себя нельзя научиться истинному пониманию других.

Дух всегда является в незнакомом, мимолетном образе.

Каждый человек — маленькое общество.

Где дети — там золотой век.

Многие ценные книги разделяют судьбу золотых слитков Ирландии. Долгие годы их используют лишь в качестве разновесов.

Вся предшествующая история философии — не что иное, как история попыток отыскать философский метод.

Совершенной формой наук должна бы быть форма поэтическая.

Чтобы лучше познать жизнь и самого себя, следовало бы непрерывно писать роман.

Мы всё ещё живем плодами лучших времен.

Придавая вещам обыденным высший смысл, вещам привычным — обаяние таинственности, известным — до-

стоинство неизвестного, конечному — видимость бесконечного, — я романтизирую.

Каждый творит чудеса на свой манер.

Разгадать смысл жизни способен лишь художник.

Только из-за слабости наших органов мы не видим себя в сказочном мире.

Жизнь не должна быть тем, что дано нам, но она должна стать творимой нами фабулой.

Лишь тогда, когда мы в качестве людей смогли бы сравнить себя с другими разумными существами, мы поняли бы, кто же мы есть.

Все вещи имеют центробежные тенденции, центростремительность же они обретают благодаря духу.

Жить писательством — это даже для умов утонченных и свободных слишком рискованное предприятие.

Все совершенное представляется нам естественным и до конца познанным.

Хороший компаньон тот, кто не нуждается в компании.

Умирая, дух становится человеком. Человек, умирая, становится духом.

... вот вопрос: не изменилась ли, и существенно, природа с развитием культуры?

С вещами невидимыми мы связаны теснее, чем с видимыми.

Наша жизнь — не сон, но она должна быть сном и, может быть, когда-нибудь им станет.

Невинность — это нравственный инстинкт.

Добродетель — это проза. Невинность — поэзия.

Не может быть наблюдения без медитации, и наоборот.

Художественное произведение рождается художественной натурой.

Художника можно понять настолько, насколько сам являешься художником, а следовательно — насколько сам понимаешь себя.

Поэт понимает природу лучше, чем ученая голова.

Иступление чувств имеет к любви такое же отношение, какое сон — к жизни.

Мы должны быть не только людьми, мы должны быть чем-то большим, нежели людьми.

Без определенной степени одиночества невозможно нормальное развитие высших сил разума.

Где нет богов, там начинают царить призраки.

Серьезность должна сменяться улыбкой, шутка — серьезностью.

Поэма должна быть такой же неисчерпаемой, как человек или афоризм.

Пребывать в одиночестве вместе со всем, что любишь...

Не много чудес сотворит поэт, если не будет сам дивиться чудесам.

Вблизи поэта всюду зацветает поэзия.

Есть лишь одна-единственная причина зла — всеобщая слабость, а сама слабость эта — не что иное, как ущерб нравственной чувствительности, а также непонимание прелести свободы.

Наше тело, наше человеческое существо еще спят глубоким сном.

Чем одареннее человек, чем больше в нем культуры, тем индивидуальнее его органы, например — глаза, руки, пальцы и т. д.

Человек — солнце, его чувства — планеты.

Мы пребываем одновременно и внутри природы, и вне ее.

Высочайшее есть наипонятнейшее, ближайшее, необходимейшее.

Фантазия относит будущий мир либо ввысь, либо в пучину, либо в метампсихоз. Мы мечтаем о путешествиях по Вселенной — но разве Вселенная не внутри нас? Мы не знаем глубин нашего духа. Туда ведет таинственный путь. В нас или нигде — вечность со своими мирами, прошлое и будущее. Внешний мир — мир теней, он отбрасывает свою тень в царство света. Правда, сейчас внутри нас кажется так темно, одиноко, неоформленно, но все явится нам совершенно иным, когда эта омраченность минет и сгинет тело-тень. Мы будем более чем когда-либо наслаждаться, ибо именно этого нашему духу и недоставало.

Смертью мы впервые исцеляемся.

Самым чудесным, вечным феноменом является наше собственное естество. Величайшей тайной является сам для себя человек.

Мир, каким мы его в настоящее время видим, — это сумма наших актуальных (с нашей стороны пассивных) отношений с Богом.

Нравственное пространство Вселенной еще более неведомо и не измерено, чем пространство небес.

Умирание является сугубо философским актом.

Подлинно философский акт — самоубийство.

Полностью мы никогда не поймем себя, но мы будем и мы можем совершать нечто гораздо большее, нежели понимать себя.

Теория существует для практики или же практика для теории?

Жизнь — начало смерти. Жизнь существует в обоснование смерти. Смерть — это конец и одновременно начало, расставание и одновременно теснейшее самовоссоединение.

Мы близки к пробуждению, если нам снится, что мы видим сон.

Стыд, быть может, есть ощущение профанации. Дружба, любовь и благоговение должны бы проявлять себя тайно. Следовало бы говорить о них лишь в редкие, интимные моменты, храня о том молчаливое соглашение. Есть много такого, что слишком нежно, чтобы тронуть это мыслью и уж тем более чтобы о том говорить.

Безмятежным душам всегда недостает остроумия. <...> Наиострейшим остроумием руководит страсть.

Все случайности нашей жизни — материал, из которого мы вольны изготовить все, чего нам хочется. Тот, в ком много духа, сможет многое сделать из своей жизни. Каждое знакомство, каждый случай для человека, ставшего совершенно духовным (первым в бесконечном ряду), являлись бы началом бесконечного романа.

Для подлинной религиозности нет ничего более необходимого, чем промежуточное звено, которое связывало бы нас с Божеством. <...> В выборе этого промежуточного звена человек должен быть абсолютно свободен.

Для благочестивого человека всякая вещь может стать святыней.

Посредством собственности обладание облагораживается точно так, как посредством брака — телесное наслаждение.

Утрата духа сродства, товарищества — это смерть.

Искусственное, как правило, понимают лучше, чем естественное. Для простых вещей требуется больше духа, нежели для усложненных, но меньше таланта.

Создание новых миров не успокоит ума, устремляющегося в глубину, но любящее сердце насытит вечно ищущий дух.

Занимаясь самонаблюдением, мы привносим в себя жизнь.

Звери означают избыток жизни, растения — ее недостаток. Человек означает свободу.

Если дух освящает, то каждая настоящая книга становится Библией.

Демократия <...> в сущности ничем не отличается от монархии, разве что в качестве монарха здесь выступает скопище голов.

<...> всякое воспоминание меланхолично, всякое предчувствие радостно.

Что человек любит, то находит повсюду.

Моя любимая — это свернутая Вселенная. Вселенная же — это развернутость моей любимой.

Частные истории абсолютно невозможны. Каждая история должна быть мировой историей...

Будучи обманутым, человек учится обманывать.

Человек обязан соблюдать лишь свои собственные законы.

Настоящий учитель подобен дорожному указателю. Если ученика действительно отличает любовь к истине, то достаточно лишь указать ему направление, чтобы он смог найти то, чего ищет. Поэтому преподавание философии состоит из одних только тем, из вводного курса, дающего основы.

Философствование — это нежность в самом глубинном смысле, это выражение нежнейшей любви к размышлениям, абсолютного упоения мудростью.

<...> одни — это головы, лишённые рук; другие — руки, лишённые голов.

Благодаря поэзии рождается наивысшее соперничество и сотрудничество, самая тесная общность конечного и бесконечного.

Гений насквозь поэтичен. Что бы гений ни делал, он делает это поэтически. Человек по-настоящему нравственный — поэт.

Всеобщее безумие перестает быть безумием и становится магией. Безумием по правилам и вполне сознательным.

Мы поймем мир, когда будем понимать самих себя, ибо мы и мир — это две нераздельные половинки.

Как пленительна телесная оболочка, как отвратительно ее содержимое.

Лишь то, что несовершенно, поддается пониманию и в состоянии вести нас дальше. Совершенным можно лишь наслаждаться.

Парадоксы всегда смущают, вот почему они пользуются дурной славой.

Вся наша жизнь — богослужение.

А все ли люди — это люди? Ведь и совершенно иные существа, нежели люди, могут выступать в человеческом обличьи.

Из всего можно выбраться — все можно перекручивать и поворачивать как угодно.

<...> именно та извечная жалоба, что все проходит, должна и может быть самой радостной из всех мыслей.

Правда — это идеальная ложь, так же как здоровье — идеальная болезнь.

Глупые вопросы детей предстают ныне в совершенно

новом свете. Можно бы сказать — мир возник из какого-то глупого вопроса.

Любовь и есть конечная цель мировой истории — единство вселенной.

Общение со здоровым — абсолютно здоровым — исцеляет.

Все люди находятся в состоянии непрекращающегося поединка.

Чем дольше человек остается ребенком, тем длительнее жизнь.

Мир сказки полностью противоположен миру реальному — и поэтому полностью похож на него, как хаос — на совершенное творение.

Время — самый искусный историк.

Всякое упрощение порождает, с иной стороны, какую-нибудь новую сложность.

Испуг неизбежно охватывает человека, когда он бросает взор в глубины духа.

Знающий, что есть философствование, знает и то, что есть жизнь, и наоборот.

Стремление к оригинальности — обычный ученый эгоизм. Кто не относится к чужой мысли как к своей собственной, а собственную мысль не рассматривает точно

так же, как чужую, — тот не является истинным исследователем.

Свобода и любовь — одно.

Если умеешь любить что-то одно, значит умеешь любить все.

Художник принадлежит творению, а не творение художнику.

Когда встретишь великана, справься вначале о положении солнца и обрати внимание, не тень ли это пигмея.

Будьте людьми — и все права человека приложатся вам.

Всякая вера чудесна и чудотворна. Бог существует в тот момент, когда в него верят.

Свобода подобна счастью: для одного вредна, для другого — полезна.

Молитва в религии то же, что в философии мышление.

Ошибочно думать, что человек скучал бы, если бы знал все.

Для человека подлинно религиозного ничто не есть грех.

Едва лишь человек начинает искать Бога, он находит его повсюду.

Могут существовать математики первой величины, не умеющие считать.

Откровения нельзя добиться силой.

Поэзия врачует раны, наносимые разумом.

Всякую болезнь можно считать болезнью души.

Переносить непереносимое нас заставляет безволие.

Тот, кто понимает грех, понимает добродетель и христианство, самого себя и мир вокруг.

Наверняка никто не находится дальше от цели, чем тот, кому представляется, будто он уже знает эту особенную страну...

Безмерна юношеская печаль при первом столкновении с брэнностью всего земного.

<...> я вижу два пути углубления знаний о человеческой истории. Один — тяжелый и бесконечный, с бесчисленными тупиками — путь опыта. Другой, преодолеваемый одним прыжком — путь внутренней медитации.

<...> Совесть замещает на земле Бога.

Есть только один храм в мире и это — человеческое тело. Мы касаемся неба, когда дотрагиваемся до тела человеческого.

Перевод **Н. БОЛДЫРЕВА**

ЖИЗНЬ КАК СНОВИДЕНИЕ

Обычно тот, кто любит жизнь и взволнован ее прелестью, возмущается зрелищем смерти. А тот, кто возлюбил смерть, отвращается от жизненного цветения и буйства. Новалис будоражит наше воображение именно тем, что, любя таинство смерти и чувствуя к нему глубокое влечение, он в то же время самым страстным образом захвачен действием жизни, пытаюсь объять все ее черты и устремленья. Его внимание к жизни было до предельного какого-то градуса (когда не выдерживает уже физический состав человека!) мощным и многогранным. И эта мощь питалась смертными интенциями. Озаренность знанием смертной тайны (дается она весьма немногим избранныкам) бросала лучи на смыслы земных символов, для большинства людей слишком обыденных, чтобы волноваться ими ежечасно.

В этом парадоксальность и очарование новалисовской личности, женственно, почти девически утонченной и в то же время царственно мужественной — так, как это подобало бы лишь самому Гёте — такому же универсалу в интересах и столь же владетельному в зрелости философского охвата жизни.

Натурам, подобным Новалису, знание об условной, символической, отраженной сущности земной жизни и о духовном могуществе того измерения бытия, которое наступает «за смертью», дается изначально, не в ходе какого-то опыта, а до-опытно. И, конечно, смерть 15-летней

невесты Новалиса Софи Кюн, как и мистическое ей служение, словно бы он всегда ощущал «неотмирность» Софи, — были лишь неслучайным орнаментом судьбы (когда подобное устремляется к подобному), но отнюдь не первопричиной того пожизненного философского настроения, которое можно назвать верой в исцеляющую силу отрыва души от плоти.

Эта полная нерасторжимость в воспевании Дня и Ночи более всего загадочна в Новалисе и более всего раскрывает секрет его специфической гениальности. Жизнь для него во многом «чужбина» — а именно в той самой мере, в какой мы постигаем в ней более могущественные черты Инобытия — родины, подлинной родины каждого. В «Гимнах к Ночи» есть строчки: «Влечение к чужбине истощается в нас, и нам хочется домой, к отцу...» (Перевод подстрочный). И это — один из лейтмотивов и поэзии его, и прозы.

Наша земная жизнь — не домашняя и не может и не должна быть чересчур домашней; это ошибка — обустриваться здесь чересчур всерьез, как дома, как на последнем пристанище. И уж совсем наивно — потеряв бдительность и собранность, бонвиванствовать в шлафроке на диване. Мы здесь дома лишь в той мере, в какой нам удастся уловить и реализовать черты и свойства мира потустороннего.

Чужбинность жизни придает ей странный — сказочный и приключенческий колорит. Искорка духа, запертого в теле, озирается в изумлении, пытаясь понять заданный ей неожиданный кроссворд. Все полно намеков, скрытых значений, каждая вещь тайком от человека общается с невидимыми существами, дух трогает стенки любого сосуда. «Дух всегда является в незнакомом мимо-

летном образе». Потому духовный человек — это прежде всего перехватчик и дешифровальщик. Обыкновенный человек не замечает этих вестников, рассматривая эти знаки либо как слишком обыденное, либо как чересчур случайное, либо как слишком пугающее новизной и чужестью. (Спрашивается, чего же, какого такого «специально ему явленного послания» ожидает обыкновенный человек?)

В мире, расколдованном Новалисом, человек должен быть готов в любой момент претворить свою жизнь в нечто самоосвобождающееся. В выборе путей он должен быть совершенно раскован. Всякий повод, любой случай, любой предмет может стать проводником в невидимое измерение. Ведь на самом деле «с вещами невидимыми мы связаны теснее, чем с видимыми». (Истина, отлично известная первобытному, ощущавшему мифологизм всего сущего, человеку.)

Однажды Чжуан-цзы приснилось, что он бабочка. Проснувшись, он не мог решить: ему ли приснилось, что он бабочка, или это бабочке снится, что она — Чжуан-цзы... Новалис несколько иначе подходит к этой теме. «Наша жизнь — не сон, — пишет он, — но она должна быть сном и, может быть, когда-нибудь им станет». Сделать свою жизнь «сном» — значит превратить ее из косноматериальной данности в свободную импровизацию, в приключение, в произведение искусства, столь же фрагментарное, объединенное лишь музыкально-магически, как это бывает во сне; столь же эротичное и столь же духоносное одновременно, сколь это бывает присуще только сновидческому мифологизму, где «дно» нашей жизни касается «вершины» неведомого материка.

Таким образом, глубины нашего жизненного сна касаются Сна иного... Пробуждаясь из обывательской ме-

ханистичности и бесчувственности к творимому сну жизни, мы делаем лишь первый шаг к пробуждению. Но вот мы созрели для следующего шага... «Мы близки к пробуждению, если нам снится, что мы видим сон», — пишет Новалис. Ну конечно же, это настоящая парафраза притчи Чжуан-цзы, бессознательная переключка интуиций, разделенных тысячелетиями, улов одного и того же образа, блуждающего в ментальном пространстве и хотя и попадающего время от времени в чьи-то «сети», но неизменно ускользающего из них и вновь свободного. Если Чжуан-цзы «снится», что он видит сон, в котором ощущает себя бабочкой, то значит духовное пробуждение Чжуан-цзы воистину близко, ведь он постиг условность разделения на «я» и «не-я», на «это» и «то».

В даосской книге «Вкус корней», составленной в начале 17 века, есть поразительная по красоте аналогия афоризму Новалиса: «Услышав удар колокола в ночной тишине, пробуждаешься от сна, в котором видишь сны. Созерцая отражение луны на глади вод, прозреваешь себя вне себя». Это и есть, если хотите, сатори: внезапно очнуться и оказаться уже во владениях Великой Пустоты.

Грани, разделяющие эти два мира — мир художественно полноценного «сна» и мир сверхреальности, мир великого бодрствования, — столь тонки, что едва ли могут быть обозначены извне. Ведь и мир бодрствования — это тоже сон, но сон магически значительный, пророческий. Как пишет знаток чаньской литературы В. Малявин: «Не потому ли прозрение для даосских философов подобно пробуждению к Великому Сну, этому семени сновидений, среди всех снов земли? И миг пробуждения удостоверяется для них вечностью снов. Даосский мудрец спит вещим сном — сном, пронизающим вечность.

Он «стоит одиноко», как может быть одинок только спящий. И, не умея отличить сон от яви, не имея трансцендентальных критериев различения истины и лжи, он «влеком великим недоумением».

Жизнь, ставшая, по Новалису, «сном», в то же время становится и подлинной литургией, богослужением. Всякое место становится храмом, пригодным для молитвы, каждое действие и каждый предмет становятся участниками ритуала. И внезапно взору открывается священность всего. «Когда кто-нибудь вдруг возжелает искать Бога, он находит его повсюду». Тотчас вспоминается знаменитое место из рассказа Дж. Сэлинджера «Тэдди»: десятилетний мистик, герой чаньского толка (из плеяды сэлинджеровских вундеркиндов, сущность которых в том, что они умеют творчески владеть спонтанной детской мудростью, младенческим прозреванием миров иных), говорит: «Я понял, что Бог — все, и у меня, знаете, волосы дыбом встали, ну и там, мурашки пошли... Помню, было воскресенье. Моя сестренка тогда еще совсем маленькая была, она сидела, пила молоко, и вдруг я увидел, что это — бог, и молоко — тоже бог. То есть, понимаете, она просто переливала бога из одного сосуда в другой». Впрочем, что Тэдди? Разве каждый младенец не ощущает божественность каждого грамма жизненного вещества? Не потому ли у Андрея Тарковского поиск священного измерения жизни и устремленность к своим собственным, автобиографическим первоисточкам, к материнскому лону (вплоть до страстного желания в нем вновь исчезнуть) столь неуклонно взаимопереплетались в последних его фильмах?

Каждый случай, каждый предмет, по Новалису, может быть проводником к Богу. «Для подлинной религи-

озности нет ничего более необходимого, чем промежуточное звено, связывающее нас с Божеством... В выборе этого звена человек должен быть абсолютно свободен». Для Новалиса весь чувственный универсум внутренне трепещет священными ритмами. Ничто не делится здесь на высокое и низкое, все потенциально сакрально. Вплоть до того, что «если дух освящает, то каждая настоящая книга становится Библией». А ведь Библия — это именно и по преимуществу боговдохновенная книга, Книга книг...

Мир Новалиса не то чтобы перевернут, но в нем самым естественным образом прозой жизни (то есть вещами самыми ближайшими, необходимейшими и сподручными) становятся сущности самые удаленнейшие. Скажем, смерть — столь же всегда близка и ощутима, как любовь. Бог материализует себя в образе кабинетных вещей. Все это выражено в афоризме: «Высочайшее есть наипонятнейшее, наближайшее, необходимейшее».

Магическая действительность Новалиса не знает не только верха и низа, низменного и возвышенного, она не знает также, где кончается внешнее и начинается внутреннее. «Фантазия относит будущий мир либо ввысь, либо в пучину, либо в метампсихоз. Мы мечтаем о путешествиях по Вселенной — но разве Вселенная не внутри нас? Мы не знаем глубин нашего духа. Туда ведет таинственный путь. В нас или нигде — вечность со своими мирами, прошлое и будущее. Внешний мир — мир теней, он отбрасывает свою тень в царство света. Правда, сейчас внутри нас кажется так темно, одиноко, неоформленно, но все явится нам совершенно иным, когда эта омраченность минет и сгинет тело-тень. Мы будем более чем когда-либо наслаждаться, ибо именно этого нашему духу и

недоставало». Какая парадоксальная и просторная концепция! В этой парафразе на тему гениальной платоновской интуиции ощутимо новейшее понимание космизма, угадываемое и в другом фрагменте Новалиса: «Мы одновременно находимся и внутри природы, и вне ее». Как сказал позднее другой немецкоязычный мистик Райнер Рильке, «даль сердца — дальше самой дальней дали!» Здесь так же, как и у Новалиса, отнюдь не только метафора, а точнее — совсем не метафора. То, что широкая публика, читая поэтов, воспринимает как красивую игру слов, как эстетически прихотливое (и потому в познавательном смысле безответственное) плетение эффектных узоров речи, то для самих поэтов-визионеров и мистиков является такой же очевиднейшей реальностью, как, скажем, для физика-атомщика мир его нуклонов и протонов, а для святого в скиту — явившееся ему ночное видение.

Для Новалиса познание любого фрагмента действительности приводит к целому. Однако на формальном уровне Новалис, как нетрудно заметить, постоянно себе противоречит. Если «для благочестивого человека, — пишет он, — всякая вещь может стать святыней», а всякий предмет выявляет божественную энергетику, то почему же эти вещи в то же самое время представляют собой лишь «мир теней»? И как можно при этом благоговеть и как можно жадно познавать этот всего лишь «тенево́й» мир?

Все это так, однако это и есть парадоксальная вселенная чаньского толка, гармонию которой нельзя постичь инструментом формальной логики. В процитированном выше фрагменте Новалиса тоска по освобождению от тела-тени странным образом не противоречит тому благо-

говению перед телом, которое мы часто у поэта встречаем. «Есть только один храм в мире, и это — человеческое тело. Мы касаемся неба, когда дотрагиваемся до человеческого тела». Или: «Наше тело, наше человеческое существо спят еще глубоким сном». Но максимума эта интуиция достигает у Новалиса в знаменитом афоризме из работы «Вера и любовь»: «Моя любимая — свернутая Вселенная; Вселенная же — это развернутость моей любимой». Легко заметить, что здесь душа мира, любовь, тело и космическое пространство слиты в одну познавательную формулу. Тело человека, а тем более любимого человека, а тем более любимой женщины (душа мира, как считал Новалис, девически-женственна) — не просто подобно космосу, но и есть сам космос в его «аббревиатурной» форме. И тем не менее земное тело — лишь часть теневого мира, и, освобождаясь от тела, мы возвращаем духу подлинность. «Смертью мы впервые исцеляемся», — строчка из «Гимнов к Ночи». Жизнь не есть ни плюс, ни минус, равно как и смерть. «Нравственная сторона Вселенной еще более нам неведома и неисследована нами, нежели просторы небес». Вот вам еще одно измерение Вселенной, пронизывающее насквозь и жизнь, и смерть. Еще один канал универсальной взаимосвязи, где законы сердца вступают в контакт с законами звездных структур.

Новалис — родной брат «магических реалистов» Райнера Рильке и Германа Гессе, которым также было дано знание о таинственном сопричастии в этом мире мира потустороннего, о соотносении пространства человеческого духа с пространственной космической далью (ныне после внезапного сдвижения западной мысли к восточным интуициям нам это уже не кажется таким экзо-

тичным), знание о мистериальности всего того, что выглядит подчас даже чересчур обыденным. И при всем уважении, которое испытывали эти «бодрствующие» к кабинетной усидчивости как качеству личности, спонтанный интуитивный прорыв сознания к иному типу ведения представлялся им отнюдь не невозможным. Как писал Новалис: «Я вижу два пути углубления знания о человеческой истории. Один — тяжелый и бесконечный, с бесчисленными тупиками — путь опыта. Другой, преодолеваемый одним прыжком, — путь внутренней медитации».

Но в целом процесс познания трактовался Новалисом поистине как сказочный синтез. Всюду рассыпаны мистифицирующие символы, знаки иных миров и измерений, намеки о невидимых существах и реальностях, иероглифы, жаждущие расшифровки. А расшифровать может только целостная личность, тотально отдающаяся потоку жизни. Идеальный познаватель — это ребенок или поэт, то есть тот, кто умеет растворяться всем существом в тех предметах и сущностях, на которые направлено его внимание. («Вселенная — внутри нас» — и есть конечная констатация этой слиянности субъекта и объекта.) Подлинное познание — это потрясенность, экстаз. Гений непрерывно находится в состоянии тихого экстаза. На языке Новалиса гений — это «насквозь одухотворенная личность».

Углубляясь в себя, в непознанность самого себя, человек не только раскрывает сокровеннейшие тайны «внешней» Вселенной (на самом деле, разумеется, никакой «внешней» Вселенной нет, равно как и «внутренней»), но и воистину оживляет себя. («Занимаясь самонаблюдением, мы приносим в себя жизнь».) Жизнь — тотальный

процесс, где за какую ниточку ни потяни, можешь вытащить все. Например, важнейшее для Новалиса занятие — философствование — по существу является не чем иным, как художеством, сочинительством, поэзией. А, в свою очередь, писание подлинного романа — для Новалиса эстетическое моделирование своей собственной личности, «фабулирование» жизни, делание себя. Настоящая философия и философствование действуют толчками, озарениями — фрагментами, как и поэзия. В то же время только поэтическая натура может стать подлинным исследователем. Это настолько очевидно для Новалиса, что он убежден: «Могут существовать математики первой величины, не умеющие считать». Эта мысль вызывает веер чаньских ассоциаций. «Люди умеют читать книги, состоящие из письмен, и не умеют читать книгу, не имеющую письмен. Им ведомы звуки лютни, имеющей струны, и неведомы звуки лютни без струн. Если жить мертвой видимостью вещей и не внимать жизни духа, поймешь ли, что такое книга без письмен и лютня без струн?» («Вкус корней»). Это настолько по-новалисовски, что нетрудно представить этот афоризм в собрании фрагментов иенского романтика. А как не вспомнить притчу о великом знатоке лошадей Цзю Фан-гао (из «Лецзы»), которому достаточно было одного мгновенного взгляда, чтобы постичь достоинства коня, но при этом он легко ошибался в деталях, лежащих на поверхности, и вороного жеребца как-то назвал каурой кобылой...

Итак, «разгадать смысл жизни способен только художник» — в том специфическом значении этого слова, которое придает ему Новалис. Именно художник (поэт), то есть тот, кто сумел «стать человеком» («стать человеком — это искусство», хотя быть художником — это не

обязательно писать стихи или картины), может выйти к подлинному философствованию, то есть к раскрытию тайны человека. В сущности, тот, кто наилучшим образом смог бы оживлять все и вся, то есть раскрывать во всем окружающем магические свеченья и сакральные ритмы,— тот и был бы наиглубочайшим философом. Впрочем, можно назвать его и «мастером жизни».

Однако совершенный человек — тот, кто в то же самое время владеет искусством умирания. Ведь, по Новалису, именно «умирание является истинно философским актом». Умирание — расставание с жизнью. А жизнь насквозь пронизана смертью. Но смерть — столь же великое, сколь и радостное событие. Тоска по смерти — это тоска по духовному дому и отцу. Таким образом, тосковать по подлинности бытия, устремляясь из мира теней к оригиналам (подлинникам) всех вещей, и оживлять все вокруг — единый процесс. Тоска по смерти и прижизненное всеоживление сливаются в таинственное тождество. Попытки уловить отблески подлинников вещей и приводят к подлинности жизни. Без влечения к смерти невозможно понимание в жизни ее подлинного лика, а значит и нет глубины ее захвата и настоящего волнения в переживании ее.

Интересно, что Мартин Хайдеггер, пытаясь определить сущность современного философствования, обратился в «Основных понятиях метафизики» к анализу афоризма Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома». (То есть всегдашняя тоска по инобытию.) В конечном итоге, признав необыкновенную глубину афоризма, Хайдеггер делает вывод: «То, что Новалис называет ностальгией, есть фундаментальное настроение философствования».

Правда, современный мыслитель полон сомнений: «Ностальгия — существует ли сегодня вообще такое? Не стала ли она невразумительным словом, даже в повседневной жизни? В самом деле, разве нынешний городской человек, обезьяна цивилизации, не разделался давно уже с ностальгией? А тут еще ностальгия как определение философии!..»

Ирония философа вполне понятна. Тосковать по своей духовной родине, а уж тем более тосковать напряженно и страстно, а уж тем более плодотворно — это великий труд. Куда уж тут современному многосотмиллионному обывателю — «обезьяне цивилизации»! Однако у нас-то, россиян, есть перед глазами немеркнувший образ подлинного «тосковальщика», владетельного принца ностальгии. Я имею в виду Андрея Тарковского. В его последних четырех-пяти фильмах ностальгия «как фундаментальное настроение философствования» разворачивалась все более напряженно и глубинно, по восходящей. Ностальгия по духу. Интересно, что во многом фильмы Тарковского не только организованы в чань-дзэнском ключе, но словно бы и вырастают из какого-то бессознательно чаньского корневища. Какая страстная, до дрожи, до экстаза, нежность к чувственно-сакральному веществу жизненного истечения! И в то же время какая поразительная отрешенность от плотского в плоти, от вещественного в веществе, от «магазинности» в вещах!

Да, да — если хотите, и здесь слышны новалисовские ритмы, вневременный ветер чань шуршит в то влажных, то сухих сетях.

Н. БОЛДЫРЕВ

Литературно-художественное издание

Герхард Шульц
НОВАЛИС

Главный редактор *Н. Ф. Болдырев*
Редакторы *И. С. Розин, И. Ю. Устьянцева*
Художественный редактор *А. Ю. Данилов*
Технический редактор *А. И. Кунгурова*
Корректоры *З. Ф. Новикова, Л. А. Ильина*
Компьютерная верстка — *О. А. Илюхина, К. А. Кузнецов*

«Урал LTD» ЛР № 064775 от 27.09.96

Подписано в печать 19.05.98. Формат 84×108/32
Бумага для ВХИ Краснокамской бумажной фабрики «Гознака»
Гарнитура Школьная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 14,41
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2006

Издательство «Урал LTD», при участии издательства «Урал-книга»
454091, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда»
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34

ISBN 5-88294-106-7

9 785882 941061